

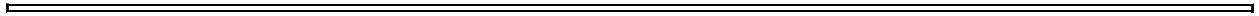
Annotation

Оглавление

- [Густав Эмар Гамбусино](#)
- [I. СТУДЕНТ-БОГОСЛОВ1](#)
- [II. ЭНКАРНАСИОН ОРТИС](#)
- [III. ДОНЬЯ ЛИНДА](#)
- [IV. ЭКСПЕДИЦИЯ](#)
- [V. КАК ЗАРЯЖАЕТСЯ МИНА](#)
- [VI. ПРОПОВЕДЬ В ПАСО-ДЕЛЬ-НОРТЕ](#)
- [VII. НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ](#)
- [VIII. КВАДРИЛЬЯ](#)
- [IX. ГОНЕЦ](#)
- [X. СТОЛКНОВЕНИЕ](#)
- [XI. ОХО-ЛЮСЕРО](#)
- [XII. МОС-ХО-КЕ](#)
- [XIII. КОМАНЧИ](#)
- [XIV. ПЛЕННИЦА](#)
- [XV. ПЕРЕХОД В ПРЕРИИ](#)
- [XVI. РАЗВАЛИНЫ НА РИО ХИЛА](#)
- [XVII. ГОСТЕПРИИМСТВО](#)
- [XVIII. ВОЖДЬ](#)
- [XIX. РЕКОГНОСЦИРОВКА](#)
- [XX. СОВЕТ](#)
- [XXI. РАЗВЯЗКА](#)
- [Примечания](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Густав Эмар Гамбусино

I. СТУДЕНТ-БОГОСЛОВ1

Благодаря системе управления, примененной испанцами, завоевавшими Мексику, — системе, которой упорно придерживалось правительство метрополии до самого дня освобождения Мексики, — бывшие испанские колонии Нового Света еще и теперь, после сорока лет свободы, остаются погруженными в состояние варварства, невежества и одичания, из которого им, возможно, никогда не удастся выбраться.

Для любого христианина, путешествующего по Мексике, остается совершенно непонятной религия, исповедуемая в этой стране, — если можно назвать религией ту сложную смесь католицизма и язычества, в которой никто не может разобраться, и меньше всего миссионеры, проповедующие ее в отдаленных провинциях.

Впрочем, индейцы, которые составляют две трети мексиканского населения, сохранили в неприкосновенности верования своих отцов и восприняли христианство лишь чисто внешним образом.

Какой умный и могучий народ мексиканцы! Если бы ими хорошо управляли, они могли бы очень быстро стать великим народом, потому что им присуще в высшей степени чувство добра и красоты. Лучшим доказательством этого является героическая борьба мексиканцев против Испании, которая выявила так много благородных людей в рядах инсургентов².

Но оставим на время настоящее этого бедного народа, достойного снисхождения и сострадания; бросим взгляд в прошлое и расскажем об одном из наименее известных эпизодов героической эпопеи, называемой борьбой за независимость Мексики. Этот эпизод, может быть намеренно и пренебрежительно забытый историей, тем не менее имел в свое время огромное значение, так как он нанес последний удар испанскому влиянию и доставил победу благородным борцам за свободу.

В одну из сред первой половины декабря 18.. года, между двумя и тремя часами пополудни, молодой человек лет двадцати пяти — двадцати шести, одетый в темное платье студента-богослова, — на нем была длинная сутана, белые брыжи³ и широкополая шляпа. — ехал верхом на муле вдоль правого берега Рио Гранде-дель-Норте, одной из крупнейших рек Мексики, отделяющей ныне эту страну от Техаса.

Сельская местность, через которую шла дорога путешественника, была чрезвычайно живописна, но молодой человек, казалось, не обращал

никакого внимания на красоты природы: он ехал, низко надвинув шляпу на глаза и опустив голову на грудь; либо он знал эти места уже давно и потому не находил в них ничего любопытного, либо — что более вероятно — его ум был целиком поглощен мыслями о войне, уже давно опустошавшей эту несчастную страну. Погруженный в тягостные размышления, путник оставался равнодушным ко всему, что происходило вокруг него, и не любовался великолепными пейзажами, развертывающимися перед ним непрерывно, как в калейдоскопе.

Он все время подгонял своего мула, чтобы как можно скорей добраться до маленького городка, или, вернее, селения, Пасо-дель-Норте, приветливые домики которого стали уже показываться на том берегу реки, наполовину скрываясь в чаще разнообразных деревьев.

Пасо-дель-Норте — старинная крепость, построенная некогда испанцами на границе штата Чиуауа для отражения набегов индейцев бравое.

Благодаря своей отдаленности крепость избежала страшных последствий гражданской войны, уже столько лет разорявшей Мексику. Жители крепости — правда, немногочисленные: их было не более полутора тысяч человек — жили спокойно и счастливо, равнодушно относясь к тому, что творилось вокруг.

По мере приближения к крепости студент перестал подгонять мула; наоборот, он начал его сдерживать и оглядывать окрестности с возрастающим беспокойством.

Полная тишина и глубокое молчание царили вокруг; так далеко, как только охватывал глаз, не было вино ни одной живой души.

Это необычайное безлюдье, странное в окрестностях важного пункта, окруженного многочисленными ранчо, поразило путешественника.

— Что же здесь происходит? Не понимаю, отчего у меня предчувствие беды? Почти страх! — пробормотал студент и, пришпорив мула, ударил его так сильно, чикоте⁴, что благородное животное, несмотря на усталость, понеслось галопом.

Вскоре путешественник доехал до заставы крепости.

Обычно ее ворота были открыты; теперь же они были на запоре; испанский солдат с ружьем на плече ходил взад и вперед за барьером.

Молодой человек принужден был остановиться.

— Ого! — сказал он. — Это становится серьезным!

Заметив в нескольких шагах от себя неподвижного всадника, часовой повернулся к нему, опустил ружье к ноге и, насмешливо осмотрев приезжего, спросил хриплым голосом:

— Кто идет?

— Друг, — ответил молодой человек.

— Так! Друг? — посмеиваясь, спросил солдат. — Друг кого, друг чего, а?

— Друг мира, — спокойно ответил молодой человек.

— Друг мира! Гм!.. — насмешливо сказал солдат.

— Посмотрите на мою одежду, сеньор солдат.

— Одежда ничего не значит, приятель, вы это знаете так же хорошо, как и я, — ответил солдат, все более издевательски оглядывая студента с ног до головы.

Тот закусил губу от злости, но счел более благоразумным скрыть это чувство.

— Кто вы такой и зачем вы сюда приехали? — спросил часовой после короткого молчания. — Говорите правду, если не хотите, чтоб я вам всадил пулю в голову!

— Я — студент-богослов из Гвадалахары, где сдал последние экзамены на звание священника; приехал сюда провести несколько дней у одного родственника перед поступлением на службу.

— Гм... — проворчал солдат, пожав плечами. — Все это не очень понятно... Является какой-то повеса с наружностью тореодора... вместо того чтобы служить королю, как все честные подданные.

— Служа богу, я служу королю, — смиренно сказал молодой человек.

— А! В конце концов, это не мое дело! Назовите имя вашего так называемого родственника, у которого вы собираетесь остановиться!

— Я не собираюсь, сеньор солдат, а действительно остановлюсь у моего родственника, — спокойно ответил студент. — Он не более не менее, как алькальд этой крепости, сеньор дон Рамон Очоа.

Солдат нахмурился.

— Неважная рекомендация, приятель! — сказал он. — Сеньора Очоа сильно подозревают в тайном сочувствии бунтовщикам.

— Это подлая клевета! — воскликнул студент. — Сеньор Очоа — почтенный человек, который не занимается политикой.

— Весьма возможно, но это уж дело нашего начальства. С этими словами он открыл ворота.

Студент уже готов был въехать в крепость, но часовой взял мула за повод:

— Послушайте! Не знаю почему, но вы мне понравились, даю слово Руиса Ортега! — а это мое имя. Прежде чем мы расстанемся, я бы хотел дать вам добрый совет.

— Раз он исходит от вас, я приму его с радостью, — ответил молодой человек, наклоняясь с лукавым видом к шее мула.

— По-моему, вы славный малый, и мне было бы досадно, если бы вы попали в беду. Вы молоды, сильны, здоровы... Поверьте мне, бросьте в огонь эту ужасную ряску — в ней только ворон пугать — и наденьте мундир. Это будет для вас выгоднее во всех отношениях.

— Благодарю вас, сеньор солдат, — с тонкой усмешкой сказал студент. — Никто не может предвидеть будущего. Быть может, я последую вашему совету гораздо скорее, чем вы думаете.

— И умно сделаете. Ведь это единственно возможное ремесло, к тому же доходное, особенно в наше время.

— Прощайте, сеньор солдат!

— До свидания, сеньор студент!

Часовой закрыл ворота и снова зашагал, очень довольный тем, что это происшествие нарушило монотонную скуку дежурства; а молодой человек поехал мелкой рысью по боковой улице селения.

В Мексике в разгар дня жара настолько нестерпима, что улицы городов и деревень совершенно пустеют. Жители прячутся в домах, ища прохлады; однако в этих жилищах, как бы плотно они не были закрыты, ощущается биение жизни: пение, смех, аккорды гитары вырываются из-за занавесок и решетчатых ставен; чувствуется, что город не умер, он только спит, — и стоит лишь подуть вечернему ветру, как разом откроются все двери и окна и временно остановившаяся жизнь отовсюду вырвется наружу и опять войдет в свое русло.

В этот день, несмотря на то, что самая сильная жара уже прошла, все дома оставались закрытыми, улицы пустынными, и только цокот копыт мула по острым булыжникам нарушал мертвую тишину, царившую в крепости.

Проехав несколько улиц, путешественник услышал неясный, усиливающийся с каждым мгновением шум, похожий на звуки праздника или гул мятежа. Крик, смех, рыдания, мольбы, веселые песни сопровождалась резкими звуками гитар, выстрелами, военными командами, топотом лошадей...

— А! Кажется, я наконец пойму, в чем дело! — глухо сказал молодой человек.

И, решительно повернув в узкую улицу, он почти тотчас же выехал на Главную площадь.

Там его глазам представилось зрелище — и неожиданное и необычайное.

В центре этой площади отряд, состоящий примерно из двухсот пятидесяти испанских всадников, — которых мексиканцы в насмешку называли тамариндос⁵ из-за желтого цвета их мундиров, — разбил временный лагерь.

Эти солдаты наводили ужас на несчастных обитателей покоренных городов и деревень; грабежи, пожары и насилия были еще самыми незначительными их грехами, — они оставляли после себя развалины и трупы.

Костры, в которые солдаты бросали обломки мебели, стропила и балки разрушенных домов, окрашивали стены зданий на площади красноватым отблеском.

Солдаты, удобно развалившись в креслах, заставляли индейцев прислуживать себе, награждая их сильными ударами чикоте по плечам и спинам для того, как, смеясь, говорили испанцы, чтобы разбудить их.

Лошади, стоя по брюхо в соломе, жадно поедали маис и альфальфуб, отнятые солдатами у асиендадо⁷.

Командир отряда, сидевший у входа в церковь в компании офицеров с лицами висельников в изодранных мундирах, судил испуганных и дрожащих жителей, которых солдаты непрерывно сгоняли на площадь.

Этих несчастных, чья вина была выдуманной и именно поэтому еще более достоверной в глазах случайных судей, чаще всего приговаривали к громадному штрафу, который они обязаны были внести немедленно, под угрозой повешения.

В том, что угроза эта была вполне реальной, можно было убедиться, переведя взгляд на балконы домов, где уже висело множество трупов.

В ту минуту, когда студент-богослов остановился на углу площади, перед грозным трибуналом предстали два человека, приведенные полупьяными солдатами.

Эти новые обвиняемые были: алькальд селения дон Рамон Очоа и священник местной церкви дон Хосе Антонио Линарес.

Оба они держались твердо и с достоинством, но не вызывающе.

Студент-богослов увидел их. Мгновенно приняв решение, он спешил и, ведя мула на поводу, смело пошел вперед; там, отогнав ударами чикоте нескольких лошадей, он привязал своего мула около самой большой кучи альфальфы и маиса, после чего спокойно направился в сторону церкви.

Молодой человек проделал все это так непринужденно, что никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Благодаря своей одежде он без труда проскользнул между группами

пьющих и пляшущих людей и остановился за спиной священника; последний не заметил его, озабоченный тем критическим положением, в которое он попал.

Начался допрос обвиняемых.

— Вы — алькальд, а вы — священник этой деревни? — спросил командир, обращаясь по очереди к обоим.

— Да, сеньор капитан, — ответили они с поклоном.

— Я получил сведения о вас, — сказал офицер, гневно теребя ус. — Они исходят от преданных слуг короля, а потому заслуживают доверия. Вас называют проклятыми бунтовщиками, карай!

— Это ложный донос! — твердо сказал алькальд. — Мы — верные слуги. Да и вообще здесь никто не занимается политикой.

— Когда в стране восстание, честные люди не смеют оставаться нейтральными! — громовым голосом сказал офицер. — Кто не за короля — тот против него!

— Это нелогичный вывод, — пожал плечами, ответил алькальд.

— Что? — сказал капитан, метнув на него косой взгляд. — Этот чудак, кажется, позволяет себе рассуждать?

— Зато вы... не рассуждаете, вы просто убиваете.

— В чем нас обвиняют? — спросил священник, поняв, что алькальд своими ответами осложняет их и без того опасное положение.

— А-а! Сеньор падре! — со злой насмешкой продолжал офицер. — Вы хотите знать, какие вам предъявляются обвинения? Не так ли?

— Признаюсь, сеньор капитан, — спокойно ответил священник, — я был бы счастлив узнать это, чтобы иметь возможность ответить и доказать ложность этих обвинений.

— Ну хорошо. Слушайте. Вы обвиняетесь в сношениях с инсургентами.

— Это очень неопределенно, — возразил священник.

— Есть и еще кое-что.

— Что же?

— Вас обвиняют, кроме того, в том, что вы неоднократно укрывали у себя предводителей восстания. Утверждают, что многие из них и сейчас скрываются в этой деревне. Но если мне даже придется разнести все ваши хижины, — клянусь телом Христовым! — я найду этих проклятых бунтовщиков, хотя бы они были спрятаны в чреве земли!

— Известны ли имена предводителей восстания, которых мы будто бы скрываем здесь?

— Называют двоих из гнусных мятежников, карай!

— И это?..

— Хосе Морено и Энкарнасион Ортис, два атамана разбойничьей шайки, которая принимала участие в восстании изменника Мина8. Что вы можете ответить на это?

— Ничего, кроме того, что это обвинение просто бессмысленно! — уверенно сказал алькальд.

— Дьяволы! — заорал капитан, — Так отвечать мне, дону Горацио Нуньес де Бальбоа? Вы поплатитесь за это, жестоко поплатитесь! И немедленно же!

В эту секунду студент-богослов осторожно протиснулся между алькальдом и священником и, отвесив почтительный поклон капитану, вкрадчиво произнес:

— Прошу прощения, сеньор капитан, вы хотели бы захватить дону Хосе Морено и дону Энкарнасиона Ортиса?

Взглянув на молодого человека и услышав его голос, алькальд и священник невольно вздрогнули.

— А этот пройдоха откуда взялся? Ему что здесь нужно? — удивленно вскричал капитан.

— Я не пройдоха, сеньор капитан, а бедный студент-богослов, — смиренно сказал молодой человек. — Я только что приехал в крепость, чтобы провести несколько дней у моего дяди, почтенного дона Рамона Очоа.

— О! Вы успели в самый раз, сеньор студент! Вы сможете сейчас полюбоваться, как вашего дядю вздернут на виселицу! — сказал офицер. — Но скажите, пожалуйста, какая связь между вашими словами и тем делом, которое мы здесь разбираем?

— Если вы пожелаете, сеньор капитан, я могу дать кое-какие сведения по этому вопросу.

— Вот как! Ну-ка, послушаем!

— Мне кажется, я встретил всего за несколько лье отсюда тех двух людей, которых вы ищете.

— Морено и Ортиса? — мгновенно заинтересовавшись, вскричал капитан.

— Скажем прямо, сеньор капитан: что касается дону Энкарнасиона Ортиса, я вполне уверен. Но дон Морено... тут дело обстоит иначе.

— Как так?

— Вы должны хорошо знать — ведь вы работали тигреро на их асиенде, — сказал студент с легкой насмешкой, — что и отец и сын носят одно и то же имя. О котором из них вы говорите?

Офицеры сдержанно засмеялись при этом неприятном для капитана напоминании, сделанном лукавым и робким студентом с таким наивным видом, что он мог привести в отчаяние даже святого.

Капитан прикусил губу и бешеным взглядом заставил замолчать этих весельчаков.

— Кажется, этот плут издевается надо мной! — В голосе его слышалась угроза.

— Ни в коем случае, сеньор капитан, я лишь стараюсь дать вам те сведения, которые вы желаете получить.

— Гм!.. Значит, ты знаешь этих людей?

— Почти так же хорошо, как вы, хотя я и не был у них на службе.

— Опять! — вскричал капитан. — Берегись, мошенник! У тебя слишком длинный язык! Он не доведет тебя до добра!

— Если вы приказываете, я замолчу.

— Говори. Но ограничивайся только ответами, без комментариев. Кто из них, отец или сын, был с Энкарнасионом Ортисом?

— Сын.

— Ты уверен в этом?

— Вполне.

— Женщины с ними не было?

— Не было.

— Куда они направлялись?

— В асиенду де ла Каха.

— Так близко отсюда?

— Да, не более двух лье. Они, вероятно, не знают, что вы здесь, иначе побоялись бы приблизиться сюда.

— Конечно. Много ли народу было с ними?

— Сотня ранчерос — не больше.

— Женщин не было?

Молодой человек, казалось, смутился.

— По-моему, нет, — сказал он.

— Гм... Ты в этом не уверен. Выслушай меня внимательно. Все то, что ты сказал, может быть, и правда. Я бы не выполнил своего долга, если бы не принял этого во внимание. Но это может быть и ложью, так как, по-моему, ты очень хитрый плут: в этом случае ты заслуживаешь наказания. Поэтому я хочу иметь тебя под рукой, чтобы я мог или наградить тебя, или наказать, смотря по обстоятельствам. Ты поведешь нас.

— Не желаю ничего лучшего, сеньор капитан, тем более, что я не люблю этих двух людей и был бы рад сыграть с ними злую шутку.

— Хорошо. Тебя предупредят, когда наступит время. До тех пор не покидай дома алькальда, если дорожишь своей головой.

— Повинуюсь.

— А к вам, сеньоры, — сказал капитан алькальду и священнику, — я проявлю снисходительность в ожидании более полных донесений. Возвращайтесь к себе и следите главным образом за тем, чтобы мои солдаты были обеспечены едой и питьем. Ступайте!

Затем, обернувшись к солдатам, стоявшим вокруг него, он резко приказал:

— Следующих!

II. ЭНКАРНАСИОН ОРТИС

Алькальд дон Рамон Очоа и священник Линарес, счастливые, что так дешево отделались, поспешили затеряться в толпе.

Студент-богослов тихо следовал за ними, ведя на поводу своего мула.

Путь от Главной площади до дома священника они прошли в молчании. Спутники словно боялись обмениваться мыслями.

У священника был чудесный домик. Он стоял в глубине сада, скрытый густой массой цветов и листвы.

Студент поручил своего мула пеону и, не дожидаясь приглашения, последовал за алькальдом и священником в низкий зал. Здесь все напоминало о недавнем посещении испанских солдат: мебель была в полном беспорядке, соломенные циновки сорваны и разбросаны по комнате.

Когда студент, войдя в комнату, притворил за собой дверь, сеньор дон Рамон задвинул засов, положил ключ от двери в карман и, подойдя вплотную к студенту, резко спросил:

— Теперь, кабальеро, надеюсь, вы скажете нам, кто вы такой?

— Кто я? — смеясь, ответил молодой человек. — Боже мой! Ваш почтительнейший племянник, дорогой дядюшка!

— У меня нет племянника, сеньор, и вы это знаете, может быть, лучше, чем кто-либо другой. Прекратите свои шутки! Сейчас, по-моему, не время веселиться!

— Скажите прямо, кто вы такой? — сказал священник.

— Хорошо. Но прежде я должен быть уверен в своей безопасности.

— Что вы хотите этим сказать?

— А-а! Вот видите, сеньоры, спрашивать легче, чем отвечать! — шутливо сказал студент, непринужденно развалившись в кресле.

— Я вас не понимаю, — сказал священник.

— Я тоже, — добавил алькальд.

— Скажу яснее. За кого вы?

— Что такое? — переспросил священник.

— Что вы сказали?! — воскликнул алькальд.

— Одним словом, вы за короля или за народ?

— О, черт! — ответил алькальд. — Вопрос серьезный!

— Трудный вопрос, — сказал священник.

— Очень сожалею, но не могу сказать вам более подробно о себе,

сеньоры, пока не получу от вас откровенный и точный ответ.

Наступило короткое молчание. По-видимому, алькальд и священник раздумывали. Студент наблюдал за ними искоса, делая вид, что очень занят раскуриванием своей сигареты.

— А если вы окажетесь предателем? — спросил дон Рамон прямо.

— Не говорите глупостей, сеньор алькальд, — ответил молодой человек.

— Ну, знаете... Вы предложили испанскому офицеру помочь ему захватить дону Хосе Морено и дону Энкарнасиона Ортиса. Признаюсь, это не вызывает во мне доверия, которого вы требуете.

Молодой человек разразился хохотом без всякого уважения к своим почтенным хозяевам.

— Ну что ж! — сказал он. — Я вижу, мне придется показать пример откровенности.

— Посмотрим! — ответил алькальд, делая незаметный знак священнику.

— Смотрите! — С этими словами молодой человек сбросил одновременно шляпу и парик, доходивший ему почти до глаз.

Лицо молодого человека мгновенно изменилось. Это было настоящее театральное превращение.

— Энкарнасион Ортис! — В крике алькальда и священника удивление смешивалось с ужасом.

— Я самый, сеньоры! — ответил молодой человек, продолжая смеяться. — Но, пожалуйста, говорите тише. Положение мое сейчас небезопасно.

— Несчастный! — вскричал священник, горестно всплеснув руками. — Бог мой, какая неосторожность! Что, если вас узнают?

— Меня повесят! — беспечно ответил Ортис. — Но дело не в этом. Что ж, вы и теперь откажетесь мне отвечать?

— Конечно, нет. Мы будем так же откровенны, как вы, — ответил алькальд. — Я за народ.

— А я за бога и мою страну, — сказал священник.

— Я это знал, сеньоры, — сказал молодой человек, снова надевая парик и шляпу. — Вот почему я и не побоялся прийти к вам. Но прежде всего, дорогой дон Рамон, дайте приказ, чтобы все спиртные напитки, какие только можно найти в деревне, были отправлены на Главную площадь! Раздайте тамариндос и мескаль, и рефиньо. Я объясню вам потом, для чего это нужно.

— Согласен. Я займусь этим немедленно, дорогой дон Энкарнасион.

Мое доверие к вам так велико, что я даже не пытаюсь угадать ваши намерения.

— Вы можете быть спокойны: я борюсь за справедливое дело. Возвращайтесь поскорее — времени мало, а нам надо принять важные решения. Когда вы вернетесь, я открою вам мой план. Я надеюсь, сеньоры, что вы его одобрите.

— Мне нужно четверть часа — это не много?

— Нет, ступайте, я жду вас здесь. Во время вашего отсутствия мы побеседуем с падре.

Алькальд торопливо ушел — ему хотелось поскорей вернуться.

— Сейчас мы одни, — сказал молодой человек, пристально глядя на священника. — Вы ведь знаете, что, кроме интересов родины, которые привели меня сюда, есть еще одна причина, заставившая меня пробраться в эту крепость.

— Я понимаю, о чем вы говорите, дон Энкарнасион. Свое обещание я честно выполнил.

— Значит, донья Линда и ее отец...

— Находятся в безопасности. С момента появления испанцев я и дон Рамон укрыли их в верном месте. Оно было приготовлено заранее и о нем знаем только мы.

— Можете ли вы поклясться, что они не рискуют быть обнаруженными в этом месте?

— Клянусь вам моим вечным спасением, сеньор! — ответил священник твердым голосом.

— Я вам верю, так как знаю, что вы преданы им. Вам известно, что этот капитан Бальбоа и его шайка — вовсе не испанские солдаты, а просто бандиты последнего сорта?

— Я так и думал, видя, что они творят в нашей несчастной деревне! Но что делать?

— Терпение. Я знаю, что привело сюда этого Бальбоа.

— Страсть к грабежу?

— Да, но и страсть к донье Линде!

— Он небо! Возможно ли это? — с ужасом вскричал священник.

— Успокойтесь. Если бог привел меня сюда, значит, он не хочет, чтобы замыслы этого бандита осуществились. Могу я увидеть дона Хосе Морено и его очаровательную дочь?

— Это было бы неосторожно, сеньор дон Энкарнасион. Поймите, этот негодяй Бальбоа будет неустанно следить за вами. Если случай откроет ему ваше имя, все будет кончено и для них и для вас.

— Что мне смерть! — с горечью воскликнул молодой человек.

— Да, сеньор дон Энкарнасион Ортис, — ответил священник с такой торжественностью, которая подействовала отрезвляюще на пылкого молодого человека, — да, смерть — ничто, когда она приходит в свой час, когда дело, которому человек посвятил свою жизнь, выполнено и он может без страха предстать перед судом господним!

— Вы правы, я подожду, раз это нужно, — ответил молодой человек, внезапно успокоенный суровой отповедью. — Но тотчас же, как только наше дело будет закончено, клянусь богом!..

— Тогда вы поступите так, как вам будет угодно. Я даю вам слово, что не буду удерживать вас, а, наоборот, буду помогать вам во всех ваших делах по мере возможности.

— Я рассчитываю на ваше слово, сеньор падре.

— Я всегда буду готов выполнить его.

— Спасибо! Теперь будем думать только о нашем святом деле.

— Увы... — печально сказал священник. Дверь открылась, вошел алькальд.

— Уже вернулись! — радостно вскричал молодой человек.

— Вы видите, я не терял времени, дон Энкарнасион.

— Нет, напротив, вы проявили удивительную быстроту. Но скажите мне: достойные тамариндос получили достаточное количество вина?

— Я велел отправить на Главную площадь столько водки, что можно допьяна напоить целый полк тамариндос!

— Отлично, дон Рамон! Чем больше они выпьют, тем лучше.

— Я не совсем вас понимаю, сеньор Ортис.

— Пусть это вас не беспокоит. Вскоре вы меня поймете, я вам это обещаю. А что, солдаты очень пьяны?

— О да! Они были достаточно пьяны уже до моего прихода, как вы сами убедились в этом. Думаю, что водка, посланная мною сейчас, окончательно свалит их с ног.

— Прекрасно! Теперь выслушайте меня оба и запомните мои слова, так как время идет и я не успею их повторить. Я решил этой же ночью уничтожить эскадрон капитана Бальбоа. Слишком уж долго этот проклятый гачупин разоряет и грабит провинцию! Пора положить этому конец! Я получил приказ конгресса покончить с ним немедленно. Отступление невозможно, нужно действовать любым способом.

— Это очень трудно.

— Не так трудно, как вы полагаете. Мною приняты все меры, но для выполнения моего плана я нуждаюсь в вашей помощи.

— Она вам обеспечена безоговорочно, но что нужно делать? — ответил с некоторым сомнением алькальд.

— Почти ничего. Сегодня вечером все тамариндос, очевидно, будут пьяны. Что может быть легче, чем захватить их лошадей и оружие?

— Я не согласен с вами. Да, многие будут пьяны, это верно, но найдутся среди них и другие солдаты — вооруженные и хорошо дисциплинированные, и они, под командой офицеров, легко возьмут верх над нашими бедными индейцами.

— Вот об этом я и хотел поговорить, дон Рамон. Скажите, все ли заставы в деревне закрыты?

— Все. Более того, они охраняются сильными отрядами испанцев.

— Однако мне помнится, что существует ров, через который можно проникнуть в деревню, не будучи замеченным.

— Это верно.

— И он не охраняется?

— Конечно! Испанцы не знают о нем.

— В таком случае поставьте в этом месте верного человека, и ровно в десять часов вечера отряд из ста пятидесяти всадников, во главе которого будем я и дон Педро Морено, проникнет через этот ров и окажет вам помощь.

— Значит, ваша квадрилья действительно находится в окрестностях деревни?

— Конечно. Лучшая дипломатия — это правда. Поэтому я сказал капитану Бальбоа именно правду. Только не он захватит врасплох нас, а мы его!

— Ах! Хвала богу! — вскричал алькальд. — Это будет великолепно!

— Не правда ли? И хорошо придумано!

— Безусловно, но я вижу серьезное препятствие к выполнению этого замысла.

— Какое?

— Ведь именно вы должны служить проводником тамариндос в их экспедиции.

— О! Не беспокойтесь! Это я беру на себя. А теперь, когда мы обо всем договорились, до свиданья, сеньоры!

— Как? Разве вы с нами не пообедаете?

— Может быть, и пообедаю, — смеясь, ответил дон Энкарнасион, — но я предпочитаю, чтобы меня пригласил испанский начальник.

И он стремительно вышел, приведя в ужас своих соучастников смелостью, веселостью и непоколебимой уверенностью в успехе такого

рискованного дела.

Едва студент сделал несколько шагов от дома, как совершенно неожиданно очутился лицом к лицу с командиром отряда, шедшим в сопровождении своих офицеров.

— А-а! Сеньор студент! — сказал капитан, останавливая его. — Куда вы направляетесь?

— Если говорить правду, сеньор командир, — ответил Энкарнасион Ортис, лукаво смеясь, — я в поисках обеда.

— Обед? А ваш дядя, этот достойный алькальд, разве он...

— Мой дядя, — прервал его, улыбаясь, молодой человек, — выставил меня за дверь, предложив мне попросить обед у моих добрых друзей испанцев, — я вам повторяю его собственные слова, не изменяя в них ничего.

— А-а! — Командир нахмурил брови. — Он так сказал, этот почтенный алькальд? Хорошо, пусть так и будет — ваши добрые друзья испанцы приглашают вас пообедать.

— Только обед состоится у вашего дяди, и — клянусь богом! — он обойдется ему не дешево!

— Браво, это очаровательно! — воскликнули, смеясь, офицеры.

— Вы оказываете мне много чести, сеньор командир, — ответил молодой человек с притворным смущением, — но, право, я не знаю, могу ли я принять ваше любезное приглашение...

— Почему, сеньор студент?

— Мне не хочется окончательно поссориться с дядей. Он богат, я — его единственный наследник... А после того, что между нами сейчас произошло, скажу вам правду, я боюсь...

— Та, та, та! — весело перебил офицер. — Вы чудесный малый, вы мне нравитесь, и я помирю вас с дядей, будьте спокойны.

— Если так, то я следую за вами, капитан!

— Идем! Вы увидите, что он примет нас хорошо. Пять минут спустя капитан дон Горацио де Бальбоа вошел в дом алькальда в сопровождении своих офицеров и Энкарнасиона Ортиса; последний, смеясь в душе, продолжал притворяться очень смущенным.

Дон Рамон Очоа был неприятно поражен этим новым вторжением. Он не мог себе объяснить присутствие Энкарнасиона Ортиса; но, обменявшись с ним коротким взглядом, он несколько успокоился и принял злополучных гостей с самой изысканной вежливостью, хотя внутренне проклинал их от всего сердца.

— Сеньор алькальд, — сказал капитан в ту минуту, когда дон Рамон

готов был спросить у него о причине их прихода, — не более часа назад вы уверяли меня в вашей преданности королю, и я хочу публично доказать, что доволен вами. Поэтому я пришел к вам обедать и привел с собой моих офицеров и вашего племянника, которого вы, по-видимому, плохо приняли. Прошу вас помириться с ним, если хотите доставить мне удовольствие!

— Уверяю вас, дорогой дядя, — почтительно сказал молодой человек, — я сожалею о моих ошибках и смиренно прошу вас простить меня.

— Ну, вот и все! — сказал испанец. — А теперь прикажите подавать обед.

— Я могу вам предложить лишь очень скромный обед, сеньор.

— Мы им удовольствуемся, если он предложен от чистого сердца.

— Хочу думать, что в этом вы не сомневаетесь. Офицеры уселись, и два пеона по приказу хозяина принялись поспешно накрывать на стол.

В ожидании обеда алькальд приказал подать прохладительные напитки.

Под предлогом помощи своему дяде в хозяйственных хлопотах молодой человек успел, не возбуждая подозрения, шепнуть ему несколько слов, которые полностью успокоили дону Рамона и вернули ему присутствие духа и хорошее настроение.

Наконец обед был подан. Испанские офицеры весело заняли места за столом, ломившимся от яств.

В начале обеда офицеры вели себя пристойно. Студент-богослов пил мало, но зато усердно подливал другим. Вскоре гости основательно опьянели. Они начали зло высмеивать мятежников, издевались над алькальдом и бросали по его адресу едва скрытые угрозы.

Но этим дело не ограничилось. Офицеры, возбужденные выпитым вином, нашли себе забаву: они стали бить тарелки, бутылки и стаканы, швыряя их об стену; за посудой полетела мебель и картины. Начался разгром дома.

Дон Горацио де Бальбоа не только не подавлял беспорядка, но, наоборот, подавал всем дурной пример. Один из офицеров, более пьяный, чем остальные, не зная, какое еще зло причинить несчастному хозяину, предложил поджечь дом.

Боясь выдать свое негодование, алькальд решил уйти и предоставить хищникам свободное поле деятельности.

Никто даже не заметил его отсутствия. Разгром продолжался, смех и веселые крики становились все громче.

Внезапно, в разгар оргии, офицеры услышали церковный звон.

— Что это там? — спросил удивленно капитан.

— Пустяки! — сказал Энкарнасион. — Это священник, конечно, благодарит бога за ваше прибытие в деревню.

— Ну и черт с ним! — ответил дон Горацио. — Но где же наш хозяин? — добавил он, заметив отсутствие алькальда.

— Он сейчас вернется.

— Молодой человек, — продолжал с пьяной важностью капитан, — нельзя бросать своих гостей! Ступайте за своим дядей и приведите его сюда!

— Иду! — ответил студент, быстро вставая из-за стола.

— И если он откажется идти, принесите его! А пока — выпьем!

— Выпьем! — повторили хором офицеры.

Дон Энкарнасион поспешил воспользоваться полученным разрешением и быстро вышел.

Попойка, на момент прерванная, возобновилась с новой силой. Офицеры пели и кричали, перебивая друг друга. В зале стоял дикий шум.

Все это так не вязалось с обычно тихим домом алькальда!

III. ДОНЬЯ ЛИНДА

Дон Энкарнасион Ортис быстро нашел алькальда; тот с озабоченным видом шагал взад и вперед перед домом.

— Ну что там? — спросил он.

— Пьянство в самом разгаре. Если ничто не помешает, они будут сидеть там сутки! Я сказал, что иду за вами.

— Я должен вернуться?

— Боже сохрани! Наоборот, оставим этих пьяниц и воспользуемся передышкой, которую они нам дают.

— Что же нужно делать?

— Прежде всего отвести меня к дону Хосе Морено и его дочери.

— За нами не следят?

— Нет. Во всяком случае — сейчас... Поспешим! Алькальд, никак не ожидавший такой настойчивости,

пристально поглядел на молодого человека.

— Вы уже просили об этом падре Линареса, — нерешительно сказал он.

— Да, но как вы об этом узнали?

— Он сам мне сказал.

— А-а! Лучше бы он помолчал.

— Почему?

— Я знаю, что говорю... Но дело не в этом. Я должен их увидеть во что бы то ни стало!

— Вы хотите сказать им что-то очень важное?

— Чрезвычайно важное, поверьте мне, друг мой!

— О боже! Что же делать? — пробормотал алькальд.

— Повторяю: немедленно отвести меня к ним!

— А вы не боитесь, что офицеры...

— Я же сказал вам — они ничего не воображают! Проводите меня скорей к нашим друзьям, мне необходимо увидеть их и говорить с ними.

— Хорошо, идемте, раз вы этого требуете. Но если случится беда....

— За все отвечаю я. Будьте спокойны. Это далеко отсюда?

— В двух шагах.

Разговаривая, они вышли на узкую улицу, ведущую к реке, и остановились перед низким темным строением.

— Здесь, — сказал алькальд.

— В этой лачуге?! — воскликнул пораженный молодой человек.

— А вы считаете, что дворец был бы для них более надежным убежищем? — иронически спросил дон Рамон.

— Вы правы. Войдем.

Алькальд осмотрелся, убедился, что за ними никто не следит, приблизился к двери дома, трижды постучал палкой и тихо сказал:

— По ночам шакалы бродят вокруг жилищ.

— Не нужно выходить по ночам, — тотчас ответил голос из-за двери.

— Или нужно быть вооруженным, — возразил алькальд.

— Но где взять оружие? — услышался вопрос.

— У друзей, — сказал алькальд.

Алькальд и Ортис слышали, как в домике отодвигается засов, поворачивается ключ в замке; дверь приотворилась, но лишь на несколько дюймов. В Мексике, где так часты ночные нападения, привыкли держать двери на короткой цепочке, прикрепленной изнутри двумя крючками.

В щель боязливо просунулась голова старого негра; его лицо все еще выражало тревогу. Увидев на улице двух мужчин, он отшатнулся; чтобы его успокоить, дон Рамон поспешил заговорить с ним.

— Эй, дядя Канучо, — сказал он, поставив ногу между дверью и наличником, мешая негру запереть дверь, — ты меня не узнаешь?

— А-а! Сеньор алькальд! — ответил старый негр. — Но мне кажется, вы не один? — нерешительно добавил он.

— Я не один, со мной друг... Но впускай же нас скорей, глупый старик, у нас есть дело к твоему хозяину! Да и не стоит в наше время разговаривать на улице.

Старый негр, ворча про себя, снял цепь и посторонился. Мужчины наконец вошли; дверь немедленно закрылась за ними.

Они пересекли не только сагуан¹⁰, но и патио¹¹ и вошли в кораль, даже не приблизившись к дому.

— Куда мы идем? — тихо спросил дон Энкарнасион, беспокойно озираясь.

— Терпение, терпение! — так же тихо ответил дон Рамон.

Старый негр ввел их в полуразрушенный сарай, тщательно запер за ними изгородь, заменявшую дверь, потом взял метлу и отбросил в сторону кучу маисовой соломы.

Между двух камней в полу показался едва заметный гвоздь.

Негр наклонился, с силой выдернул гвоздь, и тотчас же часть стены опустилась примерно на десять футов и исчезла в незаметном углублении, открыв первые ступени винтовой лестницы, стиснутой двумя близко

стоящими стенами.

— Что за дьявольщина? — пробормотал Энкарнасион.

— Идем, — сказал алькальд и первый стал подниматься по ступенькам.

Энкарнасион немедленно последовал за ним.

Старый негр передал им фонарь и, убедившись, что они находятся на лестнице, снова поднял стену; она закрылась; негр остался снаружи.

— Так! Вот мы и заперты! — не удержавшись, сказал дон Энкарнасион.

— Успокойтесь, ненадолго.

— Чего я могу бояться, если вы со мной, друг мой? Но мне грустно видеть все эти предосторожности — они так ясно доказывают ужасное положение нашей несчастной родины.

Пройдя двадцать пять ступеней, они очутились перед крепкой железной решеткой, которую алькальд открыл, нажав потайную пружину, и попали в просторный коридор; в конце его они увидели и вторую решетку; алькальд открыл ее так же, как и первую.

Затем они резко повернули влево, но не успели пройти и десяти шагов, как перед ними возникла глухая стена. На этот раз препятствие казалось непреодолимым.

— Остановимся на минуту, — сказал алькальд.

— Тем более что ничего другого мы сделать не можем! — шутливо заметил дон Энкарнасион.

— Не волнуйтесь, — улыбаясь, ответил дон Рамон. — Те, к кому мы идем, знают о нашем приходе с того момента, когда мы стали на лестницу. Они не заставят нас долго ждать.

— Ах, так! Но где же мы, дон Рамон? Должен сознаться, что я даже не подозревал о существовании этого таинственного убежища, хотя, как вы знаете, мое детство прошло в этом селении или, по меньшей мере, вблизи от него.

— У этого убежища, как вы его называете, мой друг, очень древнее происхождение, уверяю вас, — оно существовало в самом начале завоевания Мексики.

— Неужели это одно из тех таинственных мест, где индейцы прятали свои богатства?

— Не совсем так, хотя вы ближе к истине, чем думаете. Вы знаете, что индейцы только считаются христианами, на самом же деле они — язычники, и многие из них еще выполняют обряды своей старой религии.

— Да, но должен признаться: я мало занимался этими вопросами.

— Индейцы твердо верят в то, что их несчастный император Монтесума, погибший во время бунта против испанцев, был вознесен на небо. Они ждут того дня, когда он возвратится на землю, чтобы освободить свой народ от иностранного ига и вернуть империи инков ее былое величие.

— Об этом веровании я часто слышал.

— Если хотите, я расскажу вам эту легенду. У нас есть несколько свободных минут.

— С удовольствием. Ведь нам действительно больше ничего не остается делать.

— Монтесума, что означает на языке индейцев «Суровый Властитель», был слабохарактерным и чрезвычайно суеверным человеком. Внезапное появление испанцев привело его в ужас из-за старинного пророчества, гласившего, что с северо-запада на больших крылатых домах появятся белые бородатые люди и разрушат мексиканскую империю. Всеми возможными способами Монтесума пытался избавиться от этих иностранцев. Но, к несчастью для императора, испанцев возглавлял авантюрист Кортес, которого фанатическое упорство и жажда золота сделали великим полководцем и гениальным дипломатом. Не буду посвящать вас во все детали этой баснословной героической эпопеи, называемой завоеванием Мексики. Кортес вошел в столицу империи, как друг, но вскоре сделался ее властелином. Опасаясь восстания, он добился того, что слабый монарх сам сдался ему в руки и превратился фактически в пленника, хотя ему и оказывали внешние почести.

— Вы мне читаете полный курс истории, — смеясь, сказал дон Энкарнасион, — но раз у нас есть время...

— Послушайте дальше, — продолжал алькальд. — Как-то император был особенно задумчив и лишь односложно отвечал окружавшим его вельможам. Потом он резко поднял голову и движением руки потребовал внимания. «Друзья мои, — произнес он, — сегодня ночью мой отец Солнце явился мне и сказал, что время моего пребывания на земле истекло и я должен вскоре вернуться к нему. Как произойдет это событие, не знаю, но предчувствую, что оно близко». При этих словах, произнесенных с горькой печалью, окружавшие его касики заплакали. Он ласково улыбнулся и, успокаивая их, сказал: «Друзья! Я — сын Солнца. Значит, я не умру, а возвращусь к моему отцу! Осушите слезы и возрадуйтесь, что я скоро освобожусь от ига бородатых людей. Мой отец меня призывает — так велит судьба. Никто не может противостоять этим неуязвимым людям, самовольно распоряжающимся небесным огнем. Но их могущество будет

недолгим! Запомните хорошо эти слова и в точности исполняйте мои последние заветы, ибо от вашего повиновения зависит спасение нашей дорогой родины. Из всех сокровищ, которыми я обладал, осталось одно — священный огонь, некогда зажженный самим Солнцем; на него белые не посмели поднять кощунственную руку. Этот огонь — вот он! — горит в золотой курильнице; возьмите его и пронесите под вашими плащами, чтобы тираны не смогли его обнаружить. Пусть каждый из вас сохранит, как святыню, частицу этого огня. В тот день, когда время испытаний окончится, я вновь появлюсь рядом с моим отцом на лазоревых облаках. И вы возрадуетесь, ибо я освобожу вас от ваших угнетателей!» Мексиканские вельможи повиновались императору и удалились, унося священный огонь. Когда через несколько дней император умирал от случайного удара камнем, его последние слова были: «Мексиканцы! Огонь! Помните, помните об огне!» Напрасно испанцы, напуганные словом «огонь», опасаясь измены, старались открыть, что обозначает это мистическое указание, — тайна была благоговейно сохранена, и испанцам не удалось разрешить эту загадку. Но так как инквизиция преследовала с неумолимой жестокостью все, что напоминало идолопоклонство, — хранители священного огня прятали его в надежных убежищах. Сейчас мы находимся с вами в одном из этих тайников, сооруженном предком дона Хосе Морено.

— Но ведь это было давно! Священный огонь, наверно, погас?

— Вы ошибаетесь. Он горит и сейчас: дон Хосе Морено ведь происходит от королей Тескуко, родственных семье последнего императора.

— Это правда, я забыл об этом. Так вы думаете...

— Я в этом уверен! Я сам индеец, и дон Хосе давно посвятил меня в эту тайну. — Но — тише! Идут! Ни одного слова о том, что я вам сказал.

— Я вам это обещаю.

Действительно, в этот момент легкий шум послышался позади стены, часть которой отделилась цельной глыбой и открыла широкий проход.

— Пойдемте, — сказал алькальд.

Их ждал слуга с факелом; он повел их различными переходами и через несколько минут остановился перед дверью, в которую и постучал.

— Войдите, мы вам рады, — послышался голос из-за двери.

Дон Рамон открыл двери и в сопровождении дона Энкарнасиона вошел в комнату, где находились старик и молодая девушка.

Старик был высокого роста, примерно лет семидесяти; благородные черты его лица, помрачневшего от горя, выражали доброту и внушали уважение; волосы, белые, как снега Чимборасо¹², падали в беспорядке на

его плечи.

Молодая девушка, лет семнадцати, была стройна и грациозна; в ее больших голубых глазах как будто отражалась небесная синева. Когда она смеялась, то казалось, что между розовыми губами сверкает жемчуг; пепельные шелковистые волосы вились вокруг очаровательного лица; на ней было белое платье, стянутое в талии широкой голубой лентой, и кружева, небрежно наброшенные на плечи; ее ножки, маленькие, как у ребенка, были обуты в легкие туфельки.

Это были донья Линда, имя которой означало по-кастильски «прекрасная», и ее отец, дон Хосе Морено.

Увидев алькальда, дон Хосе протянул ему руку.

— Еще раз приветствую вас, друг мой! — сказал он. — Очень жалею, что подагра приковала меня к постели и не дает мне возможности пойти к вам навстречу... Но кого вы привели к нам? — продолжал он веселым тоном. — Я вижу — друга!

— Энкарнасион! — вскричала донья Линда, радостно устремляясь навстречу молодому человеку.

— Довольно, милая, довольно! — сказал, смеясь, старик. — Успокойтесь, пожалуйста! Разве можно так бросаться в объятия красивого юноши, даже если он — ваш жених?

Молодая девушка остановилась, сконфуженная и покрасневшая.

— Благословите солдата, — сказал Энкарнасион, почтительно преклонив колени перед стариком.

— К сердцу, к сердцу, дорогой мой! — вскричал дон Хосе, с нежностью прижимая его к груди.

— Неужели вы не простите Линду, кузен? Я так ее люблю!

Старик улыбнулся, услышав такое оригинальное извинение, и обнял с нежностью обоих молодых людей.

— Итак, — весело сказал алькальд, усаживаясь в кресло, — я вижу, что не совершил неловкости, приведя сюда Энкарнасиона! А у меня было это опасение.

— Вы добрый и достойный друг, Рамон, вы мне доставили самый приятный сюрприз, и я благодарю вас от всего сердца.

— Значит, все прекрасно. Должен признаться, монсеньор, что я долго колебался, прежде чем согласился исполнить просьбу вашего родственника.

— Я знаю вашу осторожность.

— В данных обстоятельствах всякая предосторожность обязательна. Эти проклятые гачупины разыскивают патриотов глазами рыси, их шпионы повсюду.

— Будем надеяться, что хотя бы на этот раз вы их сбили со следа, — сказал дон Хосе.

— Дай бог, монсеньор, — произнес алькальд, — иначе я был бы безутешен.

— Что нового, Энкарнасион? — спросила донья Линда.

— Увы, Линда, наше дело освобождения более чем когда-либо в опасности, — со вздохом сказал дон Энкарнасион.

— Неужели вы начали сомневаться?! — вскричала она, гордо взглянув на него.

— О нет! — возразил он. — Но, простите меня, в моем распоряжении лишь несколько минут и...

— Как! Вы уже покидаете нас? — воскликнули и отец и дочь.

— Поверьте, я делаю это против моего желания. Я только хотел лично убедиться в вашей безопасности. Теперь я успокоился. Меня призывает мой долг, хотя мне очень хотелось бы побыть еще с вами!

— Вы уходите? — печально сказала молодая девушка.

— Увы! Это необходимо. Я должен сегодня же ночью сделать попытку внезапного нападения. Если это удастся, мы освободимся от проклятых испанцев.

— Знаете вы их начальника, Энкарнасион?

— Немного, кузен. Это некий Горацио де Бальбоа — так он себя пышно именуется, — один из ваших прежних тигреро, не так ли?

— Да, мой друг, это так. Остерегайтесь этого человека, он — дьявол! Он вторгся в эту деревню только затем, чтобы захватить мою дочь и меня, я убежден в этом.

— О-о! — воскликнул молодой человек, угрожающе сдвинув брови. — Благодарю вас, кузен, за сведения. Этот человек и раньше был мне отвратителен, но теперь, клянусь богом, пусть он не ждет пощады!

— Энкарнасион, этот человек осмеливается поднять глаза на мою дочь, вашу невесту, и больше того, — добавил тихо старик, наклонившись к его уху: — он знает или, по крайней мере, подозревает о нашей тайне.

Энкарнасион побледнел.

— Положитесь на мою честь, кузен. Если этот человек знает нашу тайну, он умрет, — сказал он глухим голосом.

— Вы нас спасете, не правда ли, Энкарнасион? — вскричала молодая девушка.

— Клянусь вам, Линда, я сделаю это сегодня же ночью! Время не ждет, и я не хочу оставлять вас под угрозой оскорблений этого бандита. Я пришел к вам не только из-за моего беспокойства за вас, но и чтобы

договориться по этому поводу... В состоянии ли вы сесть на лошадь, дон Хосе?

— Если нужно, заставлю себя. Разве я не старый солдат?

— Так будьте готовы отправиться по первому сигналу. Через два часа вы обо мне услышите.

— Да хранит вас бог, Энкарнасион, в тех опасностях, которые вам грозят!

— И путь он вам поможет, Энкарнасион! — сказала молодая девушка, подставляя ему лоб для поцелуя.

— Это дает мне силы! — весело сказал Энкарнасион, целуя ее.

— Еще одно слово, мой милый!

— Говорите, кузен.

— Вы мне ничего не сказали о моем сыне.

— Правда! — смеясь ответил он. — Меня так обрадовала встреча с вами, что я забыл о своем друге!

— С ним ничего не случилось?

— Вы увидите его сегодня же ночью.

— Значит, он близко от нас?

— Он меня ждет.

— Время отправляться, — напомнил алькальд.

— Еще мгновение, Энкарнасион!

— Опоздание может все погубить.

— Тогда уходите, и до скорой встречи!

— До скорой встречи! — вскричал Энкарнасион и поспешно вышел вслед за доном Рамоном.

IV. ЭКСПЕДИЦИЯ

Следуя за доном Рамоном, Энкарнасион вскоре оказался на улице. Через четверть часа, расставшись с алькальдом, он вернулся в дом; к этому времени там все окончательно перепились.

Молодой человек бесшумно вошел в зал, очень ловко втерся в группу гостей — ни один из них даже не взглянул на него — и уселся за стол рядом с офицерами. Никто не заметил, что он отсутствовал больше часа. Испанцы дошли до той степени опьянения, когда люди уже ни на что не обращают внимания.

Мгновенно оценив окружающую обстановку, Энкарнасион решил, что наступил момент действовать. Подойдя к капитану, он тихо сказал ему:

— Разрешите, командир? Одно слово!..

— Говорите, друг мой, — ответил тот, откидываясь в кресле.

— Позвольте вам заметить, что вы как будто совершенно потеряли память.

— Что? Что вы хотите этим сказать?

— Ведь этой ночью нам предстоит экспедиция!

— Вы правы, черт меня возьми! — вскочив, закричал капитан.

— Успокойтесь, — сказал Энкарнасион, осторожно водворяя его на место. — Время еще не наступило. Если вы мне доверяете, я предлагаю подождать. Пусть те, кого мы хотим захватить, уснут покрепче.

— Да-да! Мы двинемся через час.

— А не лучше ли, капитан, прежде всего проверить расположение противника?

— Гм!.. Хорошая мысль, — произнес дон Горацио с важностью пьяного человека. — Но кто приведет ее в исполнение? Я не вижу здесь ни одного человека, который...

— А я? Ведь я здесь!

— Ну, конечно, ведь вы здесь!.. Действительно, почему бы вам не заняться этим?

Энкарнасион с трудом удержался от радостного восклицания.

— Я счастлив служить вам, капитан, — сказал он.

— Молодой человек, вы служите не мне, а королю!

— Моя жизнь принадлежит ему!

— Хорошо сказано! Я вижу, что сделаю из вас человека!

— Я надеюсь на это, — иронически улыбаясь, ответил Энкарнасион.

— Итак, решено: вы отправитесь в разведку и привезете известия сюда.

— А вы, командир, не трогайтесь с места до моего возвращения!

— Здесь еще много полных бутылок! — величественно произнес капитан.

Энкарнасион, как уж, скользнул между офицерами и вышел из зала. Он дважды повернул ключ в замке, положил его в карман и, уверенный, что испанские офицеры не выйдут из дома, побежал по направлению к Главной площади.

Там, среди беспорядка и разгрома, спали пьяные солдаты. Энкарнасион бросил на них презрительный взгляд и продолжал свой бег.

Улицы крепости были пусты, закрытые окна не пропускали ни одного луча света через решетчатые ставни. Повсюду царили тьма и молчание.

Пройдя несколько улиц, Энкарнасион дошел наконец до рва. Здесь была назначена встреча с доном Рамоном Очоа.

Почтенный алькальд, а с ним еще несколько человек давно ожидали его.

Дон Рамон уже начал беспокоиться, что Энкарнасион запаздывает. Поэтому, увидев его, очень обрадовался.

— Ну?.. — воскликнул он.

— Все идет прекрасно, — ответил Энкарнасион.

— Вы сильно опоздали!

— Да, из-за этих пьяниц! Я просто не знал, как избавиться от них...

Вдруг у Энкарнасиона вырвалось восклицание досады.

— Что с вами? — спросил дон Рамон.

— Да вот... мой мул остался в корале патера! — сказал Энкарнасион. — А мне надо ехать!

— Ну, если только это... — улыбаясь, ответил алькальд. — Идите за мной.

Алькальд открыл ворота соседнего дома и показал Энкарнасиону стоявшего под навесом великолепного оседланного мустанга.

— О, превосходно! — вскричал Энкарнасион. — Сеньор Рамон, вы бесценный человек!

Одним прыжком он вскочил в седло и, схватив повод, сказал:

— Ждите меня, я скоро вернусь!

— Одну минуту! — воскликнул алькальд, взяв мустанга под уздцы.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Энкарнасион.

— В ваших приказаниях, мой дорогой начальник, черт побери!.. Что я должен делать в ваше отсутствие?

— Да, верно. Я об этом не подумал. Ах, где же была моя голова!

— Ну, беда невелика. Говорите.

— Ваша роль очень проста. Вы должны все подготовить для вооруженного восстания. Пусть каждый, спрятавшись в своем доме, будет готов выйти из него по первому сигналу. Надо обрушиться всей массой на испанцев, чтобы ни один из этих негодяев не ушел от нас!

— И не уйдут. Они пьяны, их взять легко.

— Может быть... Но, во всяком случае, будем наготове: ведь тот, кто не совсем пьян, будет защищаться, как лев! Берегите себя...

— Я знаю, что мне делать! — зловеще ответил алькальд. — Поезжайте спокойно. Когда вы вернетесь, все будет готово. Я свое дело сделаю.

— В таком случае, до свидания! Только торопитесь, я вернусь скоро, и вернусь не один!

— Все ясно! — ответил алькальд и отпустил мустанга. Энкарнасион прищпорил лошадь и одним прыжком

перескочил через ров. Потом, выпустив из рук поводья и наклонившись к шее лошади, он поскакал сломя голову и вскоре исчез во тьме.

Однако после бешеной скачки, продолжавшейся не меньше двадцати минут, Энкарнасион начал постепенно сдерживать лошадь. Наконец, он достиг перекрестка, где сходились четыре тропинки. В центре на каменном пьедестале возвышался железный крест; на нем раскачивалось распятие.

Энкарнасион остановился, вынул из-за пояса пистолет, прочистил его шомполом, подсыпал свежего пороха и, подняв пистолет на уровень головы, выстрелил.

Почти тотчас же сильный свет прорезал темноту дороги, по которой ехал Энкарнасион.

— Это они, — пробормотал он. — Давно пора! Он тихонько свистнул своему коню.

Благородное животное тряхнуло головой и помчалось в ту сторону, где показался свет.

Вскоре послышался шум шагов и бряцания оружием.

Энкарнасион смело стал поперек дороги и, взведя курок пистолета, крикнул:

— Кто идет?

— Мексика и независимость, — ответил голос из тьмы.

— Что за люди?

— Ранчерос дона Педро Морено.

— Хвала богу! — радостно вскричал Энкарнасион. — Я вас жду! Это

вы, дон Педро?

— Да, дорогой друг, это я, — раздался мелодичный голос.

— Ах, как хорошо! — сказал Энкарнасион. — Я хочу обнять вас, дружище!

Он помчался галопом к подъезжавшему отряду и через мгновение очутился среди своих друзей.

— Клянусь богом, дорогой мой! — вскричал он, нежно обняв дона Педро. — Какой счастливый случай привел вас сюда?

— Ах, милый друг, — смеясь, ответил дон Педро, — дело обстоит очень просто. Сегодня около трех часов пополудни я вернулся в свою кавалерию, остававшуюся на несколько дней под начальством моего лейтенанта. Он-то мне и рассказал о решительном ударе, который вы хотите нанести врагу. Естественно, я решил принять участие в таком деле. Но нужно быть предусмотрительным! Поэтому я с тремя сотнями людей помчался к вам навстречу, а мой лейтенант с двумя сотнями ранчерос остался в одном лье отсюда. В случае необходимости он немедленно явится на помощь!

— Великолепно обдумано! Теперь я понимаю, почему его здесь нет.

— Он стоит в резерве... Да, но что мы должны делать? Я ведь не знаю вашего плана.

— Сейчас все объясню. Но прежде всего нам надо продолжать путь. Только пошлите сейчас же верного человека к вашему лейтенанту с приказом двинуться на Эль-Пасо. Кроме того, выделите нескольких разведчиков — выяснить, что делается на флангах отряда. А вперед мы можем ехать без боязни.

Эти два приказа были немедленно исполнены, и отряд крупной рысью двинулся в путь.

Когда отряд приблизился к крепости на расстояние пистолетного выстрела, все ранчерос по приказу дона Педро остановились. Энкарнасион Ортис тихо обменялся со своим другом несколькими словами и, отпустив поводыря, продолжал свой путь галопом по направлению к деревне.

Через несколько минут он очутился у рва. Не останавливаясь, он заставил лошадь перескочить на другую сторону рва. В то же мгновение какой-то человек удержал мустанга за повод.

— Это вы, дорогой алькальд? — шепотом спросил Энкарнасион.

— Я, конечно. Жду вас.

— А ваши спутники?

— Они в двух шагах отсюда. Когда нужно будет, они появятся моментально.

— Значит, у вас все налажено. Остальное я беру на себя.

— Поступайте по своему плану. Я вам больше не нужен?

— Нет, благодарю вас, сеньор алькальд. Но я поручаю вам некоторых людей, — вы знаете, о ком я говорю.

— Лишнее напоминание! — ответил дон Рамон. — К тому же, — добавил он с усмешкой, — у меня есть мысль...

И он тотчас ушел. Не из-за страха, а потому, что у него был свой план и ему не терпелось привести его в исполнение.

Ранчерос пробирались в деревню, прыгая один за другим через ров.

Дон Педро распорядился обвязать копыта лошадей кожаными мешочками, наполненными песком. Таким образом, всадники ехали по улицам деревни, не производя ни малейшего шума.

Первой заботой инсургентов было окружить Главную площадь, занять входы всех улиц, ведущих на нее.

Испанские солдаты, совершенно пьяные, спали глубоким сном. Им и в голову не могло прийти, какое ужасное пробуждение готовят им инсургенты.

Убедившись, что ранчерос стоят на своих постах, Энкарнасион Ортис спешился, направился к церкви и постучал в дверь.

V. КАК ЗАРЯЖАЕТСЯ МИНА

Население Мексики, как уже говорилось, составляет 7 400 000 жителей, из которых приблизительно две трети — индейцы, а одна треть — белые. Белые большей частью являются потомками испанцев, так как во времена испанского владычества границы колоний были наглухо закрыты не только для переселенцев из других европейских стран, но и для купцов. Каждому иностранцу, обнаруженному на мексиканской земле, грозила смерть.

Индейцы делятся на четыре группы или категории: индейцы бравое — «непокоренные» — живут в пустынях свободно, не признавая никаких законов, кроме своих прихотей и произвола. Их свирепые племена бесконечно воюют друг с другом, опустошая несчастные деревни, расположенные на границах их саванн. Индейцы мансос, или «покоренные», перенявшие некоторые обычаи белых, живут в деревнях, возделывают землю, пасут скот, а иногда нанимаются на работу в города. Третья категория — метисы, в большинстве — потомки знатных индейских семейств; для сохранения своих богатств метисы соглашались в эпоху заведения смешивать свою кровь с кровью победителей. Метисы втайне исповедуют свою прежнюю религию и тешат себя надеждой дожить до того дня, когда все белые будут изгнаны из Мексики. Наконец, следуют несчастные пеоны, свободные только на словах, на самом же деле — жалкие рабы, перебивающиеся со дня на день, закосневшие в глубочайшем невежестве, во власти ужасной нищеты.

Дон Рамон Очоа, чье родовое имя было Ксиломансин, происходил по прямой линии от древних вождей, или касиков, Ателолько, один из предков которых был убит по приказу императора Несауалпилсинтли при восстании в начале года Чикоме-Калли, то есть по нашему летоисчислению — 1463 года.

Эта могущественная в то время семья сохранила неугасимую ненависть к властителям Мексики и уже много лет с терпением, характерным для индейцев, ждала часа мщения.

И этот час пробил, когда Кортес высадился в Мексике для своей невероятной экспедиции.

Первые касики, перешедшие на сторону испанцев, были из семьи Ксиломансин. Это они пополнили войска Кортеса, влив в них более 20 тысяч человек своих близких и подданных.

Эта непредвиденная помощь удвоила смелость авантюристов и, быть может, решила успех дерзкой экспедиции.

Вопреки обычаю завоевателей, Кортес не проявил неблагодарности после победы. Семья Ксиломансин сохранила все свои богатства — правда, при одном условии: принятия христианства.

Много молодых девушек из этой старинной фамилии были выданы замуж за испанских офицеров, превратившихся после победы из простых искателей приключений в знатных сеньоров.

Однако со временем блеск рода Ксиломансин мало-помалу потускнел, богатства значительно уменьшились, и дон Рамон Очоа, последний представитель старшей его ветви, обладал лишь весьма скромным состоянием, что, впрочем, не мешало ему вести широкий образ жизни.

В доне Рамоне совмещались все добродетели и все пороки его народа. Благородный, щедрый, ослеплявший роскошью, если этого требовали обстоятельства, смелый, как лев, и хитрый, как лисица, — он был кумиром индейцев, видевших в нем потомка одного из самых любимых своих предводителей.

Всем своим сердцем дон Рамон ненавидел испанцев. Он считал и, быть может, не без основания, что именно они — испанцы — виноваты в упадке его рода и в его собственном стесненном положении. Он стал алькальдом только для того, чтобы легче было обманывать испанцев; как только началось восстание, дон Рамон, действуя очень скрытно, причинил огромный вред тем, кого считал беспощадными врагами своей родины. Но все это он совершал так ловко, так искусно плел нити заговора, что хотя испанские власти и были в душе уверены в его измене, они никогда не могли поймать его с поличным. У них не было уверенности, которая позволила бы им подвергнуть его суровой каре.

Положение алькальда и его громадный авторитет среди подчиненных не позволяли произвести даже малейшую попытку схватить его без точных доказательств. Дон Рамон это знал и, удвоив осторожность, с еще большим жаром продолжал тайную борьбу.

Впрочем, он предчувствовал, что долгожданный час последней схватки наступает и близится время, когда определится судьба его страны.

Дон Энкарнасион Ортис знал этого человека давно. Он улыбнулся, услышав слова дона Рамона, что у него «есть мысль». Он улыбнулся, так как всегда ждал от дона Рамона решительных поступков, и не ошибся в этом.

Дон Рамон был бесконечно предан дому Хосе Морено; последний, в свою очередь, всецело ему доверял.

Дон Хосе, как и алькальд, был индейцем и ненавидел испанцев. Но у него было двое детей, которых он обожал, и он был слишком стар для того, чтобы принять активное участие в гражданской войне. К тому же болезнь вынуждала дону Хосе оставаться только зрителем гигантской борьбы, которую вот уже десять лет с героической отвагой вели его единоплеменники против угнетателей. Но, конечно, все его сочувствие, несмотря на невольное бездействие, было на стороне тех, кто хотел освободить его родину. Дон Хосе обладал огромным богатством. Алькальд, имевший, к сожалению, лишь самое необходимое, не колеблясь, сообщил ему свои планы. С первого же слова эти два человека сговорились. Дон Хосе был счастлив, что может если не сам лично, то хотя бы своими деньгами помочь священному делу независимости. Не колеблясь, передал он дону Рамону нужные деньги, в израсходовании которых алькальд дал ему полный отчет.

Тогда дон Рамон поручил своим сообщникам, на преданность которых он вполне рассчитывал, скупать все оружие и боевые припасы, какие только можно было достать, не привлекая к этому внимания. Ему помогло то обстоятельство, что война сосредоточилась в провинциях центральной Мексики. Поэтому пограничные города, где жизнь протекала внешне спокойно, имели возможность действовать по своему усмотрению, не вызывая подозрений.

Все взоры были устремлены на театр военных действий, куда непрерывно стягивались испанские силы. Отдаленные пограничные области оставались в стороне от движения и продолжали жить мирной жизнью, не беспокоимые пока ни той, ни другой стороной.

Набег капитана дона Горацио де Бальбоа на Пасо-Дель-Норте был совершенно особым и случайным фактом.

Капитан решился на это дерзкое нападение исключительно в личных целях.

Отряды, которыми он командовал, не входили в постоянную испанскую армию; это были шайки бандитов, на вербованных отовсюду, их увлекала единственная цель — ловить рыбу в мутной воде. У них не было политических убеждений, и они меняли кокарду без всякого угрызения совести, если за это платили звонкой монетой.

Однако, как это часто бывает, незначительные обстоятельства приводят к большим последствиям. Так произошло и в данном случае. Разбойничий набег банды Бальбоа на малоизвестную пограничную деревню зажег страшный пожар, который должен был погаснуть лишь в крови последнего испанца, принесся навсегда победу делу независимости.

Оружие и боевые припасы, купленные доном Рамоном, постепенно доставлялись в Пасо-дель-Норте и укрывались там в деревенской церкви — единственном месте, бывшем вне подозрений. Об этом не было известно даже самому падре Линаресу; несмотря на свои патриотические чувства, он не потерпел бы того, чтобы храм божий превратили в арсенал.

Дону Рамону помогал в этом деле церковный пономарь, бедный индеец, который был всем обязан алькальду и повиновался ему без колебаний.

После того, как дон Рамон покинул свой дом для того, чтобы исполнить приказание Энкарнасиона Ортиса и раздать большое количество водки солдатам, расположившимся на Главной площади, он пошел в церковь, куда проник с черного хода.

Церковь была темна и пустынна, только один человек, печальный и задумчивый, сидел на ступенях алтаря; это был пономарь.

Погруженный в свои мысли, он не заметил прихода алькальда. Подойдя, алькальд тронул его за плечо. Индеец вздрогнул при этом неожиданном прикосновении, но, мгновенно узнав человека, стоявшего перед ним и смотревшего на него с каким-то странным выражением лица, он поднялся, радостно улыбаясь и ожидая приказаний.

— Я тебя ищу, дядя Пичо, — сказал алькальд. — Почему ты здесь, а не у себя на ранчо?

— Я на посту, сеньор, — ответил индеец. — Разве мое место не здесь?

— Да, правда. Но если бы этим разбойникам, — сказал алькальд, указывая в сторону площади, — вздумалось ограбить церковь, ты ведь не мог бы защитить ее?

— Нет. Но они переступили бы порог только через мой труп.

Эти слова, произнесенные просто и убежденно, тронули алькальда. Он обрадовался: этот человек оказался именно таким, каким он хотел его видеть, на него можно было положиться.

— Ты мне нужен, — сказал алькальд.

— Я готов. Что я должен делать? — решительно спросил индеец.

— Прежде всего выслушай меня.

— Говорите.

— Помнишь ли ты нашу первую встречу?

— Помню ли я, сеньор! — в волнении вскричал индеец. — Это было три года назад. Я возвращался из Охо-Люсеро от своего больного родственника. От усталости я еле шел, но я хотел вернуться в деревню до наступления темноты. Приблизительно в двух лье от Эль Пасо — а было уже около трех часов пополудни — слышался треск ветвей в лесной

чаще, мимо которой я прошел несколько минут назад. Невольно повернув голову, я задрожал от ужаса; в десяти шагах от меня стоял ягуар; глаза его сверкали, как горящие угли. Я понял, что погиб. Я был один, без оружия. Смерть была неизбежна, и мне оставалось одно: молиться богу. Внезапно, в тот момент, когда ягуар уже приготовился к прыжку, какой-то человек бесстрашно бросился навстречу свирепому зверю, прицелился и убил его наповал выстрелом в левый глаз. Это были вы, сеньор! Вы спасли мою жизнь, рискуя своей. Я бросился к вашим ногам и сказал: «Сеньор, вы спасли бедного индейца, у которого есть только жизнь! Она принадлежит вам! В какой бы день, в какой бы час вы у меня ее ни потребовали, я отдам ее вам без колебаний, без сожалений, потому что этой жизнью я обязан вам!»

— У тебя хорошая память, дядя Пичо. Прекрасно! Я думал, что ты уже забыл эту встречу. Это было так давно!

— Это память моего сердца, сеньор. Разве не вам я обязан всем? Мало того, что вы меня спасли от ягуара, вы спасли меня и от нищеты. Ведь только благодаря вам я получил службу пономаря!

— Так вот, дядя Пичо, настал момент, когда ты можешь не только расквитаться со мной, но и сделать меня твоим должником.

— Приказывайте, сеньор!

— Предупреждаю тебя: выполняя мои приказания, ты рискуешь быть убитым.

— Я повторяю: моя жизнь принадлежит вам. Располагайте ею, как вам угодно, сеньор.

— Через несколько минут я пришлю двух верных людей. Они помогут поднять из подземелья оружие, которое я тебе доверил.

— Значит, мы его скоро пустим в ход? — радостно потирая руки, сказал индеец. — Тем лучше, сеньор!

— Надеюсь, это случится сегодня ночью, дядя Пичо! Как только вы его достанете, спрячь все в исповедальне или где захочешь. По моему приказу ты будешь раздавать оружие, порох и пули. Ты меня понял?

— В точности, сеньор. Это все?

— Нет.

— Я так и думал. Но мне пока непонятно, какой же опасности подвергаюсь я?

— Погоди... В котором часу обычно звонят к вечерней службе?

— Первый удар колокола — в семь часов. Последний — в половине девятого.

— Очень хорошо.

— Простите, сеньор, но вы, по-видимому, не заметили, что вот уже три дня церковь стоит закрытой и колокол не звонит ни днем, ни вечером. Это началось с того дня, как проклятые гачупины завладели городом.

— Я в самом деле не заметил этого. А почему прекратили богослужение?

— Я получил приказ.

— Не от испанцев ли?

— Не от испанцев, сеньор.

— От кого же?

— От сеньора священника.

— От падре Линареса? — удивленно вскричал алькальд.

— Именно от него.

— Странно!..

— Он мне сказал, что лучше совсем не молиться богу, чем молиться за врагов народа.

— Я не ждал этого от него! — задумчиво сказал алькальд. — Послушай, — продолжал он после паузы, — сегодня в обычный час ты начнешь звонить к вечерне, как будто ничего не произошло.

— Несмотря на приказ, который я получил?

— Да. Я сговорюсь по этому поводу с падре Линаресом.

— О, это мне безразлично, сеньор! Раз вы мне приказываете, мне не нужно ничего больше, я исполню ваш приказ.

— Отлично. Только помни: что бы ни случилось, кто бы ни останавливал тебя, — колокол должен звонить!

— Он будет звонить, сеньор, я вам клянусь моим вечным спасением! Если даже испанцы будут грозить мне смертью, я знаю, как держать их на расстоянии.

— А может быть, они и не придут в церковь. Во всяком случае, я полагаюсь на тебя.

— Будьте спокойны, сеньор, — я обещал — я исполню.

— Итак, желаю успеха, дядя Пичо. До свиданья!

— Ступайте с богом, ваша милость!

По дороге из церкви алькальд останавливался и, тихо переговариваясь с поджидавшими его людьми, направлял их к Главной площади.

Как опытный заговорщик, дон Рамон предвидел все: так, он поймал одну из своих лошадей, оседлал ее и привязал во дворе, поблизости от рва; охрану рва алькальд поручил двум верным людям. Потом он обошел всю деревню, стуча во все двери, шепча на ухо несколько слов выходящим на его зов индейцам. Все это он проделал так быстро, что примерно через час

больше четырехсот человек были готовы следовать за ним и ждали только сигнала, чтобы действовать.

После всего этого он направился в условленное место — это был ров — и стал ожидать возвращения Энкарнасиона Ортиса, настороженно следя, чтобы какое-нибудь непредвиденное предательство не сорвало план, так хорошо задуманный и так тщательно разработанный.

Лицо алькальда было бесстрастно и холодно, как будто не произошло ничего особенного; даже его испытанные друзья и те поверили этому спокойствию.

А между тем буря бушевала в сердце смелого заговорщика. В висках у него стучало, его нервы напрягались при малейшем подозрительном шуме. Ведь на этот раз он сжег корабли и рисковал головой!

Когда Энкарнасион Ортис во главе своей квадрильи прибыл в деревню, дон Рамон, собрав друзей, велел им следовать за собой на расстоянии, чтобы не привлекать внимания.

— Друзья, — сказал он глубоким голосом, — мина заряжена, патрон вложен, осталось только поднести огонь! В случае поражения, мы, по крайней мере, устроим себе пышные похороны!.. Вперед! За родину!

— За родину! — тихо повторили заговорщики и цепочкой двинулись за доном Рамоном в церковь.

Глядя на них, можно было подумать, что они совершают спокойную и безобидную прогулку.

На своем пути алькальд увидел несколько отрядов ранчерос, стоявших на улицах селения и распределенных так, чтобы полностью отрезать отступление испанцам.

Почтенный алькальд потирал руки с такой силой, что чуть не содрал с них кожу, а это было у него признаком величайшей радости.

— Хвала богу! — бормотал он, торопливо продолжая свой путь к церкви. — Кажется, на этот раз я держу в руках проклятых гачупинов! Но что скажет падре Линарес? Ба! — прибавил он, смеясь. — Если мы выиграем, успех избавит меня от всех объяснений! А этот славный Пичо — он честно сдержал свое слово! Только бы с ним ничего не случилось...

Церковная дверь, через которую алькальд вышел несколько часов перед тем, была только приоткрыта. По привычке к осторожности алькальд оглянулся и только после этого, перекрестившись, уверенно переступил порог. Его решение было принято — и отныне бесповоротно.

Друзья алькальда, или, вернее, заговорщики, вошли по одному вслед за ним. Последний из них закрыл дверь на внутреннюю задвижку.

Патер Линарес служил вечернюю, пономарь Пичо помогал ему.

Церковь была переполнена людьми.

Алькальд воспользовался этим, незаметно проскользнул между тесными рядами верующих и остановился у подножия кафедры. Скрестив руки на груди и спокойно оглядев присутствующих, алькальд, молчаливый и уверенный, стал ждать момента, когда можно будет начать действовать.

VI. ПРОПОВЕДЬ В ПАСО-ДЕЛЬ-НОРТЕ

У падре Линареса была не совсем обычная судьба. Он рано остался сиротой, рано узнал бедность и потому рано лишился поддержки в жизни. Только благодаря протекции дальнего родственника его матери, тяготившегося опекой над Линаресом и желавшего избавиться от нее, перед Линаресом открылись двери одного из монастырей Гвадалахары.

Став взрослым, Линарес обдумал свое положение. Он был одинок и беден. Он решил избрать духовную карьеру. Монастырская жизнь развила в нем возвышенные стремления и благородное мышление. Все свое время он посвящал серьезным занятиям, желая пополнить образование. Умный, упорный, энергичный, он старался вырваться из жалкого подчиненного положения, на которое, казалось, был обречен. Его влекло не честолюбие, а любовь к людям, желание быть полезным тем, от кого он так мало видел хорошего.

В то время, когда бедный священник в Пасо-дель-Норте в качестве миссионера разъяснял невежественным индейцам божественное учение, события в стране развивались с невероятной быстротой.

Первый призыв к борьбе за независимость Мексики раздался в неизвестной, затерянной в горах деревушке. Этот призыв разнесся с такой молниеносной быстротой и прозвучал с такой силой, что сто тысяч индейцев восстали и во главе с простым священником этой деревушки прошли в несколько дней сотни лье, таща на руках свои пушки по непроходимым дорогам. Восставшие дошли почти до самой столицы Новой Испании. Здесь они остановились и гордо потребовали у испанцев свободы. Испанцы пришли в ужас от смелости и силы воли, проявленной существами, которых они едва признавали за людей.

Обстоятельство удивительное и не встречающееся в истории народов: первые герои войны за независимость Мексики были почти все или священники, или юноши, которые готовились к священству и получили низшие церковные звания.

Блеск, освещавший имена двух священников — Идальго и Морелос, самых благородных вождей мексиканской революции¹³, яркая роль, которую они играли в продолжение нескольких лет, их трагическая гибель от рук испанцев — все это указало бедному священнику селения Пасо-дель-Норте цель, к которой он должен стремиться, чтобы прожить свою жизнь не бесплодно и оставить по себе память в сердцах своих сограждан.

Он понял, что и для него пришло время сыграть значительную роль в революции, не в смысле замены собою двух погибших героев — его спокойный, тихий нрав не подходил для этого, — нет, он хотел участвовать в борьбе за независимость, вдохновляя сражающихся, помогая раненым и утешая умирающих. Миссия более скромная, но не менее благородная. Он считал, что сан священника обязывает его к этому, каковы бы ни оказались последствия в будущем.

Поэтому-то он с удовлетворением выслушал признания Энкарнасиона Ортиса, не отказывая ему, но и ничего не обещая. Он решился выступить в последний момент в качестве посредника между двумя сторонами и предотвратить или хотя бы остановить кровопролитие в случае, если дело дойдет до открытого столкновения.

Невольный свидетель ужасного вторжения драгун в деревню, падре Линарес в отчаянии скрылся в уединенной молельне, чтобы не присутствовать при оргии в доме алькальда. С требником в руках он горячо молился, стараясь не слушать доходившего до него шума разгула, как вдруг его слух поразили первые удары колокола.

Священник поднял голову; сначала он подумал, что ошибся, — ведь только он, падре Линарес, один мог приказать звонить в колокол. Со дня прихода испанцев пономарю было приказано закрыть церковь. Служба в ней прекратилась. Кто же посягнул на его права и созвал верующих в церковь? Что обозначал этот звон? Сигнал? Призыв к восстанию?

А колокол все звонил! Каждый удар его мрачно отдавался в ушах священника. Им овладела смутная непонятная тревога. Откуда она появилась, этого он не мог объяснить. Но он хотел узнать, что случилось, и, выбежав из дому, поспешно направился к церкви.

Жители селения Пасо-дель-Норте, которых после захода солнца страх загнал в жилища, затрепетали, неожиданно услышав знакомый колокольный звон. Встревоженные, испуганные, они вначале подумали, что это — набат, возвещающий полный разгром деревни. Но при первых же ударах колокола на улицах стали появляться люди, до этого скрывавшиеся за дверьми своих жилищ. Они начали ходить из дома в дом, шептать на ухо испуганным и изумленным жителям несколько тихих слов, действовавших успокоительно даже на самых трусливых.

На улицах царила глубокая тишина.

Пьяные солдаты спали вповалку на Главной площади.

В некоторых домах робко приоткрылись двери, и сначала показалось несколько растерянных лиц. Потом наиболее смелые решились переступить порог своих домов; другие последовали за ними; даже самые

нерешительные и те осмелели. И через четверть часа не только все мужское население деревни, но и большинство женщин (в решающие моменты женщины часто оказываются смелее мужчин) с детьми на руках направились к открытой настежь церкви.

В несколько минут церковь была заполнена. Пономарь уже собирался закрыть двери за последней группой, как вдруг среди вошедших появился падре Линарес. Пономарь еле удержался от выражения удивления, но тут же смиренно приветствовал священника.

— Почему, несмотря на мое запрещение, вы звонили к вечерне? — раздраженно спросил священник.

— Как, отец мой, «несмотря на ваше запрещение»? — притворяясь удивленным, сказал пономарь. — Наоборот, я именно исполнил ваше приказание.

— Вы смеетесь надо мной, Пичо, или хотите меня обмануть?

— Как вы можете это думать, отец мой!

— Я же вам ясно сказал, что запрещаю открывать церковь!

— Да, отец мой.

— Так почему же, в таком случае, вы не только открыли церковь, но еще осмелились звонить к вечерне?

— Час назад мне передали ваше приказание — звонить в колокол, как обычно.

— Мое приказание?

— Конечно, отец мой.

— Кто же передал вам это?

— Сеньор алькальд.

— Дон Рамон Очоа?

— Да, отец мой. Он явился в церковь, подошел ко мне и сказал, что послан вами. Как же я мог не исполнить вашего приказания?

Падре Линарес, поняв, что больше ничего он от пономаря не узнает, стал раздумывать: что делать? Пономарь явно в заговоре с доном Рамоном, но какой же замысел у того? Какую цель преследует он?..

— Так... — тихо пробормотал священник. — Будем настороже. — Потом, обратившись к пономарю, смиренно склонившемуся перед ним, сказал: — Ну что же, раз верующие собрались, они должны услышать божественное слово, особенно в такой скорбный момент. Я буду служить как всегда. Закройте двери.

Пономарь почтительно поклонился и, счастливый, что отделался так легко, поспешил выполнить приказание.

Церковь эта — строгой архитектуры, как все испанские религиозные

памятники, — была темной, низкой и сводчатой; едва озаренная кое-где восковыми свечами, слабый и мерцающий свет которых скорее подчеркивал мрак, чем рассеивал его, переполненная печальной, угрюмой и безмолвной толпой, она представляла собой необыкновенное и захватывающее зрелище, от которого холодело сердце.

Священник опустился на колени перед главным алтарем, смиренно склонил голову и тихо произнес:

— Господи, ты видишь мое сердце! Поддержи мое мужество, помоги мне наставить на путь разума этих заблуждающихся людей! И прими мою жизнь, если это нужно для их блага...

Спустя несколько минут он поднял голову. На его изможденном лице сияло выражение восторга. Он казался преображенным — жертва была принесена в его сердце, и он был готов принять мученическую кончину. Печальным взором священник оглядел все вокруг, добрая улыбка тронула уголки его бледных от скорби губ.

В этот момент пономарь позвонил в колокольчик, возвещая начало службы.

Медленно и торжественно падре Линарес поднялся по ступенькам алтаря, повернулся к толпе, благословил ее и сел со скрещенными на груди руками.

Началась молитва, произносимая — стих за стихом — сначала священником, а потом вслух всеми молящимися.

Когда она окончилась, падре Линарес поднялся, взял молитвенник и медленным шагом направился к кафедре — ежевечерне после службы он произносил проповедь.

У ступеней кафедры стоял алькальд, спокойный, сумрачный и решительный; он смотрел на священника горящим взглядом и, казалось, чего-то ждал.

Толпа, собравшаяся у кафедры, с беспокойством следила за этой немой сценой; индейцы одинаково уважали обоих людей.

Между тем священник, внешне спокойный, подошел к алькальду, надеясь хладнокровием заставить своего противника (каким он считал его) отказаться от борьбы.

Но он ошибся. В тот момент, когда они очутились лицом к лицу, алькальд сделал шаг вперед.

— Отойдите, — холодно сказал он священнику и протянул руку, как бы желая помешать ему пройти. — Сегодня буду говорить я.

— Вы... вы, дон Рамон?! — вскричал священник, отступая перед своим другом: сердце его сжалось от тяжелого предчувствия. —

Несчастный, что вы хотите делать?

— Я хочу выполнить мой долг, — решительно ответил алькальд. — Прошло то время, когда мы трусливо склоняли головы перед нашими безжалостными мучителями! Пробил час мести!

— Это кощунство! — горестно сказал священник. — Вы забыли, что находитесь в доме господнем и что господь сказал: «Мстить могу один я!»

— Молчите, падре Линарес! Молчите! Вы, пастырь этого селения, осмеливаетесь так говорить? Значит, вы изменили священной борьбе за независимость Мексики? Вы заодно с нашими палачами, если говорите такие слова!

Потрясенный этой суровой отповедью, священник опустил голову и, как бы покоряясь высшей силе, отступил, весь дрожа.

Крики, проклятия слышались со всех сторон. Алькальд бросился к кафедре; священник тщетно старался тоже пробраться туда, но толпа его оттирала.

— Братья! — вскричал дон Рамон, обращаясь к индейцам, которые боялись пропустить хотя бы слово. — Неужели вы так малодушны, что решили покорно переносить все притеснения, которым вас подвергают гачупины? Вы изнемогаете под бременем самых страшных бедствий, ваша земля истоптана свирепым и безжалостным врагом! Ваши братья, ваши друзья расстреляны без суда! Ваши жены, ваши дочери попадут в руки победителей, а вы трусливо склоняете голову?! Вы улыбаетесь своим палачам!..

Ропот гнева пробежал по толпе.

— Не слушайте его! — надтреснутым голосом вскричал падре Линарес. — Не слушайте его, братья мои! Этот человек вас обманывает. Увы, он и себя обманывает, призывая вас к бессмысленному восстанию! Знайте — он не к победе ведет вас, а к смерти!..

Грозные крики прервали речь священника. Рыдая, он опустил на плиты. Он чувствовал себя побежденным и отказывался продолжать борьбу.

Алькальд улыбнулся и поднял руку.

Словно по волшебству, мгновенно восстановилось молчание.

— Неужели, — продолжал дон Рамон, — среди вас, таких сильных и смелых людей, не найдется ни одного, способного принести себя в жертву ради блага своих братьев? Горе стране, где мужчины не могут отомстить за оскорбление! Эта страна погибнет, ибо она недостойна свободы, она не хочет жертвовать всем для победы! Она погибнет, потому что бог отвел от нее свою всемогущую руку! Братья мои, я провел десять лет с вами, жил

вашей жизнью, печалился вашими печальями, радовался вашим радостям. Я думал, что выполняю свой долг. Никогда я не жаловался!

Наоборот, был счастлив тем, что мог делать для вас — пусть даже незначительное — добро. Но теперь ноша стала слишком тяжелой для моих плеч! С приходом этих гнусных гачупинов я почувствовал, что сердце мое разрывается в груди! Рыдая в отчаянии, я видел, как грабили ваши дома, как зверски убивали наших братьев! И — уввы! — я не мог помешать, потому что мне самому, вашему алькальду, угрожала смерть! А раз я бессилён вас защитить, я предпочитаю удалиться. Это лучше, чем быть свидетелем ужасающих злодеяний! Прощайте, я расстаюсь с вами. Простимся — я сейчас уйду, чтобы присоединиться к независимым. Там, по крайней мере, я смогу послужить вам с оружием в руках. Я надеюсь, что бог, в своей неизреченной доброте, окажет мне милость — позволит мне умереть за моих братьев и пасть жертвой за святое дело свободы!

Невозможно описать действие этой искусной речи на простых людей!

Едва прозвучало последнее слово над взволнованной толпой, как в церкви раздались душераздирающие крики, рыдания, богохульства и угрозы.

Все говорили разом; мужчины грозили кулаками небу, женщины рыдали, поднимая своих детей над головами; толпа пришла в исступление.

Алькальд стоял на кафедре, подняв руки, словно для проклятия, откинув голову назад. Со сверкающим взглядом и сжатыми губами он был похож на злого духа, призывающего к ненависти, ярости и мести.

— Прощайте! — Его громовой голос перекрыл общий шум. — Час нашей разлуки настал!

— Нет, нет! Оставайтесь! Оставайтесь с нами! Что будет с нами без нашего алькальда?! — закричали индейцы, теснясь вокруг кафедры.

— Бог вам поможет, братья!

— Нет, нет! Говорите! Говорите, дон Рамон!.. Мы будем слушаться вас!.. Приказывайте нам!.. Что нужно делать?.. Мы ваши дети, не покидайте нас... — повторяли они с мольбой.

Алькальд грустно покачал головой.

— Нет, нет, — твердо сказал он. — Я не могу согласиться на вашу просьбу. Кто может мне поручиться, что завтра, когда вы успокоитесь, малодушие и страх не появятся в ваших душах? Кто может мне поручиться, что вы не забудете ваших обещаний, что вы трусливо не предадите меня врагам за горсточку золота? Повторяю вам, братья мои: не задерживайте, отпустите меня, пока еще есть время, пока спят гачупины и я могу избежать их ярости!

— Нет, нет! — закричали индейцы. — Оставайтесь с нами! Вы наш вождь, мы умрем за вас! Мы не предадим вас! Ведь вы одной с нами крови, у нас общая цель! Мы будем повиноваться каждому вашему слову, каждому вашему движению, что бы вы ни приказали!

Алькальд молчал. Он давно уже принял решение и отлично знал, как поступит, но стоял неподвижный и молчаливый, бледный и сумрачный, как будто в его сердце происходила борьба.

Толпа, минуту назад такая возбужденная и шумная, замерла, устремив на него горящие глаза, со страхом ожидая решения, которое он произнесет.

В церкви наступило такое глубокое молчание, что можно было услышать биение сердец в груди этих людей.

Наконец дон Рамон поднял голову и взором, полным невыразимой печали, оглядел толпу, окружившую кафе.

— Вы говорите, что будете послушны? — с сомнением сказал алькальд.

— Да, да, приказывайте нам! Дайте нам оружие! Оружие!

— А-а! — торжествующе произнес дон Рамон. — Наконец-то вы заговорили по-настоящему!

Последним усилием падре Линарет вырвался из державших его рук и ринулся к кафедре:

— Братья мои! Заклинаю вас во имя бога, чей образ перед вами, выслушайте меня! Я ваш пастырь, ваш духовный отец. Я тоже люблю мою страну, я тоже хочу для нее свободы, но она не может быть завоевана ни убийством, ни коварством! Вы — мирные жители, а не солдаты. Предоставьте другим защищать вас, вернитесь в свои жилища, чтобы оберегать своих жен и детей! Если вы их покинете, гачупины безжалостно убьют их! Во имя этих невинных созданий — умоляю вас, одумайтесь!..

Яростный рев толпы прервал речь священника.

Его бессильный голос потонул в шуме. Священника стащили с кафедры, повлекли к ризнице и, не причинив ему никакого вреда, втолкнули туда. Несколько индейцев стали перед дверью, чтобы преградить ему выход.

Дон Рамон холодно и бесстрастно наблюдал за этой сценой. На губах его была презрительная усмешка.

Своим упорным сопротивлением и неуместным противодействием общему порыву падре Динаре не только не помешал торжеству алькальда, а, наоборот, сыграл ему на руку. Когда священник исчез и люди немного успокоились, алькальд движением руки потребовал тишины. Все замолчали.

— Итак, — сказал дон Рамон, — вы готовы мне повиноваться?

— Да, да! — закричали индейцы.

— Поклянитесь! — вскричал алькальд громовым голосом, протягивая руки к образу Христа, возвышавшемуся над алтарем.

Все присутствующие мгновенно повернулись к алтарю, но не для того, чтобы поднять правую руку, как это делается в старой Европе при клятве: они опустили на колени, подняли головы и скрестили большие пальцы обеих рук — по индейскому обычаю, который перешел к ним от древних инков. Эта клятва священна и нерушима. Дон Рамон, сам индеец, знал это. Улыбка торжества появилась на его губах.

— Вы клянетесь подчиняться мне во всем? — спросил он. Глаза его горели, он тяжело дышал.

— Клянемся! — вскричали все. — Мы клянемся жить и умереть с вами, чтобы завоевать независимость нашей страны!

— Хорошо, — сказал алькальд, — бог принял вашу клятву. Теперь она не может быть нарушена!

— Оружие! Оружие! — кричали индейцы.

— Оружие? Вы его получите! — сказал алькальд. — Дядя Пичо... — прибавил он, обращаясь к пономарю, который стоял неподвижно у кафедры, — раздайте оружие и боевые припасы, которые я вам доверил!

Пономарь повиновался. Тотчас же началась раздача. Пичо и его помощники вкладывали столько горячности и рвения в выполнение задания, что менее чем в десять минут все оружие — сабли, пики, луки, стрелы, ружья — перешло в руки индейцев, потрясавших им с дикой яростью.

Дон Рамон понимал, как важно немедля воспользоваться возбуждением толпы; поэтому, как только раздача оружия была закончена, он схватил мачете и, потрясая им над головой, вскричал:

— Теперь, друзья, будем думать только о мести! Смерть гачупинам!

— Да, да, месть! Смерть гачупинам! — повторяла наэлектризованная толпа.

В этот момент снаружи послышался цокот копыт и бряцание оружия, а затем два сильных удара в дверь церкви.

— Спокойствие! — сказал алькальд. — Открывать пойду я.

Он сошел с кафедры и, пройдя сквозь тесные ряды индейцев, почтительно расступавшихся перед ним, твердым шагом направился к двери.

VII. НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

Алькальд сделал одно только движение, и в церкви водворилась полная тишина.

— Кто там? — спросил он через дверь.

— Отечество! — послышалось в ответ.

— Дети мои! — вскричал дон Рамон, обращаясь к окружающим. — Бог внял нашим молитвам, он посылает нам помощь! Я узнаю голос прославленного дона Энкарнасиона Ортиса. Вперед! Вперед!

— Смерть испанцам! — вскричали, яростно потрясая оружием, индейцы.

Алькальд открыл двери.

На пороге стоял Энкарнасион Ортис с непокрытой головой и саблей в руке; войдя в церковь, он перекрестился, склонившись перед алтарем. Потом, пожав руку дону Рамону, он сказал индейцам, пронизывая их взглядом:

— Кто вы? Мужчины, рабы или трусливые старые бабы? Если мужчины, — докажите мне это! Почему вы не боретесь за независимость? Я пришел со своей квадрилей, чтобы помочь вам завоевать свободу! Можно ли положиться на вас?

— Да! Да! Да здравствует Энкарнасион Ортис! — в исступлении закричали индейцы.

— Тогда вперед, братья! — пламенно воскликнул Ортис. — Следуйте за мной! Бог и свобода!

— Бог и свобода! — повторили индейцы, бросаясь за ним.

Церковь мгновенно опустела.

Падре Линарес вышел из ризницы с трудом дотащился до алтаря и распростерся перед ним. Он горячо молился за этих людей, отдающих свою жизнь за святое дело освобождения.

Между тем на Главной площади началось неслыханное сражение, или, вернее, резня. Дон Рамон присоединился к ранчерос, которые бесстрастно стояли у выходов на улицы и ударами сабель толкали обратно на площадь несчастных, пытавшихся бежать.

Вслед за резней начались пожары. Индейцы в пыли неукротимого бешенства метались с факелами в руках, поджигая свои собственные жилища и издавая крики и вопли. Одним из первых был подожжен дом алькальда. Полузадохшиеся испанские офицеры бросались к дверям, чтобы

спастись от пламени, но индейцы тут же безжалостно убивали их.

Один лишь капитан дон Горацио де Бальбоа, тяжело раненный, прорвался сквозь строй преследовавших его индейцев. Он вскочил на лошадь и, бешено вращая саблей, подскакал к группе офицеров.

— А-а! А-а! — злобно смеясь, кричал он. — Я вам это припомню, сеньоры! Если бог поможет мне спастись, я отыграюсь! Я отомщу за эту западню!

— Огонь по негодяю! — вскричал Энкарнасион Ортис.

— Остановитесь! — закричал дон Педро. — Ему осталось жить, может быть лишь несколько минут, чего стоят его бессильные угрозы! Пусть бежит!

— Как вам угодно, сеньор! — насмешливо воскликнул испанец. — Но если кто-нибудь из вас попадет в мои руки, как я сейчас попал в ваши, — пусть не ждет пощады!

— Уезжайте, кабальеро! Прекратите это глупое хвастовство!

— Да, я еду. Прощайте, дон Педро Морено! Вы виноваты меньше других. Прощайте, дон Рамон Очоа, достойный алькальд! Очень сожалею, что не расстрелял вас. Прощайте и вы, дон Энкарнасион Ортис, честный студент-богослов! Клянусь жизнью, я навсегда запомню ваши имена! Будьте вы прокляты!

Он пришпорил лошадь и с поднятой саблей врезался в толпу индейцев, крича диким голосом:

— Дорогу! Дорогу!

Как метеор, промчался он между ранчерос и индейцами, со страху осенявшими себя крестным знаменем, и исчез за углом площади.

— Напрасно вы дали ему ускакать! — с упреком сказал Энкарнасион.

— Быть может... Но он — храбрый солдат, — ответил дон Педро Морено. — Мне хотелось дать ему хоть маленький шанс спастись.

— Он отомстит!

— Во всяком случае, попытается! Ну что же! Люди, которым угрожают, живут долго.

Дон Педро Морено попытался остановить избиение испанцев; но, увидев, что это не в его силах, собрал свой отряд, приказав ему не вмешиваться в бойню.

Падре Линарес, выйдя из церкви и очутившись на площади, ломал себе руки в отчаянии: во всех этих убийствах он обвинял себя.

— Это не люди! — гневно восклицал он. — Это дикие звери! Зачем же их еще подстрекать к мести! Как бы ни были жестоки испанцы, ничто не может оправдать такую низость, как расправа с беззащитным врагом. Эти

презренные люди позорят само понятие святой свободы, во имя которой они якобы сражаются! Сеньоры, хотя бы ценой нашей гибели, надо положить конец этой ужасной бойне!

— Да, да! Идемте, друзья мои! — вскричал и дон Педро. — Это зрелище мне тоже и страшно и отвратительно!

Обнажив сабли и взяв в руки пистолеты, дон Рамон и дон Энкарнасион, в сопровождении падре Линареса, встали во главе отряда.

Энкарнасион Ортис хотел уже двинуться вперед, как вдруг послышались громкие восклицания, крики радости, насколько можно было судить в этом шуме. Большая толпа индейцев с силой потока, прорывающего плотину, вторглась на площадь. В центре площади индейцы остановились, опустив на землю паланкины, в которых они несли дону Хосе Морена и донью Линду.

Увидев молодую девушку, улыбающуюся, тихую и спокойную в этой рычащей, черной от пороха и красной от крови толпе, Энкарнасион Ортис бросился к ней.

— О боже, Линда, зачем вы здесь? — спросил он ее с ужасом. — Неужели дон Рамон не сдержал своего слова?

— Дон Рамон Очоа — человек чести! — сказал с волнением дон Хосе Морено. — Это я потребовал, чтобы меня доставили сюда!

— В такой момент! Какая неосторожность! — вскричал Энкарнасион.

— Мы ничего не боимся, мой друг, — сказала девушка. — Ведь нас окружают старые и верные слуги.

— Дорогой Энкарнасион, я уйду из деревни только вместе с вами, — добавил дон Хосе Морено.

— В таком случае, ваше желание исполнится очень скоро. Я собираюсь уйти немедленно.

— А вы, падре Линарес? Что вы думаете делать? Остаетесь ли вы в деревне или идете с нами?

— Ни то, ни другое, сеньоры. После того, что произошло, я не могу оставаться здесь. Мой долг велит мне быть около тех, кто страдает. Завтра я уеду, присоединюсь к армии независимых и надеюсь найти там и вас.

— Возможно, — уклончиво ответил Энкарнасион. — Да хранит вас бог, отец мой!

— Я надеюсь, что бог даст мне силы выполнить трудную задачу, которую я сам возложил на себя.

Во время этого разговора дон Хосе Морено и его дочь сошли с паланкина и сели на поданных им лошадей.

Человек двадцать индейцев, вооруженных ружьями и ножами, тотчас

же окружили их.

— А ваша подагра? — спросил Энкарнасион дон Хосе. — Позволят ли она вам ехать верхом?

— Да, друг мой, тем более что перегон будет коротким.

— Тогда в путь!

Квадрилья построилась в боевом порядке, и по команде «Вперед!» всадники перешли на крупную рысь. В центре отряда ехали дон Хосе, его дочь и их слуги.

Второй отряд, примерно в тысячу двести человек, вооруженный хуже, чем первый, — в сопровождении женщин и детей, — выехал почти одновременно с первым, но с другого конца деревни.

Этот отряд, под командой самого алькальда, состоял из всего работоспособного населения Пасо-дель-Норте; это была настоящая эмиграция.

Оставленная деревня пылала. Оттуда доносились последние вопли испанцев, брошенных без помощи в горящих развалинах.

Ранчерос скакали три часа, направляясь в Охо Люсеро.

Перед восходом солнца, около четырех часов утра, по приказу Энкарнасиона Ортиса, взявшего на себя командование, отряд остановился на берегу маленькой речушки, впадающей в Рио Гранде-Браво-дель-Норте; всадники получили приказ спешиться и накормить лошадей.

Было пройдено шестнадцать или семнадцать лье.

Приблизительно на расстоянии двух ружейных выстрелов от отряда, по левую руку, на небольшой возвышенности, сплошь поросшей лесом, показалась асиенда, выстроенная из тесаных камней. Она была окружена зубчатой стеной, что свидетельствовало о богатстве и знатности ее владельца.

— Вот именно сюда я хотел вас привести, сеньоры, — сказал дон Хосе.

— А! Вот как! Но где же мы? Начиная от Эль Пасо, мы ехали вслепую, — заметил Энкарнасион Ортис.

— Вы действительно не узнаете местности? — с легким упреком спросил дон Хосе.

— Честное слово, к моему стыду, должен признаться, я не могу вспомнить, бывал ли я в этих краях.

— В таком случае, мой друг, у вас короткая память! Вы не узнаете асиенду де ла Вега?

— Как! — вскричал обрадованный Энкарнасион. — Мы, значит, находимся в де ла Вега?

— Боже мой, конечно! Если сомневаетесь, посмотрите на этих двух всадников, несущихся к нам во весь опор.

— Дон Рамон и дон Педро!

— Это в самом деле они.

— А-ах! — вспомнил Энкарнасион, ударяя себя по лбу. — Я был здесь, правда, но это было так давно!

Дон Хосе улыбнулся и, сопровождаемый Энкарнасионом, двинулся вперед навстречу всадникам.

Дон Педро и дон Рамон, отправившиеся более коротким путем и прибывшие поэтому на час раньше, предупредили управителя асиенды, чтобы он позаботился о еде и напитках для гостей, которых дон Хосе привезет с собой.

Узнав об этом от сына, дон Хосе Морено приветливо обратился к офицерам-инсургентам:

— Кабальерос и друзья, я надеюсь, вы не нанесете мне оскорбления, проехав мимо этой асиенды, не отдохнув в ней хотя бы несколько минут. Вы так устали сегодня ночью, что должны с открытой душой принять мое приглашение. В моем скромном доме для вас приготовлены и закуски и вино.

— Кузен, — ответил дон Энкарнасион, — от имени всех сердечно вас благодарю за милое гостеприимство, которое вы нам предлагаете. Мы его принимаем тем охотнее, что, говоря откровенно, буквально падаем от голода и усталости.

— В таком случае, кабальерос, — улыбаясь, ответил дон Хосе, — следуйте за мной, не задерживаясь, чтобы поскорей утолить ваш голод.

Офицеры поклонились в знак признательности.

Расположившуюся лагерем на берегу реки квадрилью оставили под командованием надежных унтер-офицеров. А командиры направились в асиенду и прибыли туда менее чем через четверть часа.

Во дворе асиенды всадники спешили. Поручив своих лошадей подскочившим пеонам, они по приглашению дон Хосе вошли в громадную столовую. Там заботливым управителем был приготовлен великолепно накрытый стол.

По знаку хозяина все заняли свои места за столом.

Предложенный офицерам обед был вполне достоин такого богатого и гостеприимного человека, каким являлся дон Хосе Морено. К тому же хозяйкой за столом была прелестная донья Линда.

Когда после обеда появились на столе сладости, вина и ликеры (в Мексике во время еды пьют только ледяную воду), дон Хосе жестом удалил

из комнаты слуг-пеонов и, подняв наполненный до краев бокал шампанского — вина, почти неизвестного в то время в Центральной Америке, — сказал своим гостям:

— Кабальерос! Предлагаю выпить за мучеников, павших за наше святое дело, и за победу независимости!

Все присутствующие с энтузиазмом чокнулись и повторили это бриндизи (слова «тост» тогда еще не употребляли).

— А теперь, кабальерос, — продолжал дон Хосе, — позвольте мне поздравить вас с успехом ночной экспедиции! Она была проведена поразительно умно и решительно. Я должен воздать честь за смелое нападение нашему другу Энкарнасиону Ортису...

— Позвольте, кузен! — с горячностью перебил его Энкарнасион. — Наш успех в этом деле вовсе не является результатом только моей ловкости или решительности! Все дело в необычайной храбрости, распорядительности и безграничной самоотверженности дона Рамона Очоа! Это он все сделал!

— Только благодаря вашему мужественному содействию, дон Энкарнасион! — ответил алькальд, поклонившись. — Без вас мои намерения не могли бы быть осуществлены.

— В общем, вы оба, кабальерос, оказали важную услугу родине. Вы даже не можете себе представить, какую значительную роль в борьбе за свободу играет взятие Пасо-дель-Норте! Любой ценой необходимо помешать испанцам вновь занять этот пункт!

— Но, я думаю, вряд ли у них появится эта мысль, — сказал дон Рамон. — Ведь капитан Бальбоа — просто-напросто бандит, а вовсе не солдат. По-моему, его вторжение в деревню носило не политический характер, а только грабительский. Это было видно с самого начала.

— Вполне возможно. И все же от этого положение Пасо-дель-Норте не становится для нас менее важным. Ведь именно по Рио Браво-дель-Норте доставляют необходимые оружие и боевые припасы, которые американские купцы везут нам через пустыню.

— Вы правы. Впрочем, нет ничего проще, чем занять деревню сильным отрядом и отбить у испанцев всякое желание вернуться туда, — сказал дон Рамон. — Я лично займусь этим.

— Прекрасно! А теперь, кабальерос, выпьем последний бокал на прощание — ведь мы расстаемся!

— Как, вы не хотите ехать с нами, сеньор Хосе? — воскликнули офицеры.

— Нет, кабальерос, это невозможно. Дон Энкарнасион Ортис знает

причину моего решения. Но я надеюсь, что в самом скором времени мы соединимся, и тогда уже надолго!

— Вы хотите остаться один на этой асиенде, ваша милость? — спросил его дон Рамон.

— Ни в коем случае! Карамба! Наоборот, я еду одновременно с вами, но, по всей вероятности, наши пути разойдутся, если, как я предполагаю, вы остаетесь в этой области.

— Вы угадали, ваша милость. Как раз несколько дней назад я получил приказ главнокомандующего сформировать партизанскую кавальерию и остаться в штате Чиуауа для охраны его безопасности.

— А я направляюсь в штат Керетаро. Вам, конечно, известно, кабальерос, что там собирается Национальный конгресс?

— Будьте осторожны, дон Хосе! Дорога от Чиуауа до Керетаро длинная, — сказал дон Рамон. — Вы рискуете не добраться до цели вашего путешествия. Ведь вам придется пересекать враждебные штаты, куда стянуты все испанские войска.

— Знаю. К несчастью, какие бы опасности ни грозили мне в пути, я вынужден ехать. Эту поездку нельзя отменить. Я хочу сделать нашему правительству некоторые предложения, и только один конгресс может либо принять, либо отклонить их.

— Ну, раз это так и ничто не может вас разубедить, разрешите мне, кузен, передать в ваше распоряжение двести всадников. Они будут охранять вас во время вашего путешествия, — сказал Энкарнасион Ортис.

— Вы просто угадали мои желания, мой добрый друг! Не потому, что я хотел бы путешествовать в такой многочисленной компании, отнюдь нет. Но Линда будет ожидать меня здесь, в асиенде де ла Вега, и я счастлив воспользоваться вашим любезным предложением, чтобы оградить асиенду от возможного нападения. Оставьте мне сто человек, и пусть они, под наблюдением моего сына, дона Педро, послужат охраной доньи Линды. Энкарнасион нахмурился.

— Вы совершаете ошибку, дон Хосе, — сказал он. — Как бы ни была укреплена эта асиенда, все равно в случае нападения она будет легко взята.

— Мое путешествие должно быть проделано в очень короткий срок — Линда не может вынести трудности такой дороги. Жестокий урок, который испанцы получили этой ночью, сделает их менее дерзкими, — так я надеюсь. К тому же, не считая ваших ранчерос, здесь находится около шестидесяти преданных и хорошо вооруженных пеонов. И если даже враг осмелится подойти к нашим воротам, то здесь хватит сил для того, чтобы дать ему отпор.

— Я не вполне разделяю ваше мнение, сеньор, но не могу себе позволить больше спорить с вами. Ведь вы гораздо лучше меня знаете, как нужно действовать в таких обстоятельствах.

Вскоре все встали из-за стола. Часом позже дон Рамон распрощался с гостями, обнял Энкарнасиона и дона Педро, сердечно пожал руку дону Хосе, вскочил на лошадь и покинул асиенду, чтобы вернуться к своей квадрилье.

Квадрилья быстро выстроилась, без промедления двинулась в путь и вскоре исчезла вдали.

Дон Энкарнасион был грустен.

— Что с вами? — спросил его дон Хосе. Сначала Энкарнасион уклонился от прямого ответа.

— Ничего особенного, — сказал он.

Но какая-то тайная мысль его мучила, и он решился признаться:

— Я не могу вам в точности сказать, почему, но меня гнетет мысль, что происшествия сегодняшней ночи — только пролог к событиям, гораздо более страшным. Какое было бы для меня счастье, если бы со мной был человек, которого я люблю как брата и от которого у меня никогда не было тайн!

— Вы говорите о доне Луисе Морене, не правда ли? Я сам был удивлен, не увидя его около вас. Где он?

— В секретной экспедиции. И все же я уверен, что вы его скоро увидите. Если мои предчувствия сбудутся, я пошлю за ним гонца.

VIII. КВАДРИЛЬЯ

Оставим на время окрестности Пасо-дель-Норте (хотя нам придется туда вскоре вернуться) и представим нашему читателю новое лицо, которому суждено играть одну из первых ролей в этой истории.

Около восьми часов вечера, то есть когда тьма уже поглотила последний сумеречный свет и почти мгновенно озарилась бледным сиянием звезд, многочисленный отряд прекрасно вооруженных всадников, мчавшихся на сильных лошадях меж двух высоких гор, выскочил галопом из ущелья и очутился на восточном берегу Рио Гранде-дель-Норте.

Всадник, несшийся впереди отряда, проскакал до самого берега и остановился только тогда, когда желтоватая вода Рио Гранде покрыла копыта его лошади. Лошадь фыркнула и резко попятилась.

Наездник беспокойно посмотрел на окружающую его сильно пересеченную местность. Все сгущавшаяся темнота мешала ему что-либо увидеть, и он, отказавшись от этого, погрузился в глубокие и печальные размышления.

Вскоре вслед за ним подъехали остальные всадники и выстроились, безмолвные и неподвижные, вблизи своего командира.

Молчаливый, мрачный, он, казалось, не заметил их появления.

Но такое положение не могло долго продолжаться: люди и лошади, измученные долгим переходом через пустыню, нуждались в отдыхе.

Один из всадников, по-видимому младший офицер, отделился от своих спутников, приблизился к командиру и, почтительно поклонившись, сказал:

— Кабальеро, имею честь заметить вашей милости, что квадрилья ждет приказаний о ночевке.

Выведенный из своей задумчивости этими словами, хотя и облеченными в изысканно-вежливую форму, всадник, вздрогнув, резким движением поднял голову и хмуро спросил:

— Что вам угодно, дон Кристобаль?

Дон Кристобаль, как бы не заметив его резкого тона, снова поклонился, еще ниже, чем в первый раз, и бесстрастно повторил свою фразу.

— А! Верно, — ответил всадник. — Я не подумал об этом. Прошу извинить меня. Кстати, скажите мне, в котором часу всходит луна в это время года?

Несколько удивленный дон Кристобаль не сразу нашелся что ответить.

Но так как он, видимо, привык к эксцентричной манере своего собеседника, то быстро обрел свое хладнокровие и ответил:

— В одиннадцать часов, ваша милость.

Всадник вынул из-за пояса великолепные часы, но темнота мешала ему разглядеть циферблат, поэтому он заставил их звонить.

— Девять часов. У нас есть время. Это хорошо.

Дон Кристоаль одобрительно поклонился, хотя и ничего не понял из слов всадника.

— Кстати, — небрежно сказал тот, пряча часы, — вы спрашивали моего распоряжения о стоянке, дорогой дон Кристоаль?

— Да, ваша милость.

— Это проще всего. Вы знаете страну лучше, чем я, поэтому позаботьтесь о стоянке сами, действуйте по вашему усмотрению.

Дон Кристоаль удовлетворенно улыбнулся и присоединился к ожидавшим его всадникам, по-прежнему стоявшим неподвижно подобно статуям.

Он занял место во главе отряда и приказал ему двигаться по берегу реки.

Некоторое время спустя он вывел отряд на покрытую густой зарослью узкую полосу земли, которая глубоко вдавалась в русло реки.

Это место было превосходно выбрано для ночной стоянки, так как оно ограждало и от нападения диких зверей, и от возможного набега краснокожих.

По приказу дона Кристоаля всадники спешили и в одно мгновение, с ловкостью людей, привыкших к жизни в пустыне, разбили лагерь, зажгли костры, дали лошадям маис на разостланных серапе и приготовили ужин, в котором они основательно нуждались.

Эти люди (их было приблизительно триста пятьдесят человек), атлетически сложенные, с выразительными лицами и воинственными привычками, были одеты в живописные костюмы ранчерос: закругленная снизу куртка, обшитые золотым галуном бархатные штаны, обтягивающие ноги гамаша из оленьей кожи, башмаки с медными шпорами, инкрустированными серебром и украшенными колесиками, диаметр которых достигал шести дюймов. Особенностью, по которой сразу можно было узнать, что это — независимые, или мексиканские инсургенты, были их широкополые шляпы с серебряным галуном, украшенные иконками с аляповатым изображением Гваделупской божьей матери. Мексиканские инсургенты с наивной и трогательной верой, составлявшей сущность их характера, считали ее своей покровительницей.

В момент, когда они кончили ужин и закурили сигареты — обязательный десерт после каждой еды у мексиканцев, — всадник, которого мы оставили на берегу реки, появился в лагере. Он передал ранчеро своего коня, сделал знак дону Кристобалью следовать за ним и сел вдали на обломке скалы, где специально для него зажгли костер.

Примечательно, что офицер, занимавший такое высокое положение, был очень молод — ему едва минул двадцатый год. Правда, он выглядел старше своих лет. Он был красив, взгляд его блестящих голубых глаз под изогнутыми густыми бровями был тверд и прям; кончики тонких белокурых усов, приподнимаясь, открывали линию волевого рта; густые светлые волосы, выбивавшиеся из-под полей шляпы, падали шелковистыми прядями на его плечи.

История этого юноши была проста и печальна, мы расскажем ее в нескольких словах.

Жан Луис Пьер Морен, которого обычно звали Луис Морен или дон Луис, родился в 1795 году в большом городе одной из южных провинций Франции, в семье, принадлежавшей к кругу высокопоставленной буржуазии; многие члены этой семьи прославились впоследствии в самых различных должностях.

Получив отличное образование, он благодаря высокому положению своей семьи уже шестнадцати лет был назначен казначеем Монетного двора — место, которое он занимал в 1815 году. Во время реставрации Бурбонов он лишился своей службы после недостойного и ложного доноса на него.

Пылкий Луис Морен был потрясен несправедливостью, жертвой которой он стал. Он твердо решил бежать и как можно скорей из страны, где его не признали и где поэтому его ничто больше не удерживало. Он сел на корабль, идущий в Соединенные Штаты.

В чужой стране, без друзей, без знакомств, почти без средств, он попал в тяжелое положение. Тщетно в течение нескольких месяцев он искал службы, которая могла бы его прокормить. Тут случай привел его в Новый Орлеан, где находился Хавьер Мина, племянник знаменитого Мина¹⁴. При первой же встрече эти два выдающихся человека мгновенно поняли и оценили друг друга.

Мина покинул Испанию, где мирная жизнь не давала выхода его клокочущей энергии. Он приехал в Соединенные Штаты с целью организовать военную экспедицию и помочь мексиканским инсургентам. Уже в Норфолке и Балтиморе Мина завербовал много сторонников. Приготовления к задуманной смелой попытке привели его в Новый Орлеан.

Луис Морен с радостью согласился участвовать в экспедиции и вместе с Мина высадился в Сото ла Марина. Услуги, оказанные молодым французом делу независимости в течение короткого (шестимесячного) блестящего похода, так несчастливо закончившегося неожиданным нападением на ранчо дель Венадито, были оценены по достоинству революционным конгрессом: несмотря на свою молодость, Луис получил звание полковника.

Молодой офицер, рискуя жизнью, тщетно пытался спасти своего начальника; его усилия не привели ни к чему, и несчастный Мина был расстрелян испанцами.

От катастрофы до того момента, когда мы познакомились с полковником донем Луисом Мореном, остановившимся со своим отрядом в триста пятьдесят человек на восточном берегу Рио Гранде-дель-Норте, прошло два месяца...

После паузы, которую мексиканец не решался нарушить, полковник поднял голову, повернулся к своему подчиненному и положил ему руку на плечо.

— Мне показалось, дон Крестобаль, — улыбаясь, сказал он, — что наши ранчерос устали. Может быть, они раздумали следовать за мной?

— Они? Ваша милость! — вскричал пораженный Крестобаль. — Они так преданы вам! Что заставило вас предположить это?

— Право, только ваша необычная настойчивость и замешательство в разговоре со мной — там, на берегу.

— Нет, нет, ваша милость, вы ошибаетесь! И я и храбрые ранчерос готовы для вас на все! — горячо воскликнул дон Крестобаль; он действительно боготворил своего начальника. — Если я позволил себе прервать ваши размышления, то только потому, что становилось поздно, люди были голодны, а лошади не могли больше двигаться.

— И это все, мой дорогой дон Крестобаль? — спросил дон Луис, пытливо глядя на него.

— Да, клянусь честью, полковник!

— Я вам верю, мой друг. Оставим это и поговорим о наших делах. Вы уверены, что эти пять дней ведете нас верной дорогой?

— Ваша милость, — с тонкой улыбкой ответил дон Крестобаль, — разрешите мне напомнить вам, что я был охотником и гамбусино, прежде чем стал инсургентом. Это значит, что я знаю пустыню в совершенстве и могу днем и ночью пересечь ее, не боясь заблудиться.

— Меня успокаивает ваша уверенность, дорогой друг. А сейчас, пожалуйста, объясните мне: скоро ли мы доедем до Нориас де Охо-

Люсеро? Вы, конечно, знаете, что это и есть конечная цель нашего путешествия.

— Ваша милость, мы могли уже давно быть там, если бы вы не выразили желания дожидаться в дороге каких-то известий.

— Это верно. Я забыл об этом, дорогой Кристобаль. Но теперь это уже безразлично. Какое расстояние сейчас нас разделяет?

— Семнадцать лье, ваша милость.

— Прекрасно! Это дело одного перехода, не больше.

— Да, но хорошего перехода! Хотя, если мы выедем в полночь, при луне, мы можем доехать до наступления сильной жары.

— Эти нориас¹⁵ находятся на индейской территории, не правда ли?

— Извините меня, ваша милость, — наоборот, они находятся в центре христианских владений. Простите меня за смелость, но каким образом вы должны получить ожидаемые сведения?

— Очень просто: через гонца-индейца. Меня уверили, что этот человек предан делу независимости.

Несмотря на глубокое уважение, которое дон Кристобаль питал к своему начальнику, он с сомнением покачал головой:

— Поверьте мне, ваша милость, я знаю индейцев лучше, чем вы, — они преданы только самим себе и вину.

— За этого индейца мне поручились.

— Дай бог, чтобы вы не ошиблись, ваша милость. Для меня, сына страны, индеец всегда предатель.

В это мгновение в двух шагах от собеседников ветки кустарника, не производя ни малейшего шума, резко раздвинулись, и какой-то человек, прыгнув как ягуар, очутился перед ними.

При этом внезапном появлении офицеры вскочили с места, выхватив сабли.

Незнакомец бесстрастно вытянул во всю длину правую руку с открытой кистью, ладонью вверх — по индейскому обычаю, и произнес гортанным голосом:

— Амиго де ла индепенденсия¹⁶.

После этого он скрестил руки на груди и гордо поднял голову, застыв в позе ожидания, как бы не замечая враждебных действий офицеров.

Полковник пристально посмотрел на индейца и сказал офицеру:

— Думаю, что это и есть гонец, которого я жду.

— Возможно, — сдержанно ответил дон Кристобаль. — Ваша милость может его расспросить — ведь это ни к чему не обязывает.

— Это я и намерен сделать.

IX. ГОНЕЦ

Стоит, несомненно, отметить следующий интересный факт: полное и резкое различие, существующее между людьми одной расы — цивилизованными индейцами, так называемыми мансос, и непокоренными, или бравое.

Первые, подпав под сильное влияние отцов-иезуитов, бывших миссионерами в Америке, со временем невольно подчинились требованиям и дисциплине цивилизации, абсолютно противоречащей их природным инстинктам и желаниям. Они, конечно, не были способны понять ее, но, не одобряя в душе, внешне ее приняли. Кончилось это тем, что мансос, потеряв свой истинный характер, приобрели новый, являвшийся как бы тонким слоем лака, наведенным на их природное невежество и стиравшимся мгновенно при первом соприкосновении с жизнью в пустыне.

Так и случилось, когда впоследствии в Мексике были уничтожены миссии. Едва привыкнув к спокойной оседлой жизни — а к ней так долго их старались приучить, — индейцы, вырвавшись из-под тяжелого гнета, все без исключения вернулись к прежнему образу жизни, забыв в несколько месяцев то, чему их учили столько лет!

В противоположность индейцам мансос — непокоренные, или бравос, сохранили свою свободу с первых же дней появления в стране испанцев. Презирая цивилизацию, которую они считали синонимом коварного ограбления, рабства и мучений, бравос сохраняли быт, существовавший до открытия Америки. Фанатики свободы, смелые и гордые, они возненавидели белых, чувствуя в них беспощадных врагов мексиканской расы.

Неизвестный, так неожиданно возникший перед двумя офицерами, был индеец браво. Он заслуживает особого описания.

Молодой человек, пожалуй не достигший еще середины жизни (хотя возраст индейца очень трудно определить), высокий, почти гигант, он обладал, по-видимому, сверхъестественной силой, подвижностью и необычайной гибкостью. Он мог бы служить образцом индейской красоты: у него был высокий, широкий лоб, густые брови, черные, глубокие, как ночь, глаза, довольно большой рот с ослепительно белыми зубами. Лицо его выражало одновременно гордость, мужество, ум и хитрость. Это был законченный тип мексиканской расы.

Одеяние его было более чем просто: длинная рубаха из голубого

коленкора, стянутая на бедрах поясом из недубленой оленьей кожи; штаны из той же материи, что и рубаха, спускавшиеся немного ниже колен; мокасины, украшенные стеклянными бусами и иглами дикобраза, предохранявшие при ходьбе ступни и часть ног. Голова индейца была не покрыта; иссиня-черные волосы, разделенные на пробор и стянутые на лбу куском змеиной кожи, падали в беспорядке на плечи. Сумка из пергамента, так называемая медицинская, со съестными припасами была переброшена подобно перевязи с правого плеча на левый бок. В руках он держал толстую суковатую палку. Кроме ножа, на нем не было никакого оружия — по крайней мере, не было видно.

Полковник, впервые встретивший такой великолепный образец племени краснокожих, разглядывал индейца со смешанным чувством удивления и восхищения. Потом он знаком велел дону Кристобалью приступить к допросу. Совсем не так легко, как это кажется, заставить краснокожего говорить. Полковнику это было известно, и он даже не делал попыток в этом направлении. Он решил вступить в разговор позже, если будет необходимость.

— Мы рады видеть тебя, Хосе¹⁷, — сказал дон Кристобаль. — Но почему ты бродишь так поздно? Солнце уже село, ты давно должен был бы спать. Откуда ты явился?

Индеец вместо ответа пожал плечами.

— Ты что, не слышишь меня, плут? — спросил дон Кристобаль.

— Вождь команчей, слышал дрозда-пересмешника, который повторяет слова, не понимая их! — сказал презрительно индеец своим гортанным голосом. — Вождь не называет себя Хосе. Так называют его гачупины, которых вождь обманывает. Краснокожие братья называют вождя Мос-хо-ке. А бледнолицые, если они друзья вождя, называют его Великий Бобр.

Медленно, высокомерно процедив эти слова, индеец вскинул голову и устремил на офицера огненный взгляд.

Тон и поведение дона Кристобаля мгновенно изменились. Он быстро поднялся и сердечно приветствовал индейца.

— Пусть мой брат простит меня! — сказал он. — Я не ожидал такой чести. Я не знал, что говорю с вождем — таким мудрым, с воином — таким знаменитым! Ведь я встречаюсь с ним в первый раз! Пусть брат мой займет место рядом со мной и выкурит трубку мира.

Индеец с улыбкой выслушал слова мексиканца, но легким движением головы отклонил его предложение.

— Великий Бобр, — сказал он высокопарно, — шел много дней, чтобы соединиться с молодым вождем, рожденным по другую сторону большого

соленого озера. Он дал слово не отдыхать, пока не встретит его. Великий Бобр — вождь, он исполнит свое обещание.

— О каком молодом вожде вы говорите, воин? — спросил дон Луис, вмешиваясь наконец в разговор.

— Я говорю о том вожде, который был при бледнолицем начальнике, убитом гачупинами и носившем имя Мина.

— Если это так, вождь, — сказал полковник, приблизившись к индейцу, — ваше путешествие закончено. Человек, которого вы ищете, — перед вами.

— Пусть мой брат докажет это.

— Я это сделаю очень легко, если вы именно тот человек, которого я ожидаю, — сказал полковник, вопросительно поглядев на индейца.

Краснокожий молча отступил на шаг, поднял руки к груди, раскрыл рубаху и снял с шеи кожаный мешочек, висевший на нитке, сплетенной из волокон алоэ. Потом ножом срезал эту нитку, открыл мешочек, вынул из него вчетверо сложенную бумагу, развернул и подал полковнику. Тот при свете костра рассмотрел ее самым тщательным образом. Это было грубо раскрашенное изображение Гваделупской божьей матери. Один угол бумаги был неровно надорван, и как будто случайно венеч и лицо богоматери были проколоты иглой в семи местах. Но, видимо, именно эти причудливо разбросанные уколы послужили для молодого человека ясным подтверждением сказанного. С удовлетворенным видом он достал из своей сумки точно такую же бумагу и протянул ее индейцу вместе с первой.

Вождю команчей потребовался один молниеносный взгляд, для того чтобы увериться в полном тождестве изображений. Его лицо, до этого холодное и суровое, мгновенно просияло. Он почтительно склонился перед полковником и, передав ему свою палку, вкрадчиво сказал:

— О! Я вижу, что брат мой — действительно тот молодой человек, которого я ищу. Мое путешествие закончилось счастливо. Пусть брат мой возьмет эту палку! Отныне она мне не нужна.

Дон Луис, плохо знакомый с нравами краснокожих, взял палку, не придавая никакого значения словам индейца.

— С какого же времени брат мой Великий Бобр идет по моим следам? — спросил он.

— Луне было два дня, когда белые вожди призвали Великого Бобра и поручили ему пойти на розыски Пламенного Глаза, — сказал вождь команчей. Со свойственной индейцам поэтичностью, он тут же дал это прозвище голубоглазому французу.

— Ах, так! Значит, брат мой шел семь дней! Индеец улыбнулся.

— Луна, которая нас освещает, уже гаснет, — ответил он. — Пусть молодой вождь прибавит к этой луне и прошедшую — тогда он узнает точное число дней, которые прошел Великий Бобр, не отдохнув ни разу до этой минуты, хотя силы его истощены.

— Как? Мой брат шел, не останавливаясь, тридцать пять дней?! — изумленно вскричал молодой человек.

— У Великого Бобра было очень много дел.

— Но Великий Бобр их выполнил, конечно?

— Выполнил все, — поклонившись, сказал индеец.

— А что теперь будет делать Великий Бобр?

— Он останется с Пламенным Глазом и будет исполнять его приказания. Так пожелало Собрание мудрейших бледнолицых.

— У вас, значит, ко мне есть поручение от них?

— Пусть брат мой Пламенный Глаз бросит взгляд на ожерелье — тогда станет известно все, что он хочет знать, — сказал индеец, слегка улыбаясь.

— Что он хочет сказать этим словом «ожерелье»? — спросил заинтригованный полковник у дона Кристобалья.

— Ну да, ведь вы еще не знаете индейских выражений! — смеясь, ответил тот. — У них это обозначает «письма». Дело в том, что индейцы пользуются в качестве писем нанизанными на нитку разноцветными бусами.

— Прекрасно! Но я не получал никаких писем, я только жду их.

— Вы слышите, вождь, что говорит полковник? — спросил дон Кристобаль у индейца.

— Уши Великого Бобра открыты, он слышит, — ответил индеец.

— Что же вы нам ответите, вождь? Отвечайте ясно, как подобает вождю, — положение очень серьезно.

— Множество гачупинов на дороге войны, — сказал индеец. Он стоял, положив руку на сердце, с неопишуемым выражением торжества на лице. — Тамариндос еще больше... Великий Бобр много раз был схвачен ими и подвергался обыску. Но Великий Бобр — мудрый вождь, все в племени знают его. Тамариндос не удалось найти ожерелья, как они ни старались!

— Значит, оно у вас? — быстро вскричал полковник.

— Оно у меня было несколько минут назад. Но сейчас оно в руках Пламенного Глаза.

— У меня? Но вы мне ничего не передавали, воин! — раздраженно сказал полковник. — Вы просто хотите пошутить!

— Военный вождь не может лгать. Команчи — мужчины! У Великого Бобра язык не раздвоенный. Если он говорит, то только правду! —

напыщенно произнес краснокожий.

— Всемогущий боже! — нетерпеливо вскричал молодой человек. — Я повторяю: вы ошибаетесь, вы ничего мне не передавали! Дон Кристобаль это может подтвердить...

— Прошу прощения, ваша милость, — прервал его дон Кристобаль. — Вы незнакомы с нравами индейцев. Вы сами сказали, что это первый индеец, встреченный вами. У них бывают иногда совершенно необъяснимые поступки. Позвольте, я разберусь в этом. Этот краснокожий — безусловно человек известный, он не будет лгать. Тут явное недоразумение. Надо это выяснить.

Полковник засмеялся:

— Ну, знаете, дорогой мой, если вам удастся убедить меня, что он передал мне эти письма, я скажу, что вы чрезвычайно ловки!

— Посмотрим. Может быть, мне это удастся гораздо легче, чем вы думаете. Вы разрешите, ваша милость?

— Я даю вам неограниченные полномочия, дорогой дон Кристобаль. Попытайтесь!

Краснокожий бесстрастно смотрел на огонек своей трубки и не обращал ни малейшего внимания на разговор офицеров.

После короткой паузы дон Кристобаль сказал:

— Индейцы не похожи на всех людей, сеньор, они ничего не делают и не говорят без значения. Каждое их слово, каждое малейшее движение имеет определенный смысл... Что у вас в руках?

— Да вы же видите — это его палка.

— Эту палку он вам дал?

— Да, но...

— Подождите! — живо сказал дон Кристобаль. — Ведь, передавая ее, индеец вам сказал, что эта палка больше ему не нужна, так как путешествие его кончилось.

— Да, он сказал это. Но все равно — какая же связь между этой палкой и письмами, которые...

— Ну, вот что: или я ошибаюсь, или эта палка содержит то, что вы ищете. Сломайте ее, сеньор! Вы увидите, прав ли я.

Полковник не заставил себя просить дважды: он взял палку обеими руками и разломал ее ударом по колену на две части. Палка была выдолблена во всю длину, и в ней были скрыты тщательно свернутые бумаги. Свертки эти тут же выпали на траву.

— Ну, что вы скажете? Я был прав! — торжествующе вскричал дон Кристобаль.

Индеец вытащил из своей сумки кусок окоте¹⁸, зажег его и воткнул в землю.

— Вот вам факел, читайте, — сказал он полковнику.

Дон Кристобаль, по предложению полковника, присоединился к своим товарищам и, укрывшись плащом, уснул крепким сном.

Во всем лагере бодрствовали только три человека: караульный, обязанный стоять на часах, индеец, сидевший на корточках перед костром с трубкой во рту, положив локти на колени и подперев голову руками, и полковник, внимательно читавший депеши.

Прочитав, он тщательно сложил их в свой бумажник, провел рукой по лбу, как бы желая стереть тяжелые мысли, потом резко обернулся к индейцу и пристально посмотрел на него.

— Пламенный Глаз хочет мне что-то сказать? — спросил краснокожий, настороженно оглядевшись вокруг. — Пусть он раньше выслушает вождя. Сейчас, когда все уши закрыты, Великий Бобр должен передать ему слова одного друга.

— Говорите, вождь, я слушаю вас с большим вниманием, — сказал молодой человек.

Индеец поднялся, сделал круг, как бы проверяя, что никто не сможет подслушать, затем, успокоенный своими наблюдениями, опять занял место перед огнем.

— Вот что сказал друг Пламенного Глаза, — прошептал он: — «Я потерял половину моей души, любимая девушка исчезла, неужели мой друг покинет меня в горе?»

— Кто велел вам передать мне эти слова, вождь? — возбужденно сказал дон Луис.

— Брат мой пылок, он любит своего друга, это хорошо, — все так же бесстрастно сказал индеец. — Великий Бобр тоже любит Энкарнасиона Ортиса. Это храбрый воин, гачупины его очень боятся. Великий Бобр поможет Пламенному Глазу выручить из беды Энкарнасиона Ортиса.

— Вы говорили об Энкарнасионе Ортисе?! Во имя неба, вождь, не скрывайте от меня ничего! С ним случилось несчастье?

— Пусть он сам все расскажет бледнолицему вождю. Великий Бобр — всего-навсего невежественный краснокожий, у него во рту нет языка белых, и он не умеет говорить и объяснять, как белые.

Предыдущий разговор очень ясно показал, что расспрашивать индейца, когда он не хочет отвечать, бесполезно. Поэтому полковник, несмотря на тревогу и волнение, решил не продолжать разговора, — по крайней мере, явно. Он предпочел отвлечь внимание индейца и потом

незаметно вернуться к этому вопросу.

Он принял самый безразличный вид, на который только был способен, и спросил:

— Итак, Собрание направило вождя команчей, с тем чтобы он меня проводил до места соединения?

— Великий Бобр согласился это сделать, и он сделает.

— Благодарю вас, вождь. Я рассчитываю на то, что вы хорошо знаете страну и поведете нас самым коротким путем.

— Птицы летят прямо — так же ходит Великий Бобр, когда он на тропе войны.

— Скажите мне, вождь, среди белых воинов, которых мы встретим, будет и Энкарнасион Ортис?

— Энкарнасион Ортис придет туда. Пламенный Глаз его увидит.

— Отдохнули ли вы настолько, вождь, чтобы сейчас же пуститься в дорогу?

Вождь команчей презрительно усмехнулся и, затянув свой пояс, который, садясь, он немного распустил, сказал:

— Великий Бобр не знает усталости. Если этого требует долг, ничто не может его остановить.

— Если так, мы сейчас же идем. Время уже за полночь, лошади и люди отдохнули, нас здесь ничто больше не задерживает.

— Я готов. Пусть Пламенный Глаз приказывает, он — начальник Великого Бобра.

Полковник сразу встал, разбудил дону Кристобая и приказал ему приготовиться к отъезду и поднять ранчерос.

Бедняги не чувствовали ног от усталости, когда приехали на стоянку, поэтому они ей очень обрадовались.

Тем не менее сейчас, когда им пришлось встать и седлать лошадей, они не позволили себе выразить даже тени неудовольствия: они понимали, что только очень важный повод принудил их начальника внезапно пуститься снова в путь и именно тогда, когда они так великолепно уснули.

Спустя полчаса ранчерос, следуя за Великим Бобром, покинули свою стоянку и тихо спустились с крутого откоса, держа под уздцы лошадей. Попав на равнину, они вскочили в седла и поскакали галопом.

В ночной тьме они напоминали фантастических черных всадников, немых и страшных, которые, по преданию скандинавской легенды, блуждают холодными и туманными зимними ночами в вековых лесах Норвегии.

X. СТОЛКНОВЕНИЕ

Ночь была темной, духота невыносимой; по небу медленно двигались тучи; в воздухе с нестерпимым жужжанием кружились мириады mosкитов; беспричинно трещали ветви деревьев; в тишине возникали таинственные шорохи; по временам с унылым шумом на листья падали крупные капли дождя, — все в природе предвещало приближающуюся грозу.

Всадники угрюмо продвигались вперед, с трудом управляя усталыми лошадьми, на каждом шагу спотыкавшимися о придорожные камни.

И только Великий Бобр шел непринужденно и уверенно, как будто дорога была освещена солнцем; он ни разу не остановился, ни разу не заколебался; иногда только касался ладонью коры деревьев, — ему было достаточно этого легкого прикосновения, чтобы в полной тьме убедиться в правильности выбранного пути.

Дон Луис и дон Кристоаль ехали бок о бок с проводником; последний невольно поддался обаянию дона Луиса. Он постепенно сбросил с себя надменность, свойственную индейцам, и начал разговаривать и смеяться, как будто находился среди старых друзей.

Таким образом, в полном согласии ранчерос продолжали свой поход; и хотя дон Луис, конечно, ждал с большим нетерпением встречи со своими друзьями, все же примерно в девять часов утра он решил сделать привал на несколько часов.

Надо было переждать наиболее жаркое время дня, дать всадникам отдых, восстановить их силы, израсходованные в течение нескольких дней тяжелого перехода.

По приказу дона Кристоаля отряд разбил лагерь на берегу Рио Браводель-Норте у брода, найденного проводником.

Этот брод находился немного выше Пасо-дель-Норте.

Полковник, не зная о событиях, происшедших в последнее время, собирался привести свой отряд именно туда или, по крайней мере, в окрестности деревни, рассчитывая встретить там своих друзей.

Высокие ветви деревьев давали благодатную тень; зеленая густая трава как бы предлагала мягкую постель для сна. Ранчерос расседлали своих лошадей, дали им маису и, выполнив этот долг, подумали о себе. Каждый устроился с возможными удобствами — разложили на траве съестные припасы и весело позавтракали.

Дон Луис, дон Кристоаль и Великий Бобр расположились для

завтрака в некотором отдалении от всего отряда. Великий Бобр был очень польщен приглашением полковника, он считал это большой честью для себя.

После обеда и неизменной сигареты каждый устроился поудобнее, желая выспаться; только проводник поднялся и затянул пояс, как бы готовясь удалиться. Полковник его задержал.

— Вы разве не собираетесь отдохнуть, вождь? — спросил он.

— Нет, — ответил индеец, — Великий Бобр будет бодрствовать. Он обещал другу Пламенного Глаза доставить молодого начальника живым и невредимым.

— Брагодарю вас, вождь, за вашу самоотверженность, но, по-моему, она излишня в данный момент. Достаточно наших часовых, чтобы охранять нас.

— Великий Бобр отправится на охоту — раздобыть ужин — и в то же время просмотрит дорогу. Это его долг.

— Как вам угодно, вождь. Что касается меня, то мои глаза слипаются. Я очень хочу спать!

— Хорошо! Пусть сон восстановит силы моего брата. Мос-хо-ке возвратится, когда солнце удлинит тень больших деревьев до линии воды в реке.

— Хорошо, вождь. Однако не удаляйтесь на большое расстояние.

Гонец молча улыбнулся и направился к броду. Ранчерос наблюдали, как он переходил реку, — вода доходила ему до пояса.

Полковник распорядился дать индейцу лошадь, но он предпочел отказаться от нее, считая, видимо, что так лучше пойти по следу, если он встретится на его пути.

За исключением кое-где расставленных часовых, все ранчерос беззаботно спали.

Около трех часов пополудни полковник почувствовал легкое прикосновение руки к его плечу. Этого было достаточно, чтобы молодой человек моментально открыл глаза и вскочил на ноги.

Мос-хо-ке стоял неподвижно перед ним; у ног его лежали пекари — трофеи охоты.

— А-а! Это вы, вождь! — зевая, сказал полковник. — Вы считаете, что уже пора отправляться?

Не говоря ни слова, индеец показал на солнце, которое медленно опускалось на горизонте.

— Это верно, вы точны. Спасибо! Я распоряжусь, чтобы дали сигнал седлать лошадей.

Проводник остановил его.

— Нет, — сказал он, — в лесу слишком много открытых ушей.

— Вы чего-то опасаетесь, вождь?

— Опасность приходит всегда, когда ее не ждут. На дорогах войны осторожность необходима. Великий Бобр предупреждает, чтобы ружья бледнолицых друзей были заряжены.

— Они всегда заряжены.

— Хорошо. Они понадобятся, вероятно, до захода солнца. Пусть воины приготовятся — уже время отправляться дальше.

Двусмысленные слова проводника заставили полковника призадуматься. И все же он решил, что будет благоразумнее последовать совету вождя. Он был убежден, что, в случае реальной опасности, проводник скажет обо всем яснее.

По совету индейца ранчерос разбудили без сигнала. Это повлекло за собой некоторое опоздание. Было уже больше четырех часов, когда кавалерийский отряд приготовился к походу.

Без особых препятствий они переправились на другой берег и вскоре очутились на мексиканской земле. В эту эпоху покинутый ранчерос берег входил клином в испанские владения, составляя часть вице-королевства Новой Испании, хотя он и был захвачен независимыми индейцами.

После переправы по приказу полковника отряд остановился на несколько минут, чтобы восстановить ряды, а затем уже отправился дальше галопом — привычным аллюром мексиканских лошадей.

В этот момент Мос-хо-ке наклонился к уху полковника и сказал, указывая пальцем на лесок, к которому подъезжал отряд:

— Белый начальник должен обратить внимание на это место.

— Что вы хотите сказать, вождь? — спросил полковник.

— Великий Бобр напал на след.

— След?

— Не более чем в четырех лье отсюда.

— Я ничего не понимаю... — сказал полковник, обратившись к дону Кристобалью.

— Он хочет сказать, что видел следы перехода каких-то людей.

— А-а! Очень хорошо... А какой след? — спросил полковник, поворачиваясь к индейцу.

— Этот след войны. Лошади подкованы, они принадлежат бледнолицым.

— Наверно, это независимые ранчерос. Их много здесь, их отряды занимают всю провинцию.

Индеец покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это гачупины.

— Испанцы?

— Да.

— В каком направлении они следуют?

— В противоположном нашему.

— Значит, они идут сюда?

— Через час они будут перед нами.

— Кто эти люди?

— Великий Бобр знает.

— Вы их видели?

— Да.

— Кто же они?

— Воины человека, которого белые называют дон Горацио де Бальбоа.

— Это невозможно, вождь, вы ошибаетесь.

— Великий Бобр не ошибается.

— В письмах, принесенных вами, мне сообщили, что дон Горацио де Бальбоа был внезапно захвачен Энкарнасионом Ортисом в Пасо-дель-Норте и разбит наголову, а его шайка рассеялась.

— Это правда. Койоты были выкурены ягуарами, но койоты потом вновь объединились. Великий Бобр знает об этом. Он видел их два раза: до встречи с Пламенным Глазом и сегодня. Мой брат должен быть осторожен, — их много.

— Да что мне эти негодяи! Они ничего не стоят по сравнению с моими храбрыми солдатами!

— И все же лучше избежать встречи с ними. Это легко сделать.

— Нет, ни за что! Я уничтожу их!

— Пламенный Глаз — начальник.

— Я считаю позорным свернуть с пути из-за этих презренных людей!

— Если Пламенный Глаз принял такое решение, он должен немедленно позаботиться о мерах предосторожности. Этого требует благоразумие.

— Вы правы, вождь... Дон Кристоаль, составьте авангард из сорока человек, пошлите разведчиков на фланги колонны, распорядитесь, чтобы полная тишина царила в рядах, чтобы каждый воин был готов к битве. Враг перед нами.

Дон Кристоаль выполнил приказание своего начальника с такой быстротой, что через пять минут отряд вошел в лес в полном порядке и готовый к любой неожиданности.

Ранчерос в ожидании предстоящей битвы забыли об усталости, к ним вернулось их обычное беззаботное веселье.

— Теперь, — сказал проводник, слезая с лошади и передавая ее ближайшему солдату, — Великий Бобр пойдет вперед на разведку. Он должен выяснить дорогу для своих белых друзей. Он предупредит их о приближении врага. Он трижды прокричит как ястреб-перепелятник.

— Благодарю вас! Идите! — сказал полковник. Индеец проскользнул между деревьями и исчез. Отряд продолжал двигаться медленно и осторожно.

— Должен сказать, что в характере индейцев много хорошего и они люди надежные, — обращаясь к своему лейтенанту, заметил полковник.

— Да, для тех, кого они любят, — улыбаясь, ответил дон Кристобаль.

— Это само собой разумеется, — в тон ему сказал полковник.

Отряд дошел до опушки леса и вступил на равнину; на ней, несмотря на отсутствие малейшего ветерка, колыхались высокие травы. В этот момент внезапно послышался крик ястреба-перепелятника, почти немедленно вслед за ним — ружейный выстрел и ужасный крик; ранчерос остановились, охваченные сильнейшим беспокойством.

Что произошло на равнине? Она ведь кажется такой пустынной!..

Кто выстрелил?

Быть может, проводник захвачен врагами и убит?

Что можно предпринять?

Продолжать двигаться вперед или отступить?

Все были объяты крайней тревогой.

И тут совсем близко от них прозвучал пронзительный торжествующий крик. Раздвинулись травы, и появился Великий Бобр. Он держал в одной руке ружье, в другой окровавленный скальп.

— Хвала создателю! — увидя индейца, вскричал полковник. — Мосхо-ке невредим!

— Гачупины там! — сказал индеец, вытягивая руку. — Великий Бобр принес скальп одного из разведчиков.

Нельзя было терять времени на размышление, нужно было немедленно принять решение. Полковник без колебания построил ранчерос в боевом порядке на опушке леса. Резерв в сто человек во главе с доном Кристобалем должен был скрыться в лесу и ждать приказа полковника. По первому же сигналу они должны были примчаться на помощь.

В течение получаса ранчерос стояли — неподвижные, спокойные и молчаливые.

Солдаты, готовясь к битве, знают, что на войне нет милосердия.

Непокоренные, так же как и испанцы, были беспощадны в этой братоубийственной войне. Горе побежденным! Только одно имело значение: победить или умереть!

Чтобы предупредить о приближении врага, двадцать разведчиков выехали на пятьдесят шагов вперед от фронта.

Вскоре послышалась ружейная перестрелка; разведчики, за которыми погнались испанцы, укрылись позади своих рядов, а преследователей встретил такой огонь, что они бросились назад, оставив нескольких солдат на земле.

Обстановка стала ясной — схватка обещала быть жаркой.

Полковник, недовольный создавшимся положением — неподвижностью отряда в ожидании столкновения (позиция, всегда невыгодная для кавалерийского боя), построил свой отряд в колонну, велел трубить атаку и, оставив резерв в засаде под прикрытием, поскакал навстречу врагам с криком:

— Мексика и независимость!

Ранчерос, повторяя стократно этот клич, ринулись за ним.

Мос-хо-ке не ошибся: отряд, с которым решил сразиться дон Луис, был именно тот, которым командовал капитан дон Горацио де Бальбоа. Как сумел этот человек, только недавно разбитый наголову в Пасо-дель-Норте отрядом Энкарнасиона Ортиса, человек, наполовину обгоревший, еле вырвавшийся из пылающей деревни, — как сумел он снова и через такое короткое время стать во главе многочисленного отряда? Это тайна, разгадать ее невозможно, во всяком случае сейчас. Но факт существовал, и обсуждать его было бесполезно.

Но что еще поразило и заинтересовало полковника — это сам путь, по которому следовал испанец: он направлялся в пустыню...

Казалось бы, для такого человека, как дон Горацио, война сводилась к разбою, и он, естественно, должен был бы стремиться в центр Мексики, где были ранчо и асиенды, в маленькие беззащитные города, которые можно было бы легко грабить, — ведь именно они и представляли громадный интерес для испанцев. Но чем привлекала дон Горацио пустыня? Единственные хозяева саванн — команчи, сиу, апачи и многие другие индейцы-кочевники и непокоренные, бродячие владельцы этих громадных пространств, — разве они дали бы ему те богатства, которых он так домогался и для которых готов был на все, на любое преступление?

Этот второй вопрос был так же трудно разрешим, как и первый. Одно ясно: принимая это направление, капитан дон Горацио преследовал темную цель; порочный до мозга костей, этот человек не мог иметь никаких других

намерений. Но что это были за намерения?..

Как ни странно, полковник, мчась во главе своего отряда, не мог отделаться от этих мыслей; вместе с тем он не мог дать себе отчета, почему они так живо занимали его.

Полковник никогда не встречался с капитаном, и, казалось, поступки капитана должны были быть безразличными для него.

Однако, повторяем, полковник был очень встревожен, и какая-то непонятная тоска сжимала его сердце. Было ли это предчувствием?

Но почему предчувствие в отношении незнакомого человека? Вот что он напрасно старался понять.

Бальбоа принимал доклад своих разведчиков, когда услышал шум, похожий на раскаты грома. Это ранчерос пошли в атаку.

Настоящий бандит по своим поступкам, дон Горацио в то же время был опытным офицером и храбрым человеком.

Раздосадованный тем, что не он предпринял атаку, капитан прибег к хитрости: большую часть солдат он перевел в засаду в придорожные кустарники, а на дороге оставил только заслон из всадников, расставленных таким образом, чтобы ввести в заблуждение противника.

Его отряд, состоявший из четырехсот сорока человек, численно превосходил отряд непокоренных; но капитан дон Горацио вез с собой закрытый паланкин, который, видимо, скрывал что-то очень ценное. На охрану паланкина было выделено шестьдесят всадников, получивших приказ не удаляться от него, что бы ни случилось.

Этот паланкин и его конвой были спрятаны в чаще леса и все время находились под наблюдением капитана.

Едва Бальбоа принял все эти меры, как с быстротой бурного потока, опрокидывающего и уничтожающего в своем бешеном стремлении все встречающиеся на пути препятствия, появились ранчерос.

Дон Луис с безошибочностью, характерной для настоящих командиров, угадал расположение противника и тут же изменил свой план атаки.

Отряд ранчерос, обрушившись лавиной на испанцев, разделился на три части: центр продолжал атаковать в глубину, а фланги отклонились вправо и влево. С саблями в руках ранчерос стремительно бросились на спрятавшихся всадников, уверенных в том, что они ввели в заблуждение своих врагов, и потому не ожидавших этой неистовой атаки и растерявшихся от нее.

Схватка была ужасной. Обе стороны показывали чудеса храбрости. Ожесточение, вызванное расовой ненавистью, дошло до предела.

Испанцы, в первые мгновения застигнутые врасплох бешеной атакой, сплотили свои ряды и дрались с энергией отчаяния.

Нельзя было предвидеть, на чьей стороне будет перевес. Великий Бобр подошел к полковнику и, указывая на паланкин, неподвижно стоявший под прикрытием и охраняемый конвоем, лаконично сказал:

— Там!

Дон Луис бросил быстрый взгляд в направлении, указанном индейцем, и, не понимая причины, почувствовал важность, которую дон Горацио придает этому таинственному, тщательно оберегаемому паланкину.

Дон Луис знаком подозвал офицера, тихо сказал ему несколько слов и, собрав двадцать ранчерос, внезапно напал на конвой, до этого момента не принимавший участия в сражении.

Вскоре вокруг паланкина сосредоточилось все сражение: ранчерос стремились овладеть им, а испанцы удвоили усилия, чтобы его защитить.

Дон Горацио показывал чудеса храбрости, порывы мужества, достойные более благородной цели, чем та, которую он преследовал.

Капитан ловким приемом окружил ранчерос, и они очутились одновременно в роли атакующих и атакуемых.

Такой бой не мог долго продолжаться... Испанцы начали одерживать верх, как вдруг с силой прозвучал крик:

— Мексика! Мексика! Независимость!

И свежий отряд, охваченный гневом и энтузиазмом, бросился с непреодолимой силой в самую гущу сражающихся.

Это дон Кристобаль, извещенный проводником, выскочил со своим отрядом из засады на помощь полковнику.

В этот момент занавески паланкина раздвинулись, и показалась очаровательная головка молодой девушки.

— Ко мне! Ко мне! — с отчаянием закричала девушка. — Ранчерос! На помощь! Я — мексиканка! Я — дочь...

Голос девушки показался дону Луису знакомым. Но больше он ничего не услышал, потому что дон Горацио поспешил к паланкину и, резко оттолкнув девушку, закрыл занавески.

— Вперед! — вскричал полковник. — Друзья мои, спасем эту девушку!

— Вперед! Вперед! — повторяли ранчерос, бросаясь вслед за ним.

Но их усилия были бесполезны. Дон Горацио молниеносно собрал своих солдат и, как загнанный тигр, который не хочет признать поражения, начал отступать шаг за шагом, все время лицом к врагу, углубляясь в лабиринт леса.

Было бы просто безумием преследовать его: глубокая тьма наступившей ночи камнем пала на землю.

Ранчерос вынуждены были остановиться и разбить лагерь на поле битвы, усеянном трупами испанцев.

Воздадим должное храбрым ранчерос: они мужественно выполнили свой долг. Они изнемогали от усталости, и несколько часов отдыха были для них необходимы.

Полковник послал разведчиков удостовериться, что враг действительно отступил, и только после этого отдал распоряжение о ночном привале.

XI. ОХО-ЛЮСЕРО

Дону Луису было грустно: одержанная победа для него была равносильна поражению, так как, несмотря на все усилия, он не освободил молодую девушку, трогательно взывавшую о помощи.

В течение долгих часов он напрягал свою память, но все было напрасно.

Была уже полночь, когда проводник возвратился и увидел, что полковник, погруженный в свои мысли, сидит перед костром.

Великий Бобр сел на корточки рядом с доном Луисом.

Полковник поднял голову.

— А, это вы, вождь! Вы возвратились очень поздно.

— Мос-хо-ке долго шел по следам гачупинов, — ответил индеец, спокойно набивая свою трубку и зажигая ее с помощью священной палочки.

— Вы их видели?

— Много часов Мос-хо-ке шел по их следам.

— Что они делают теперь?

— Они бегут, как лани, испуганные охотниками.

— Значит, они не намерены перейти в наступление?

— Нет, они спешат очутиться там, куда они идут.

— Куда же они направляются?

— В пустыню.

— Что они будут там делать?

— Мос-хо-ке узнает это в свое время. У индейца глазорла: он видит все в саванне.

— Они увели с собой молодую девушку?

— Да.

— Вождь знает ее?

— Возможно.

— Кто она? — быстро спросил дон Луис. Индеец остановил на мгновение свой взгляд на нем.

— Наступила полночь, — сказал он, — через несколько часов надо опять идти в путь. Мос-хо-ке нуждается в отдыхе, он идет спать.

И, завернувшись в свой плащ, он лег у костра, закрыл глаза и уснул или, быть может, притворился спящим. Дон Луис был подавлен.

— Ах, мучитель!.. Он что-то скрывает, я уверен в этом, — печально

пробормотал он. — Но почему он так упорно молчит? Что за смысл ему скрывать правду?..

С восходом солнца отряд двинулся в путь.

Еще накануне вечером убитых в бою похоронили и положили на могилы тяжелые камни, чтобы помешать диким животным осквернить трупы воинов.

В это чудесное утро наши путешественники продвигались вперед очень легко и без всяких приключений.

Около одиннадцати часов, как всегда, сделали привал, чтобы переждать самое жаркое время дня.

Полковник затаил недовольство против проводника-индейца. Он всерьез рассердился на него за упрямые недомолвки накануне вечером и дал себе слово так или иначе, но заставить его разговориться. Дон Луис хотел скорее узнать все о молодой девушке. Всевозможными способами, искусными уловками старался он навести разговор на эту тему. Но поймать такого хитреца, каким был этот краснокожий, ему не удалось. Неизвестно почему, но Великий Бобр проявлял большую осторожность: о чем бы ни спрашивал дон Луис, индеец с присущей ему ловкостью уклоняться от объяснений. Он даже делал вид, будто полковник разговаривает с ним просто из любезности. В конце концов дон Луис, выбившись из сил и убедившись, что ему ничего не удастся выжать из индейца, решил к этому вопросу больше не возвращаться.

— Мы скоро приедем, вождь? Мне просто не терпится скорей попасть в Охо-Люсеро, — сказал полковник как-то вечером проводнику на привале.

— О-о! Брат мой Пламенный Глаз потерял терпение! — сказал, улыбаясь, индеец. — Он спешит увидеть своих друзей.

— Ну конечно, вождь!

— Хорошо. Пусть молодой вождь подождет еще немного — скоро он будет с ними.

— Вы говорите правду?

— У Мос-хо-ке не раздвоенный язык, он всегда говорит правду. Солнце второго дня не успеет еще скрыться, когда брат мой достигнет большого дома из камней, где живут его бледнолицые друзья.

— Я верю вашему обещанию.

— Мой брат убедится сам.

На следующее утро опять тронулись в путь.

Прошло уже три дня с того момента, когда отряд ранчерос перешел Рио Браво-дель-Норте, вступил на мексиканскую землю и ознаменовал свое появление блестящим сражением с бандой Бальбоа.

Всадники, снявшись с привала, еще сонные, ехали как бы оцупью; это было незадолго до восхода солнца.

По традиции, введенной им с первого же дня, Великий Бобр для разведывания дороги находился шагах в трехстах впереди отряда. Вдруг он остановился, внимательно осмотрелся и, вместо того чтобы ехать вперед, спешно повернул назад к полковнику.

— Что случилось? — спросил дон Луис.

— Пусть Пламенный Глаз посмотрит, — ответил индеец, указывая правой рукой на что-то вдали.

Полковник посмотрел.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

— Глаза бледнолицых не видят ничего! — и краснокожий презрительно улыбнулся. — Там деревня Охо-Люсеро.

Дон Луис почувствовал укол в этих словах, посмотрел снова, но с тем же успехом, что и в первый раз.

— Ничего не вижу, — повторил он.

— Ну что ж!.. — сказал индеец. — Пусть брат мой спрячет своих воинов под прикрытие, а Мос-хо-ке выйдет из леса и пойдет в деревню.

— Вы хотите нас покинуть, вождь? — быстро спросил дон Луис.

— Мой брат меня не понял, — с улыбкой сказал проводник. — Великий Бобр — воин, известный у костра согласия своего народа. Он очень хитрый. Он войдет в деревню бледнолицых, как путешественник, который возвращается в деревню к своему племени. Йорри¹⁹ не заподозрит человека безоружного и идущего в одиночестве. Индейский воин поглядит всюду и, как только обнаружит гачупинов, вернется, чтобы предупредить брата.

— Хвала создателю! — вскричал дон Луис. — Ваша мысль превосходна, вождь! Идите в разведку, мы вас будем ждать здесь.

— Хорошо. Теперь мой брат понял. Пусть он не показывается. Великий Бобр уходит и скоро вернется.

Проводник быстро повернулся и вскоре исчез в глубине леса.

Полковник решил последовать его совету.

Всадники спешили, лошадей привязали к кольшкам и, во избежание неприятных сюрпризов, расставили часовых. А солдаты постарались устроиться возможно удобнее, чтобы незаметно сократить время ожидания.

При свете солнца дон Луис разглядел наконец деревню Охо-Люсеро, ранчо которой белели в густых зарослях самых разнообразных деревьев. Деревня находилась в полу-лье от стоянки лагеря. Дорога из леса в деревню, широкая, извилистая, была совершенно безлюдной.

Дон Луис взял подзорную трубу и стал тщательно изучать окрестности.

Асиенда Охо-Люсеро (в переводе на язык страны — Сверкающий Родник) находилась на склоне довольно высокого холма, поднимающегося на дороге из Чиуауа в Пасо-дель-Норте. У подножия холма лежала деревня; в жалких домишках ее жили индейцы и пеоны, работающие на серебряных рудниках.

Охо-Люсеро по своему местоположению представляло собой для мексиканцев очень важный стратегический пункт, поэтому они поместили там многочисленный гарнизон; он должен был обеспечивать связь с пустыней.

Дорога, ведущая в деревню, все еще оставалась безлюдной. Дон Луис начал уже чувствовать безотчетную тревогу, как вдруг кто-то тихо коснулся его плеча. Полковник быстро обернулся и увидел проводника, такого же спокойного, такого же бесстрастного, как всегда.

— Как! — удивленно воскликнул дон Луис. — Это вы, вождь?

— Великий Бобр вернулся, — ответил, насмешливо улыбаясь, индеец.

— Позвольте... — возразил изумленно молодой человек. — Но я ведь целый час не свожу глаз с дороги, а вас не заметил! Каким же путем вы пришли?

— Для бледнолицых нужна точно обозначенная дорога, — ответил индеец, — а путь Мос-хо-ке — это путь птицы, он может пройти всюду.

— Хорошо, пусть будет так, — ответил дон Луис. — Но для чего такие предосторожности? Разве мои друзья в трудном положении?

— Пусть Пламенный Глаз возьмет свои волшебные глаза, — сказал индеец, показывая на подзорную трубу, которую полковник держал в руках, — он сразу увидит своих друзей. Они радостно спешат к нему.

Молодой человек направил трубу на дорогу и не мог сдержать крика радости при виде группы всадников, мчавшихся во весь опор.

Спустя несколько минут всадники подъехали к опушке леса. Дон Луис тотчас же разглядел среди них своего друга Энкарнасиона Ортиса и дона Хосе Морено. Он поехал к ним навстречу и невольно остановился при виде их грустных лиц.

Поспешно обменявшись любезным приветствием с остальными офицерами, он с волнением приблизился к Энкарнасиону и Хосе Морено.

— Ради бога, что случилось?! — вскричал он, пожимая их руки.

— Скоро вы это узнаете, друг мой, — печально ответил Энкарнасион.

— Немного позже, — прибавил дон Хосе. — Сначала надо заняться общественными делами, а потом уже частными.

Молодой человек поклонился, понимая, что настаивать в данный момент бестактно.

— Я к вашим услугам, сеньоры! — сказал он, повернувшись к офицерам и низко им поклонившись.

— Наоборот, полковник, мы к вашим услугам! — ответил один из офицеров. — Ведь вы безусловно лучше знаете, почему мы приглашены сюда.

— На этот вопрос, кабальерос, отвечу я, — сказал дон Хосе, выступив вперед.

— Мы вас слушаем, сеньор.

Дон Хосе Морено вынул спрятанный на груди большой запечатанный конверт с гербом конгресса и передал дону Луису.

— Прошу вас прочитать, сеньор полковник, — сказал он. — Это приказ главнокомандующего армией независимых, подписанный президентом Национального конгресса. Он дает мне право отобрать из вашего отряда тех людей, которые мне понадобятся для выполнения одной важной задачи. Тайна ее известна мне одному.

— Все это именно так, дон Хосе Морено, — ответил дон Луис, прочитав бумагу, находящуюся у него в руках. — И даже более того: я получил твердое указание быть в вашем распоряжении и слушаться вас во всем, не спрашивая объяснений.

— Мы получили точно такие же инструкции, — сказал капитан, вступавший уже прежде в разговор.

— Согласны ли вы, сеньоры, повиноваться этому приказу?

— Конечно, — ответили офицеры.

— Что бы я ни потребовал от вас?

— Приказывайте! — сказал полковник.

— Кабальерос, — сказал дон Хосе, — извините меня за такую поспешность, но, повторяю вам, поручение, возложенное на меня, чрезвычайно серьезно, мы не должны терять ни одной минуты! Капитан Фриас, не получили ли вы какого-либо особого приказа?

— Так точно, кабальеро, — ответил капитан. — Вчера, на заходе солнца гонец-индеец доставил мне депеши.

— Ив этих депешах вам дается приказ...

— ...поместить гарнизон в крепость Пасо-дель-Норте, некоторое время назад захваченную доном Энкарнасионом Ортисом. Быть может, по забывчивости этого не сделали раньше.

— Очень хорошо. Дон Луис передаст вам командование отрядом, и это поволит удвоить силы дель-Пасо, не ослабляя гарнизона Охо-Люсеро.

— Слушаю, сеньор!

— А еще какого-нибудь другого распоряжения не было в этих депешах?

— Прошу прощения, сеньор, было. Мне приказано как можно быстрее составить отряд охотников или гамбусинос человек в шестьдесят или восемьдесят для особой задачи.

— Вот об этом я и спрашивал.

— Разрешите мне сказать, ваша милость. К моему величайшему сожалению, я не успел приступить к этому заданию до сих пор, так как получил эти депеши только вчера вечером.

— В моем распоряжении уже около сорока гамбусинос, ожидающих меня больше двух месяцев в условленном месте. Так что ваша задача облегчается — вам нужно найти только половину необходимых мне охотников.

— Точно так, сеньор. И все же, несмотря ни на что, я могу обещать вам найти этих людей не раньше пяти шести дней.

— Мы их найдем в течение десяти минут, — улыбаясь, сказал дон Хосе. — Мой дорогой дон Луис, — прибавил он, обернувшись к французу, — ведь в вашей квадрилье найдется сорок волонтеров, не так ли?

— По первому нашему слову.

— Мне помнится, что дон Крестобаль Нава до войны был охотником на бизонов. Он мог бы принять командование над отрядом гамбусинос — под вашим начальством.

— Благодарю вас, дон Хосе, вы угадали мое желание.

— Значит, все к лучшему! Мне не нужно говорить, что все должно держаться в величайшей тайне. А теперь, кабальерос, вы свободны.

— Не окажете ли вы нам честь — поехать с нами в Охо-Люсеро, сеньор Луис? — с изысканной вежливостью спросил капитан Фриас. — Там все приготовлено для достойной встречи.

— Принять ваше очаровательное приглашение или нет, зависит не от меня, сеньор капитан, — так же любезно ответил ему полковник.

— В таком случае, я за вас отвечу согласием, мой дорогой дон Луис! — живо сказал дон Хосе Морено. — Мы воспользуемся предложением капитана, чтобы закончить последние приготовления... Сеньор Фриас, у вас есть мулы?

— Да, несколько мулов есть.

— Вы можете достать штук пятьдесят или шестьдесят?

— Легко.

— В течение какого времени?

— Самое большее, в течение двух часов.
— Прекрасно! А лошади?
— У нас здесь водятся только мустанги.
— Вот именно о них-то я и говорю, мой дорогой капитан!
— Это легче всего. Сегодня же я велю поймать полтораста или даже двести мустангов, и мы их поместим в корале асиенды.
— О, мне столько не нужно, капитан, мне совершенно достаточно сотни!
— Прекрасно! Значит, сотня. А упряжь вам нужна?
— Нет, благодарю вас, дорогой капитан, не нужна. Я хочу иметь этих лошадей в резерве.
— Слушаю, сеньор. Сегодня же вечером они будут доставлены в асиенду.

Разговор на этом окончился.

Дон Хосе дал приказание отряду сняться с места, и все всадники галопом поскакали в направлении Охо-Люсеро, куда прибыли через час.

Только что дон Луис собирался переступить порог асиенды, как Великий Бобр, приблизившись, шепнул ему на ухо:

— Что я должен сказать тем, кто послал меня к Пламенному Глазу?
— Как, вы хотите уйти от нас, вождь? Но почему? — спросил его полковник.

— Разве Мос-хо-ке не выполнил честно возложенное на него поручение?

— О, безусловно, вождь! Не только умно и быстро выполнили, но и проявили настоящую преданность.

— Мои бледнолицые братья будут довольны мной, а сердцу Мос-хо-ке радостны их похвалы. Мос-хо-ке хочет вернуться к ним.

— Подождите немного, вождь, — сказал дон Луис. — Может быть, вам придется отвезти им письмо.

— Хорошо. Раз Пламенный Глаз приказывает, Мос-хо-ке до захода солнца останется в деревне бледнолицых.

— Нет, — вмешался дон Хосе Морено, до сих пор бывший молчаливым свидетелем этого разговора. — Нет! Мос-хо-ке — умный и опытный вождь. Белые друзья просят его войти в их дом и занять место у огня совета. Быть может, бледнолицым начальникам понадобится, чтобы мудрый вождь сказал им свое мнение.

Индеец горделиво усмехнулся, получив это неожиданное и лестное приглашение, и последовал за мексиканскими офицерами в асиенду.

Отряд расположился в первом дворе — патио, где по распоряжению

дона Хосе Морено пеоны стали усердно угощать солдат освежающими напитками и закусками.

XII. МОС-ХО-КЕ

Дон Луис Морен очень хорошо знал, как сильно привязаны к нему ранчерос, вот почему он не мог просить кого-либо другого переговорить с ними. Он должен был сам сообщить им результаты разговора с доном Хосе. Поэтому он ушел из асиенды и направился к отряду. По его приказанию квадрилья сейчас же последовала за ним. Когда отряд собрался в патио асиенды, дон Луис с заметным волнением прочел полученный им приказ.

Сначала ранчерос слушали его в мертвом молчании, но по окончании чтения они все как один разразились градом упреков и жалоб. Дону Луису пришлось долго уговаривать их и убеждать, пока они не то чтобы утешились, но хотя бы без особого ропота примирились с тем, что у них будет новый командир. Во-первых, полковник пообещал им скоро вернуться, а во-вторых, — и это действительно вернуло им хорошее расположение духа, — он приказал дону Кристобалью Нава отобрать среди них сорок волонтеров, которые должны были идти с ним.

Но тут возникло новое неожиданное затруднение: абсолютно все хотели идти за своим начальником. Полковник предложил бросить жребий, чтобы определить, кто же из них будет выбран.

Наконец все закончилось к общему удовлетворению. Полковник, сердечно распрощавшись со своим отрядом, поспешил в комнаты асиенды. Там его уже ждали дон Хосе Морено и остальные офицеры, чтобы сесть за стол.

Короткий обед прошел в молчании.

Когда приглашенные к столу офицеры встали и удалились для окончательных приготовлений к отъезду, дон Луис Морен, Энкарнасион Ортис, дон Хосе Морено и вождь — индеец Мос-хо-ке остались одни в зале; расположившись в креслах, они молча курили.

Дон Луис, поглощенный своими обязанностями командира, с утра не мог найти свободной минуты для откровенного разговора с друзьями. Огорченный их грустью, он, конечно, испытывал громадное желание понять ее причину. Поэтому он тут же воспользовался представившимся случаем.

Дон Хосе ответил на его сердечные расспросы глубоким вздохом; Энкарнасион Ортис поднялся и, положив руку на плечо дона Луиса, сказал ему с невыразимой печалью:

— Увы, друг мой, в ваше отсутствие на нас обрушилось ужасное горе!

— Во имя неба, скажите, что случилось?! Не оставляйте меня в этой смертельной тревоге, умоляю вас, друзья мои!

— Зачем растревать эту жгучую рану? — сказал дон Хосе. — Ведь несчастье непоправимо!

— Непоправимо?! — с силой воскликнул француз. — Не надо впадать в такое уныние, сеньор дон Хосе. Все поправимо, кроме смерти!

— А если речь идет именно о смерти?

— О смерти! — вскричал француз. — Кто умер? Ради бога, говорите!

— У меня нет сил сказать это, — сжав голову руками, ответил Энкарнасион.

— Тогда скажу я, — вздохнув, сказал дон Хосе. — Раз это нужно, я скажу. Я найду в себе силы, тем более, что это только несколько слов.

— После взятия Пасо-дель-Норте, — начал старик, — я был вызван конгрессом и, уезжая, оставил в асиенде дочь под охраной моего сына Педро и дона Рамона Очоа. Я не прислушался к советам друзей, а они как бы предчувствовали беду. Асиенда была надежно укреплена, в ней были большие запасы провизии; ее охранял довольно многочисленный и преданный нам гарнизон. Да и испанцы, подавленные своим поражением, исчезли из наших мест. Мне казалось, что бояться нечего, и я уехал вместе с Энкарнасионом и несколькими пеонами. Наше путешествие продолжалось двенадцать дней. Что произошло в асиенде во время моего отсутствия, не знаю! И никто не мог сказать мне что-нибудь определенное. Мои дети вскоре после моего отъезда возобновили свои обычные утренние прогулки верхом в окрестностях асиенды. Видимость наступившего спокойствия в нашей стране их ободрила, и они ездили в сопровождении только одного или двух слуг. Вначале они старались не уезжать далеко от дома, но постепенно осмелели, прогулки их стали продолжительнее, и наконец они решили поехать на охоту в ближайший лес.

— Какое безрассудство! — пробормотал дон Луис.

— Молодость доверчива и слепа! — горько вздохнув, сказал дон Хосе Морено. — Как-то, около восьми часов утра, сын и дочь выехали на охоту на антилоп. Их сопровождали только управитель и один преданный слуга-пеон. В назначенный для возвращения час они не вернулись. Дон Рамон встревожился и послал людей в разные стороны на поиски. Но все пеоны вернулись, не обнаружив даже следов охотников. Тогда Дон Рамон в отчаянии принял решение ехать самому на розыски, несмотря на то что уже наступила ночь. Дон Рамон выехал из асиенды во главе отряда, состоявшего из сорока хорошо вооруженных и смелых всадников. В окрестностях было все так же спокойно и безлюдно. Дон Рамон направился

в тот лес, куда утром, как он видел, поехали охотники; отряд обыскал весь лес и ничего не обнаружил. Пройдя через лес, отряд вышел на большую равнину, а оттуда попал в густые заросли. Там дон Рамон приказал всадникам разъехаться во все стороны для поисков пропавших. У него было тайное предчувствие, что в этой чаще, пользовавшейся дурной славой и дававшей всегда приют бандитам, он наконец найдет следы пропавших. Увы! Предчувствие не обмануло дон Рамона, ему пришлось в этом убедиться самым ужасным образом. Не успела облава начаться, как послышался крик одного пеона, звавшего к себе. Дон Рамон подскочил к нему. То, что предстало его глазам, было чудовищно...

— Крепитесь, — тихо сказал дон Луис, ласково сжимая руку старика.

— На земле лежали три трупа, страшно обезображенные. Это были мой сын, управитель и пеон, сопровождавший их на охоту. Оружие, которое еще не выпало из их рук, земля, утопанная на большом пространстве, мертвые лошади — все доказывало, что люди были убиты после долгого и жестокого сопротивления...

— А донья Линда? — вскричал дон Луис.

— Исчезла.

— Нет никакого сомнения, — сказал дон Луис, — что они были захвачены врасплох какой-нибудь испанской разбойничьей бандой.

— Нет, — ответил печально дон Хосе. — С трупов были сняты скальпы... у несчастных были раны на груди и вырезаны сердца... а тела пронзены длинными коричневыми стрелами, похожими на стрелы апачей.

— Апачи — так далеко от границы! — изумленно вскричал дон Луис.

— Увы! Ведь вы же знаете друг мой, что с началом войны исчезли границы!.. Дон Рамон провел всю ночь в чапarrале в тщетных поисках следов доньи Линды. Он не нашел ничего. С наступлением утра он вернулся в асиенду, привезя туда убитых, чтобы предать их тела погребению по христианскому обычаю.

— Но на этом, я надеюсь, не закончились его розыски?

— О нет, конечно. Он продолжал их неустанно в течение многих дней, но, увы, безуспешно.

— Я не верю тому, что они убили донью Линду! — воскликнул дон Луис. — Как бы кровожадны ни были индейцы, но женщин они не убивают. Донья Линда жива.

— Это правда?! Друг мой, ведь правда, донья Линда жива? — возбужденно воскликнул Энкарнасион.

— Я в этом убежден. Они увезли ее, надеясь получить с вас богатый выкуп.

Дон Хосе недоверчиво покачал головой.

— Если у них было такое намерение, — сказал он, — почему же они после моего возвращения в асиенду не прислали людей для разговоров со мной о выкупе?

— Я просто теряюсь... — задумчиво сказал дон Луис, — и если бы вы не были так уверены, что это дело рук краснокожих...

— К сожалению, нет никакого сомнения в этом.

— Но кто бы ни были эти люди, по их следам шли и дальше?

— Да, примерно на расстояние десяти лье от асиенды.

— Простите мою настойчивость, дорогой дон Хосе, но мне надо знать, в какую сторону вели следы?

— В сторону границы. Дон Луис опустил голову.

— Вы все еще сомневаетесь?

— Должен вам признаться, я не верю, что это преступление совершено индейцами.

— У вас, очевидно, есть основание для этого?

— Разумеется. Выслушайте меня. Несколько дней назад я встретился с испанским отрядом.

— Но какая связь...

— Простите. Эти испанцы несли с собой паланкин, в котором находилась женщина...

— Женщина?! — вскрикнули ошеломленные Энкарнасион и дон Хосе.

— Да. Мексиканка — так она сказала. Несчастливая со слезами звала нас на помощь. Несмотря на все усилия, нам не удалось ее освободить. Испанцы обратились в бегство. А знаете ли, кто командовал этим отрядом? Дон Горацио Бальбоа, потерпевший поражение в Пасо-дель-Норте.

— Дон Горацио?

— Он самый! И если один из присутствующих здесь, — прибавил он, бросив быстрый взгляд на индейца, — захотел бы говорить, может быть, вы узнали бы все, что так волнует вас.

— Но ведь только у апачей или команчей есть обыкновение страшно калечить трупы...

— Может быть, дон Хосе, вы и правы. Но, повторяю, я убежден в том, что индейцы совершенно не виноваты в преступлении, которое вы им приписываете.

— Это, действительно, все очень странно, — глухо сказал Энкарнасион Ортис.

В это мгновение индеец поднялся с места, засунул свою трубку за пояс и, сделав шаг вперед, сказал:

— Мос-хо-ке хочет говорить. Трое мужчин быстро повернулись к нему.

— Вождь берет слово, — продолжал индеец, — Слушают ли его бледнолицые братья?

— Мы слушаем вождя, — ответил за всех дон Луис.

— Пусть бледнолицые откроют шире уши, — сказал индеец, — у Мос-хо-ке не раздвоенный язык. Белая девушка с глазами голубыми, как небо, не умерла. Мос-хо-ке это утверждает, а бог Ваконда знает, что Мос-хо-ке никогда не солгал.

— Во имя неба, продолжайте! — вскричал дон Хосе.

— Откуда вы знаете, что она жива?! — закричал и Энкарнасион Ортис, бросаясь к индейцу.

— Мос-хо-ке — не болтливая старуха! — высокомерно сказал индеец. — То, что он сказал, — правда. Он видел схватку своими глазами. Он был там.

— Как! — с упреком воскликнул дон Луис. — Вождь, вы были там и не попробовали спасти несчастную девушку?

Индеец презрительно усмехнулся:

— Разве у Мос-хо-ке двадцать рук, чтобы бороться против тридцати врагов? Разве мог он победить, если четыреста всадников не победили? — сказал он. — Нет, вождь отважен, но не безумен.

— Но скажите же нам, вождь, — сказал дон Луис, жестом призвав друзей к спокойствию, — каким образом вы очутились там?

— Какая малость удивляет бледнолицых! Мос-хо-ке был послан белыми начальниками к Пламенному Глазу. Хотя он и вышел из каменной деревни бледнолицых в одно время с Седой Головой, он оставил далеко позади Старого Начальника.

— Совершенно верно, — сказал дон Хосе. — Великий Бобр покинул город одновременно со мной, я это вспоминаю сейчас.

— Кто может сравниться с Мос-хо-ке в ходьбе! — гордо сказал индеец. — Его шаг, как полет орла, не оставляет никаких следов и не сбивается с прямой дороги. Когда вождь вошел в лес, солнце уже пронизало сумрак деревьев, земля была раскалена. Мос-хо-ке укрылся в тени деревьев и стал ждать, чтобы прошел дневной жар. Он вынул из своей сумки кусок высушенного оленьего мяса и начал есть. Вдруг он услышал легкий шум. Он поднял голову, осмотрелся и увидел много людей, не меньше тридцати. Они крались и прятались между деревьями, как прячется буйвол в чаще. Индеец очень осторожен. Он понял, что эти люди идут дорогой войны. Он спрятался в кустарнике, чтобы его не обнаружили, так

как эти люди, увидев его, убили бы. Прошел один час без всякого движения. Рядом в чаще послышался топот нескольких лошадей. До ушей вождя донеслись веселые голоса. Он осторожно поднял голову и увидел приехавших. Их было четверо: трое мужчин и одна женщина. Женщина была светлая, с глазами, как небо. Вдруг спрятавшиеся люди выскочили все разом из засады и с громким криком бросились на приезжих. Те четверо даже не могли попытаться убежать — враги окружили их со всех сторон, — но они стали храбро сражаться. Не меньше десяти воинов упали под их ударами. Но что они могли сделать? Убив часть своих врагов, они сами были убиты противниками. Молодая девушка осталась одна, без защиты. На нее набросили серапе, связали ей руки и ноги и положили на землю. Тогда вождь этого отряда подошел к убитым врагам, чтобы убедиться в их смерти, а потом сказал своим солдатам по-испански: «Мы снимем с них скальпы и вонзим стрелы в их тела. Пусть тот, кто найдет их, думает, что они убиты индейцами».

— Значит, это не были апачи? — вскричал дон Хосе Морено.

— Это были испанцы, — холодно ответил индеец. — пламенный Глаз сказал это моему отцу и не ошибся. Потом, — продолжал индеец, — вождь испанцев велел погрузить на лошадь тела убитых солдат, а сам поднял молодую девушку, и они ускакали галопом и исчезли в глубине леса.

— О боже!.. Этот человек!.. Этот негодяй!.. Я отдам все мое состояние, только бы мне помогли найти его! — подавленно сказал дон Хосе Морено.

— Я отдам за это мою жизнь! — воскликнул Энкарнасион Ортис.

— Если мои бледнолицые братья желают, Мос-хо-ке его найдет, — спокойно сказал индеец.

— Вы, вождь?! О, да услышит вас бог! Но как узнать, где он скрывается? Ведь прошло столько времени со дня похищения! Нет-нет, это невозможно, это выше ваших сил!

Индеец иронически улыбнулся.

— Когда Мос-хо-ке остался один, — продолжал он свой рассказ, — бог Ваконда внушил ему мысль снять с земли отпечатки ноги начальника отряда и одного из его спутников. Этого достаточно для Мос-хо-ке. Если он видел начало следа, он всегда дойдет до конца его.

— Имейте в виду, вождь, что ваши слова подают мне надежду! — вскричал дон Хосе Морено.

Индеец с улыбкой поклонился.

— Пусть отец мой Седая Голова надеется, — ответил он. — Но индейский вождь еще не все сказал. Хотят ли мои братья еще слушать?

— Говорите! Говорите, умоляем вас!

— Мос-хо-ке присоединился к Пламенному Глазу и выполнил поручение, данное ему бледнолицыми. Потом все поехали в Охо-Люсеро. Как всегда, Мос-хо-ке проверял.

Однажды, когда белые легли спать, Мос-хо-ке, вместо того чтобы отдыхать вместе с ними, пошел на охоту и вернулся к своим друзьям лишь тогда, когда он обнаружил след. Лагерь белых находился именно там, где был след, и среди многих следов на земле вождь разглядел отпечатки тех, какие он взял раньше, в чаще леса. Он нашел следы и похитителей и жертвы. То, что сказал пламенный Глаз, — правда. Белую девушку похитил дон Горацио. Он — и никто более. Вождь в этом убежден.

— Тогда почему же, вождь, вы отказывались отвечать на мои бесчисленные расспросы?

— Мос-хо-ке отказывался отвечать потому, что, если бы он сказал, Пламенный Глаз стал бы немедленно преследовать гачупинов. А долг призывал его сюда. Кроме того, Мос-хо-ке сам пошел по следу гачупинов и теперь, когда потребуется, может найти их, так как выследил их на далеком расстоянии. Если бы даже они зарылись в землю, им не удалось бы в пустыне избежать взгляда вождя команчей, когда он хочет найти их! Вождь найдет белую девушку!

— О вождь! Если вы вернете мне дочь...

— Мос-хо-ке дал слово, — прервал его индеец, — он сдержит его! Пусть отец мой успокоится.

Дон Хосе, измученный волнениями, упал в кресло, потеряв сознание.

Два его молодых друга бросились к нему на помощь.

— Бледнолицые слабы, как женщины, — пробормотал индеец, с невыразимым презрением глядя на них. — Они не умеют сдерживать ни радости, ни горя.

Обморочное состояние дон Хосе продолжалось очень долго и стало внушать опасение его друзьям. Но потом благодаря их заботливому уходу он мало-помалу пришел в себя.

— О, этот дон Горацио! — шептал он ежеминутно с выражением нестерпимой боли.

— Поверьте, он получит возмездие! — успокаивали его молодые друзья.

— Простите мне мою слабость! Удар был слишком страшен, а я стар и так страдаю!.. Спасибо вам за ваши заботы, — добавил он, обращаясь к молодым людям. — Сейчас я чувствую себя хорошо. Пора заняться приготовлениями к отъезду.

— Все готово. Мы можем ехать, как только вы дадите

распоряжение, — сказал дон Луис.

— В таком случае — завтра. Я хочу выполнить свой священный долг, а дело не терпит отсрочки.

— Так... Значит, завтра на рассвете мы выступаем.

— А вы, вождь? Что вы намерены делать? — спросил дон Хосе Морено у индейца, стоявшего неподвижно около него.

— Пусть отец мой Седая Голова не беспокоится о вожде, — тихо ответил краснокожий. — Когда мой отец будет нуждаться в Мос-хо-ке, он найдет его около себя. Мос-хо-ке направляется в пустыню — у него тоже есть священный долг, который он обязан выполнить.

— Идите, вождь! Я знаю, что вы человек мужественный, преданный своим друзьям. Я доверяю вам. Поступайте так, как вы найдете нужным. Вы свободны!

— Мой отец хорошо сказал, вождь благодарит его. На четвертое солнце после этого Седая Голова увидит опять Мос-хо-ке. Пусть он будет бодр до этой встречи — вождь принесет ему хорошие вести.

Произнеся эти слова со свойственной индейцам высокопарностью, индеец важно поклонился трем мужчинам и медленно вышел из комнаты.

— Вы действительно доверяете этому человеку? — спросил дон Луис у дон Хосе.

— Вы не знаете краснокожих, мой друг! — ответил старик. — Они либо любят, либо ненавидят. Они так же цельны в своих чувствах, как и природа, среди которой они живут. Когда они бывают преданы, то это от всей души и без всякой задней мысли.

— Дай-то бог... — прошептал дон Луис.

XIII. КОМАНЧИ

Вопреки обыкновению мексиканского начальства, ухитрявшегося тянуть до бесконечности самое простое дело, капитан Фриас, которому к тому же очень хотелось доказать свою преданность делу, действовал с поразительной быстротой. В назначенный день, и даже почти час, в Охо-Люсеро были закончены все необходимые приготовления к намеченной большой экспедиции в прерии.

Отряд, под непосредственным командованием дона Хосе Морено, дона Луиса Морена, дона Энкарнасиона Ортиса и дона Кристобаля Нава, состоял из девяноста человек, отобранных очень обдуманно, то есть из людей смелых, испытанных и отлично знавших все сложности и все особенности жизни в пустыне.

Караван, двинувшийся в путь по направлению к Рио Гранде, представлял собой чрезвычайно живописное и захватывающее зрелище. При взгляде на него вспоминались средневековые дикие орды, вышедшие с Меотийского моря, для того чтобы обрушиться на Запад.

И люди и лошади внешне необычайно изменились. По специальному распоряжению дона Хосе Морено все были одеты в костюмы лесных охотников; на каждом были спускающиеся до лодыжек широкие кожаные штаны, пояс змеиной кожи; на поясе висели длинный нож, топор, рог буйвола, наполненный порохом, и мешок с пулями. Верхнюю часть тела покрывала коленкоровая рубаша; на голове была касторовая шляпа. Кроме того, у всех были сумки из пергамента для продуктов, американский карабин и мачете — нож без ножен и футляра, с прямым и широким лезвием, пропущенный через железное кольцо, припаянное к поясу.

Еще более поражала нарядность верховых лошадей: сбруя, украшенная бусами и перьями, хвосты и гривы, переплетенные лентами самых ярких цветов, большие пятна кричащих цветов, разбросанные там и сям на телах лошадей, — все это имело необыкновенный вид. Рядом с кожаным бурдюком и альфорхой²⁰ висела длинная плетенка — реата — из кожаных ремешков.

И, наконец, в хвосте каравана, под наблюдением нескольких пастухов, находились неоседланные лошади и мулы, впереди которых шла кобыла с колокольчиками на шее. Лошади предназначались для подмены выбившихся из сил, а мулы использовались для перевозки багажа. Всех этих животных было приблизительно около трехсот голов.

Караван покинул Охо-Люсеро вскоре после восхода солнца и в боевом порядке направился в Рио Гранде-Браво-дель-Норте.

Несмотря на ранний час, отъезд сопровождался большой помпой: почти все жители деревни — мужчины, женщины, дети — заполнили узкие улицы деревни и радостными криками провожали смельчаков, желая им удачи и счастливого возвращения.

Ранчерос квадрильи дона Луиса Морена считали долгом как можно дальше проводить своего командира. Они согласились повернуть лошадей и возвратиться в лагерь лишь после того, как начальник заверил их своим честным словом, что не пройдет и месяца, как он вернется и вновь станет во главе отряда.

Храбрецы наконец остановились, в последний раз прокричали «ура», разом выстрелили в воздух из своих карабинов и, отпустив поводья, во весь дух помчались по направлению к деревне; через несколько секунд они исчезли в облаках пыли.

Под вечер на берегу реки отряд сделал привал. Зажгли бивуачные огни, расседлали лошадей и привязали их к колышкам; люди устроились на ночлег.

Вокруг одного из костров сидели четверо мужчин: дон Хосе Морено, дон Энкарнасион Ортис, дон Луис Морен и дон Крестобаль Нава. Поужинав, они закурили сигареты. И тут дон Хосе Морено, за весь день обменявшийся со своими товарищами только несколькими словами, приступил к разговору.

— Кабальерос, — сказал он, — завтра на рассвете мы пересечем реку и войдем в прерии. Это значит, что мы покинем цивилизованные земли и будем в течение, быть может, долгого времени топтать варварскую землю. Поэтому разрешите мне высказать несколько замечаний.

— Мы слушаем вас, — ответили, поклонившись, офицеры.

— Итак, кабальерос, — продолжал дон Хосе, — мы должны ввести в отряде строжайшую дисциплину, заботливо следить, чтобы охрана была сильной, наблюдать внимательно за переменными лошадьми, тщательно изучать — на пространстве нескольких миль в окружности — места, выбираемые нами для стоянок. От вас я не могу скрыть, что экспедиция, на которую мы решились, чрезвычайно трудна. Я бы даже сказал, что она почти невыполнима. Лишь громадное мужество и настойчивость могут помочь нам в этом деле. Я рассчитываю на вашу преданность и самоотверженность.

— Сеньор дон Хосе Морено, — ответил дон Луис от имени своих друзей и от своего имени, — наше содействие вам обеспечено без всяких

ограничений. Вы можете располагать нами по своему желанию.

— Благодарю вас, кабальерос! Я был убежден, что вы мне так ответите. Но я считал своим долгом сказать вам все откровенно. С другой стороны, не нужно предполагать только худшее и видеть будущее более черным, чем оно может быть на самом деле. Я надеюсь, я даже рассчитываю установить хорошие отношения с индейцами. А если это произойдет, мы спасены. Я не боюсь утверждать, что при этом условии успех нашей экспедиции обеспечен. Но именно по этому поводу мне необходимо сделать вам последнее и очень важное сообщение. Когда мы встретимся с индейцами — а это, по всей вероятности, будет скоро, — вы увидите меня в новой роли, которая покажется, без сомнения, странной вам, именно вам — людям цивилизованным, не знающим истории моего рода, вернее, знающим только то, что знают все, следовательно, очень мало. Так вот, что бы ни произошло, что бы я ни делал, что бы я ни говорил, — не выказывайте даже тени удивления! Скоро вы получите объяснение моего поведения, и оно перестанет вам казаться необыкновенным.

— Мы испытываем к вам настолько глубокое уважение, дорогой дон Хосе, — сказал Энкарнасион Ортис, — что никогда не позволим себе контролировать ваши действия или делать хотя бы самые легкие замечания по этому поводу.

— Я очень рассчитываю в нашем деле на преданность человека, которого вы все знаете. Я говорю о Великом Бобре.

— Этот человек — мужественный и умный вождь! — сказал горячо дон Луис. — Я очень уважаю его.

— Я имел возможность в самых различных обстоятельствах подвергать его испытанию, — сказал дон Хосе, — и каждый раз оставался им доволен. Надеюсь, что и на этот раз будет так же.

— Я отвечаю за него головой! — воскликнул Энкарнасион.

— Подождем еще судить о нем. Завтра все станет ясным. Итак, кабальерос, это все, что я хотел вам сказать. Благодарю вас за ваше любезное внимание. Уже поздно... А мы все нуждаемся в отдыхе. Да пошлет вам бог добрые сны!

Подбросив в костер несколько охапок дров, дон Хосе, дон Луис и дон Энкарнасион завернулись в свои плащи и улеглись прямо на земле.

А дон Кристобаль пошел на проверку постов — он хотел своими глазами убедиться в том, что в лагере все обстоит благополучно.

На следующий день, на рассвете, как и было решено, караван, найдя брод, перешел на другой берег и, к большой радости дон Хосе и его спутников, встретил там поджидавших их воинов-команчей.

Оба отряда моментально построились в боевом порядке друг против друга. Некоторое время они стояли неподвижно. Потом раздался военный сигнал, засвистели в длинные рожки, выдолбленные из человеческой берцовой кости, и индейцы, сломав свои ряды, ринулись навстречу мексиканцам. Кружась вокруг них, почти касаясь их, они выполняли с необыкновенной ловкостью такую трудную и опасную вольтижировку, какую только может представить себе пылкая фантазия.

По второму сигналу они вновь быстро построились; один из всадников на великолепной черной лошади, одетый в парадный военный костюм, выехал вперед и остановился между двумя отрядами. В одной руке у него развевалась шкура белого бизона, он размахивал ею в знак мирных переговоров; в другой руке он держал тотем племени; это был шест длиной почти в двадцать футов, украшенный сплошь перьями и стеклянными бусами и заканчивавшийся вымпелом из лосиной кожи. На вымпеле был грубо намалеван гриф, сидящий на кактусе, — герб древних властителей Мексики; он тщательно сохранялся племенем, считавшим себя, не без оснований, происходящим от древних инков.

Индейский воин со шкурой бизона и тотемом в руках был Мос-хо-ке.

Дон Хосе Морено приблизился к нему и, по обычаю индейцев, протянул правую руку со сложенными пальцами в сторону воинов-команчей ладонью вверх.

Индейский вождь казался преображенным; в нем было столько благородства и величия, что мексиканцы с трудом узнали его. Это действительно был вождь воинственного и неукротимого племени.

Оба всадника встретились точно в середине пространства, остававшегося свободным между двумя отрядами. Они остановились одновременно, приветствовали друг друга по индейскому обычаю, положив свою правую руку на левое плечо и склонив голову на грудь.

— Потомок сыновей Солнца — желанный гость для своих детей, — почтительно сказал индеец. — Сердце Грифов Прерий радуется при виде его.

— Я счастлив приемом, оказанным мне моими детьми! — с достоинством ответил дон Хосе. — Если мое тело было далеко от них, сердцем я всегда был с ними, среди доблестного народа.

После первого обмена любезностями, обязательными по индейскому церемониалу, всадники спешили.

— Вот моя лошадь и мое оружие, — сказал Мос-хо-ке. — Пусть мой отец Седая Голова примет их, как свидетельство радости, которую доставило моему племени его появление среди нас.

Самый драгоценный подарок, который может предложить индеец, — это его лошадь и его оружие.

— Я приму эти дары из рук моего сына, — ответил дон Хосе, — при условии, что в обмен он возьмет мою лошадь и мое оружие.

— Вождь должен послушаться своего отца, — поклонившись, сказал индеец и в знак того, что лошадь дона Хосе теперь принадлежит ему, взял в руку поводья; потом, сделав шаг вперед, он опустился на одно колено и протянул старику тотем.

— Только потомок сыновей Солнца теперь имеет право, — сказал он, — держать священный тотем Грифов Прерий! Пусть он соблаговолит принять его из рук своего сына.

Дон Хосе принял тотем и, два раза подряд наклонив его перед солнцем, сказал:

— Мос-хо-ке — умный и мужественный воин, поэтому священный и почитаемый знак должен оставаться в его руках! Он больше всех достоин его защищать.

В первый раз с начала разговора бесстрастное лицо вождя команчей выразило глубокое волнение.

— Мой отец добр. Он велик. Он справедлив. Он действительно потомок Солнца. Пусть он приказывает — его сыновья будут повиноваться, — с уважением склонясь перед стариком, сказал Мос-хо-ке.

И, потрясая переданным ему тотемом, Мос-хо-ке издал воинственный клич индейцев; воины-команчи с энтузиазмом повторили это клич; церемониал встречи был закончен.

— Мой отец выкурит большую священную трубку с моими молодыми воинами? — спросил вождь.

— Лагерь моих сыновей будет моим! — ответил дон Хосе Морено с достоинством. — Я выкурю большую трубку Совета.

— Да будет так, — ответил вождь.

Мос-хо-ке приложил к губам свой военный свисток. Раздались резкие протяжные звуки. По этому сигналу оба отряда соединились и помчались по направлению к горам, склоны которых, поросшие лесом, виднелись на горизонте, приблизительно в четырех — пяти лье от места встречи.

Не прошло и трех четвертей часа, как всадники достигли леса. Они пронеслись через него подобно урагану и остановились в лагере команчей.

Лагерь, большой и хорошо устроенный, был расположен в прекрасном месте, защищенном от внезапного нападения или набега.

Многие писатели и путешественники, описывая индейцев Северной Америки, почти всегда представляют их в виде диких людей — пьяниц,

грязных, ленивых, погруженных в варварское состояние, из которого их невозможно извлечь никакими усилиями.

Этим авторам и путешественникам, по-видимому, попадались на глаза только какие-то выродки индейских племен, несчастные, спившиеся люди, ведущие нищенскую, паразитическую жизнь в окрестностях некоторых городов.

Но племена сиу, команчи, апачи, пауни и многие другие, которые мы могли бы перечислить, представляют собой могущественные племена, живущие на пространствах Западных прерий. Они никоим образом не походят на те жалкие существа, которых описывают путешественники. У них действительно другая цивилизация, не похожая на нашу, но тем не менее она существует.

Обычно они отличаются мягким нравом, развитым умом, а главное — пылкой любовью к свободе и независимости. Многие среди них, в особенности среди племени команчей и пауни, не притрагиваются к спиртным напиткам. Одиннадцать лет, проведенных мною среди команчей, заставляют меня воздать им должную справедливость...

Войдя в лагерь, охотники расположились там на отведенных им местах. В центре лагеря были возведены два шалаша, сплетенные из ветвей, — специально для дона Хосе Морено и его друзей.

Мос-хо-ке послал глашатая просить мексиканских офицеров прийти к Костру Совета. Начальники команчей уже ожидали их там.

Дон Хосе и его три друга поспешили откликнуться на это приглашение.

Вожди-команчи встали при появлении офицеров, в знак уважения к своим гостям. Тут же была зажжена большая трубка, и ее стали передавать один другому. Все участники Совета брали ее и курили в абсолютном молчании.

Последняя частица табаку испарилась вместе с дымом, и тогда Мос-хо-ке прервал молчание.

— Пусть Великий Дух, существующий равно для краснокожих и для бледнолицых, — сказал он, — обратит на нас свой добрый взор. Бог Ваконда читает в наших сердцах. Он знает, что мы собрались вместе для того, чтобы защитить справедливость и наказать зло. Мы сразу же отозвались на первый зов нашего отца — Седой Головы, и мы готовы ему служить. Пусть он, самый мудрый вождь среди нас, теперь скажет нам, что мы должны делать.

Вождь уселся на свое место среди общего молчания. Все взгляды, в которых любопытство смешалось с большим вниманием, обратились на

дона Хосе Морено.

Несколько мгновений старик оставался в задумчивости; потом, подняв голову, он стал говорить очень твердо, подчеркивая каждое слово.

— Вожди команчей! — сказал он на индейском языке, который знал в совершенстве. — Мои горячо любимые дети! Ведь в наших жилах течет одна кровь. Я не хочу напоминать вам о тех услугах, которые моя семья и я сам оказывали несчастным членам вашего племени, так как каждый раз, когда мы шли на помощь вашим братьям, мы лишь выполняла священный долг, долг по влечению сердца! Я пришел к Костру Совета как друг и как проситель, но также и как отец, который заранее уверен в том, что может рассчитывать на безграничную преданность своих детей.

Вожди молча поклонились, хлопнув в ладоши в знак их удовлетворения.

Дон Хосе Морено продолжал:

— Я должен вам объяснить, почему я взываю в настоящий момент к вашей преданности. Выслушайте же меня терпеливо. Несмотря на то что по прямой линии я являюсь потомком древних властителей Мексики, кровь нашего народа несколько раз смешивалась с кровью наших притеснителей. Это делалось с целью сохранить громадные богатства нашего народа, а также то значение, которым он пользовался среди коренных обитателей нашей страны. После завоевания Мексики Фернандом Кортесом, этим авантюристом-изменником, разрушившим могущественную и прославленную мексиканскую народность, большая часть сокровищ, принадлежавших властителям-инкам, исчезла. Исчезла так бесследно, что испанцы, несмотря на все розыски, не могли обнаружить эти сокровища. Никакие мучения, никакие самые жестокие пытки не помогли вырвать эту тайну у благородных мексиканцев. Устав от бесплодных усилий, испанцы должны были признать себя побежденными и отказаться от поисков золота, решив, что оно действительно погибло безвозвратно.

— Это правда, — сказал Мос-хо-ке, — то же говорят и наши предания.

— Мой предок Истак-Паласин, родственник короля Тескоко и племянник императора Гуайтимосина, последнего властителя Мексики, был единственным вельможей, оставшимся верным до конца этому несчастному монарху. Вы знаете, что испанцы пытали Гуайтимосина, положив его на раскаленные угли, а вслед за тем почти месяц волокли его, как пленника, за испанской армией, пока, наконец, несчастный не был повешен на дереве.

— О да, — глухо прошептали индейцы, — вожди знают про эту страшную смерть.

— Однако за два дня до смерти, — продолжал дон Хосе Морено, — Гуайтимосин, воспользовавшись моментом, когда ушла охрана, успел сообщить моему предку, давшему ему несокрушимую клятву молчания, точное место, где он спрятал сокровища империи. «Вы одной со мной крови, — сказал он. — Стерегите эти сокровища так, как нежная мать стережет свое дитя. Великий Дух озарил мой ум, и я сквозь эти облака вижу будущее. Придет день, когда дети нашей родины завоюют независимость. Борьба будет долгая и ожесточенная. Сокровище, которое я вам доверяю, поможет мексиканцам одержать победу. Сохраняйте его с величайшей заботливостью! Когда час придет, используйте золото для того, чтобы купить преданность человека, которому вы будете обязаны своим освобождением. Этот человек будет принадлежать к хищной испанской нации. Он продаст себя без всякого зазрения совести, если цена, которую вы ему предложите, удовлетворит его жадность и тщеславие». Два дня спустя последний владыка империи инков умер, вернее — его безжалостно убили. Тайна сокровища, доверенная моему предку, была священно сохранена нашей семьей. Но предсказанное время настало. Час свободы пробил. Человек, которого мы должны купить, готов продать себя. Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой помочь мне отвоевать сокровища властителей инков.

— Пусть мой отец приказывает, мы будем повиноваться, — сказал Мос-хо-ке.

— Простите, сеньор, — сказал дон Луис Морен, которому дон Энкарнасион переводил слово за словом речь старика, — не рано ли вы хотите вынести на свет эти богатства? У многих людей может проснуться жадность. Вы так уверены в нашей победе?

— Увы, — с печальной улыбкой сказал старик. — Меня вынуждают к этому обстоятельства. Ведь вы знаете, что в последнее время мою семью преследуют несчастья.

— Простите меня, сеньор дон Хосе, что я растравил ваши раны.

— Я должен вам объяснить, полковник, причину моего решения. Знайте, что убийство моего сына и похищение Линды являются той главной причиной, которая меня заставляет, не теряя ни одной минуты, увериться в существовании сокровища; иначе другой опередит меня и завладеет им.

— Что вы хотите этим сказать, сеньор?

— А вот что: когда-то из чувства милосердия я приютил и воспитал в своей асиенде Вега одинокого ребенка, сына одного испанца, убитого при столкновении с пастухом; этот мальчик — Горацио де Бальбоа...

— Испанский офицер, капитан! — вскричал потрясенный дон Луис.

— Именно он, — ответил дон Хосе. — Этот мальчик мне обязан всем, я доверял ему вполне; сначала он был у меня в асиенде тигреро, потом управителем. Одаренный несомненным умом, честолюбивый, но недобросовестный, он каким-то образом узнал о существовании сокровища; к счастью, ему неизвестна тайна захоронения клада. В нем вспыхнула жадность, и он окружил нашу семью шпионской сетью. Ему удалось узнать, что богатства нашей семьи находятся где-то на золотых приисках в саванне, под названием лагуны дель Лагарто. Он знает эту лагуну, так как мы были с ним там раз или два. В конце концов он сбросил маску и дошел в своей дерзости до того, что стал угрожать мне, требуя, чтобы я открыл тайну. Вместо того чтобы сурово наказать, я малодушно простил его и удовольствовался тем, что велел ему уехать. Он перешел к испанцам. Вы знаете уже, с какой жестокостью он теперь преследует меня! Набег на Пасо-дель-Норте, похищение моей дочери — все это входит в план его мести. Теперь, когда несчастная девушка в его руках, он надеется запугать ее и заставить открыть ему тайну сокровища...

— Боже, это не человек, это чудовище! — вскричал полковник.

— Да, это чудовище! Но я верю — бог не допустит, чтобы свершилось такое преступление.

— Белая девушка с голубыми глазами предупреждена.

Ожерелье ее отца уже передано ей. Воины Мос-хо-ке стерегут ее, — сказал индеец.

— Благодарю вас, вождь, вы возвращаете мне мужество.

— Если отец мой желает, то через три дня он может уже быть на золотом прииске. Что сделает отец мой Седая Голова: нападет ли на изменника Йорри или направится раньше к лагуне?

— Сейчас я не могу дать ответа. Это решат обстоятельства, вождь.

— Мой отец сказал хорошо, он очень мудр. Когда он отправится в путь?

— На восходе солнца, если это возможно. Испанец ушел далеко вперед?

— Если мы захотим, мы его быстро догоним.

— Тогда поспешим, вождь, дорога каждая минута!

— Хорошо! Мос-хо-ке поведет своего отца дорогой орлов!

Совет был закончен, и мексиканцы вернулись в свои шалаши. Туда по приказанию Мос-хо-ке были доставлены в изобилии еда и прохладительные напитки.

XIV. ПЛЕННИЦА

Дон Хосе Морено, бывший хозяин и покровитель дона Горацио де Бальбоа, очень верно охарактеризовал своего приемьша. Взятый, по доброте дона Хосе, на воспитание, имевший в лице дона Хосе постоянного покровителя и защитника, поставленный им в положение почетное, исключавшее всякий намек на положение слуги, — Горацио ответил на все эти благодеяния черной неблагодарностью.

Нельзя сказать, что этот человек был злее, чем кто-либо другой в подобных обстоятельствах; наоборот, он вел себя, может быть, даже лучше других; нередко он доказывал свое усердие и даже преданность приютившей его семье. Но у него наряду с этими хорошими качествами, скрытыми подобно жемчужинам в непостижимых глубинах его сердца, были и три порока, из которых самого меньшего было бы достаточно, чтобы погубить обладателя его, как бы умен и закален тот ни был.

Горацио де Бальбоа был тщеславен, жаден и завистлив.

Дон Хосе Морено сделал большую ошибку, поставив его выше, чем Горацио мог рассчитывать, и открыв перед ним горизонт, совершенно ослепивший и сбивший его с толку.

В душе Горацио родилась зависть, безумное стремление достигнуть невозможного. Вместо того чтобы смотреть на стоящих ниже его и чувствовать себя счастливым, сравнивая свое неожиданное возвышение с их положением, он мучился вопросом, почему он не стоит наравне с теми, кого только случайность, по его мнению, вознесла так высоко. Разве, по существу, он не был таким же, как и они? Много таких размышлений, неверных и сумасбродных, приходило ему в голову.

Восстание в Мексике укрепило его надежды завоевать себе то место в жизни, которого он добивался. Но, вместо того чтобы стать на сторону слабых и угнетенных, как не преминул бы сделать человек с благородной душой, Горацио присоединился к угнетателям; у них он надеялся найти нужную поддержку, чтобы силой взобраться на те скользкие ступени, которые привели бы его к исполнению мечты.

Почти независимое положение в асиенде давало ему возможность встречаться и стовариваться со всевозможными авантюристами с целью объединить их. Вскоре он исчез из асиенды и стал во главе разбойничьей шайки. Собственной властью он дал себе чин капитана, поднял испанское знамя и начал воевать, то есть воровать, грабить и уничтожать друзей и

врагов под предлогом преданности испанским интересам.

Правда, испанцы не больше, чем мексиканцы, были склонны отвечать за поступки подобного союзника, деятельность которого скорее уменьшала их популярность, чем привлекала к ним сторонников. Разгадав его сомнительный патриотизм, разрушавший их влияние в стране, они пытались несколько раз уничтожить его отряд и отделаться от него самого.

Но эти попытки ни в какой мере не затрагивали дона Горацио де Бальбоа; его великолепно организованный отряд, состоявший из пятисот отъявленных бандитов, мог бы свободно противостоять и более значительным силам, чем те, которые посылались против него.

Дон Горацио стремился избежать конфликта, могущего скомпрометировать его репутацию сторонника испанцев; поэтому, как только он узнавал, что испанский отряд, посланный против него, должен был его настигнуть, он тотчас же отступал; и поскольку он прекрасно знал страну, ему это легко удавалось.

Однако капитан не скрывал от себя, что его положение чрезвычайно ненадежно, что любая случайность может свергнуть его с пьедестала, на котором он очутился благодаря политической обстановке.

Он считал, что единственное средство упрочить свое положение и навсегда укрыться от капризов неблагоприятной судьбы — это приобрести богатство, достаточное, чтобы купить доброе отношение даже самых злейших своих врагов.

И вот это богатство, о котором он так давно мечтал, сверкало перед его глазами, как обманчивый мираж; надежда овладеть им заставляла его трепетать и сделалась единственной целью жизни.

Это богатство существовало — громадное, неисчислимое, погребенное в тайнике, неизвестном никому, кроме семьи его покровителя. Однажды дон Хосе Морено в присутствии Горацио допустил ужасную неосторожность, разговорившись со своей дочерью об этих поразительных залежах золота.

Дон Горацио де Бальбоа, бывший тогда управителем в асиенде Вега, чуть не потерял сознание, услышав о таком кладе, которым его хозяева, как казалось, пренебрегали; он тут же дал себе клятву, что любой ценой эта груда золота будет принадлежать ему.

Еще два или три раза отец и дочь обсуждали при нем этот вопрос; но, хотя у них не было никаких сомнений в преданности дона Горацио де Бальбоа, обыкновенная осторожность заставляла их говорить таким образом, что сведения, извлекаемые им из этих разговоров, были ничтожно малы.

Однако и этих неясных намеков было достаточно для Горацио; да, кроме того, события заставляли его торопиться: положение становилось серьезным. Молодой человек не мог больше колебаться, его решение было принято и именно так, как мы уже говорили: однажды он покинул асиенду.

Прошло довольно много времени, пока до его покровителей дошел слух о нем. Дон Хосе Морено был слишком честен, чтобы подозревать в предательстве человека, которого он в течение долгого времени осыпал благодеяниями. Он предположил, что испанское происхождение увлекло Горацио на эту роковую дорогу, и он искренне жалел его.

На самом же деле дон Горацио с неустанной энергией шел к намеченной цели, не брезгуя для этого никакими средствами и действиями. Но все его попытки обнаружить сокровище потерпели крушение именно из-за отсутствия сведений о точном местонахождении клада. А то, что этот клад действительно существовал, не представляло для него никаких сомнений: он слишком хорошо знал дону Хосе Морено.

И вот, испробовав все средства, выбитый со всех позиций, он решил похитить донью Линду.

Эта мысль много раз приходила ему в голову, и всегда он ее с ужасом отгонял. Несмотря на свое моральное падение, он невольно испытывал глубокое уважение к этой прекрасной и невинной девушке, от которой он навеки был отделен непроходимой пропастью. Одна только мысль похитить Линду у ее отца заставляла его содрогаться. Однако наступил тот страшный час, когда жадность впиалась ему в сердце так тяжело, что убила в нем все хорошие чувства. Золотой мираж, вечно сверкавший перед его глазами и манивший своими кровавыми отблесками, довел его до такого помрачения ума, что — побежденный в этой последней битве, как и во всех предыдущих, — он заставил свою совесть замолчать.

Тогда-то Горацио и его квалдрилья, как стая хищников ринулись на Пасо-дель-Норте.

Но и на этот раз он снова проиграл: энергичное вмешательство Энкарнасиона Ортиса и дону Рамона Очоа вынудило его бежать. В бою он потерял храбрейших из своих солдат.

Новая неудача, вместо того чтобы заставить задуматься и отказаться от своего ужасного замысла, наоборот, вызвала в нем яростное желание возмездия; он решил отомстить своим врагам, выказавшим необычайное благородство и давшим ему возможность бежать и спастись просто чудом.

Первой его заботой было собрать и пополнить почти уничтоженный, разбитый в Пасо-дель-Норте отряд.

Потом с чисто кошачьим терпением, присущим некоторым злодеям,

которые набили себе руки в осуществлении темных дел, Горацио стал ожидать случая, который помог бы ему привести свой план в исполнение.

И случай представился — тем легче, что в данное время те, кого он хотел захватить врасплох, считали его бессильным, и у них не было даже мысли, что они могут попасть в ловушку.

Когда в результате ужасной схватки, стоившей жизни брату Линды, она попала в руки Горацио де Бальбоа, в душе его произошел непонятный для него самого переворот.

Глядя на свою жертву, заплаканную, дрожащую от страха перед ним, капитан испытал не то чтобы нежность, — нет: что значило для него трогательное отчаяние несчастного ребенка! — он почувствовал, что его взволновала сверкающая красота Линды. Безотчетное, тайное волнение овладело им. Было ли это только радостью от сознания, что он наконец получил власть над Линдой — ведь она знала место скрытого сокровища, о котором он так жадно и так долго мечтал, — или это было чувство гораздо более нежное, о возможности которого до сих пор он не подозревал и которое заставило его сердце биться так сильно?.. Горацио не мог бы ответить на это.

Когда во время схватки его отряда с квадрильей дона Луиса Морена ему показалось, что молодая девушка может ускользнуть от него, им овладело бурное отчаяние при одной только мысли потерять донью Линду. На какое-то мгновение его оставила даже мысль о сокровищах, составлявших цель его жизни. С полнейшим хладнокровием он решил умереть, но не выпустить из рук своей пленницы. Он не остановился ни перед чем, чтобы ее защитить, и рисковал своей жизнью с полнейшей самоотверженностью. И когда ему удалось отвоевать паланкин, в котором находилась донья Линда, он ощутил невыразимое счастье, убедившись, что ее не смогли вырвать из его рук и она осталась в его власти.

Что было в его сердце? Любовь? Жадность? Никто не мог бы объяснить.

Надо отдать справедливость дону Горацио — он относился к своей пленнице с глубоким уважением и величайшей заботливостью. Для него было законом удовлетворять ее малейшие прихоти и исполнять любые приказания. Он никогда не возмущался тем, что молодая девушка обращается с ним высокомерно и, не скрывая, высказывает ему свое презрение.

На следующий день после появления в испанском лагере индейского вождя, на рассвете, отряд поднялся и отправился в путь.

Вопреки обыкновению, дон Горацио в продолжение всего утра

подчеркнуто не приближался к паланкину, в котором находилась задумчивая и равнодушная донья Линда, а ехал далеко впереди своих всадников.

Мы говорим, что донья Линда была равнодушна и рассеянна. На самом же деле ее наполняла смутная надежда тут же, сейчас встретить помощь, о которой говорилось в письме, полученном ею накануне таким необычным образом.

Но ничего не происходило. Наоборот, прерия становилась все более и более пустынной. По мере того как караван подвигался вперед, пейзаж становился все более диким, мрачным и безнадежным.

Песок заменил собою зелень. Голые, чернеющие на фоне неба утесы вырезывались тут и там своими темными силуэтами. Деревья встречались все реже и реже. Лишь несколько чахлах кустов хлопчатника окаймляли берега Рио Хила, по которым в это время проходил отряд. Сильный поток нес в своих илистых желтоватых водах вырванные с корнем деревья, замедлявшие порой течение реки.

Да, это была настоящая пустыня в своем угрюмом и гнетущем величии.

В десять часов утра по приказу начальника отряд остановился у рощи драгоценного дерева, которому краснокожие дали выразительное название: «Хозяин Вод».

Широкие ветви создавали убежище, защищавшее от солнечных лучей, таких палящих, что они стали мучительными для людей и животных.

В несколько минут был разбит лагерь, и донья Линда ушла в приготовленную для нее палатку.

Едва она закончила скудный завтрак, приготовленный ее служанками, как занавеска палатки поднялась и вошел дон Горацио.

Несколько мгновений капитан оставался неподвижным, сняв шляпу и склонившись перед доньей Линдой.

По всей вероятности, он ожидал, что молодая девушка заговорит с ним.

Но донья Линда, не изменяя принятой ею линии поведения, сделала вид, что не заметила присутствия своего похитителя, и продолжала тихо разговаривать со своими служанками, сидевшими на корточках у ее ног.

Капитану пришлось сдерживать досаду; он сделал несколько шагов вперед, чтобы обратить на себя внимание молодой девушки.

— Простите, сеньорита... — Он старался, чтобы голос его звучал спокойно. — Я уже несколько минут стою перед вами и жду, что вы удостоите заметить мое присутствие.

— А! — Линда со скучающим видом обернулась к нему и сказала, подавляя зевок: — Это опять вы, сеньор?

— Да, сеньорита, это опять я, — подчеркивая слова, ответил капитан.

Донья Линда пожала чуть-чуть плечами, отвернулась от него и стала опять разговаривать со служанками. Прошли две или три минуты.

— Простите, что я настаиваю, сеньорита, — сказал капитан, — но...

— Как, — презрительно перебила она его, — вы все еще здесь, сеньор?

Лицо капитана сделалось свинцово-серым от этого оскорбления. Он нахмурился, выпрямился и, скрестив руки на груди, сказал хрипло:

— Берегитесь, сеньорита!

— Чего мне беречься? — сказала она, пристально глядя на него.

Капитан отступил на два шага; теперь его лицо залила краска.

— Сеньорита... — смущенно пробормотал он, склонив голову.

— А! Вы осмеливаетесь мне угрожать, Горацио де Бальбоа, жалкий приемщик, слуга моего отца! Клянусь святой Марией, это слишком смело! Неужели рабы теперь сделались хозяевами? Вы говорите, чтобы я остерегалась? Да, я вас понимаю. Вам ничего не стоит добавить еще одно преступление к тем, которые вы совершили! Вы хотите, конечно, убить меня, как вы убили моего брата, не так ли? Ну что ж, убейте! Ведь я слабая, беззащитная девушка — и только! Делайте и эту последнюю низость!

— Сеньорита! Эти оскорбления...

— ...заслужены вами! Ах, молчите, сеньор! — воскликнула она с еще большей силой. — Мы должны объясниться раз навсегда! Вы думаете, что, захватив меня в ужасную западню, вы сможете распорядиться моей судьбой по своему усмотрению? Вы сошли с ума, сеньор! Неужели вы думаете, что моя семья, мои родные покинули меня? Они идут за вами следом, они преследуют вас!.. Быть может, в этот момент, когда я говорю, всего несколько лье отделяют их от меня! Это вы... вы должны дрожать, потому что возмездие близко, и оно будет ужасно!

— Возможно, сеньорита, — ответил он с искаженным от гнева лицом, — но прежде чем эти родные, эти друзья, которых вы ждете, дойдут до вас...

— Вы ничего не сделаете, сеньор, потому что ваша алчность сильнее вашей низости и жестокости! Да и что мне смерть, которой вы мне грозите? Я не боюсь смерти! И даже если предположить, — хотя этого не может быть, потому что бог не оставит меня в моей беде, — но повторяю, если предположить, что моим друзьям не удастся спасти меня, я вырвусь от вас! Я сама предаю себя смерти, которой вы напрасно пытаетесь меня пугать!

Наоборот, она для меня последняя и лучшая надежда...

— О! — с иронией ответил он. — Я постараюсь помешать вам умереть.

— Попробуйте, сеньор! Я понимаю, что — по крайней мере, сейчас — вы хотите сохранить мою жизнь, потому что вы надеетесь узнать от меня — угрозами или другим способом — тайну этого сокровища! О, вы на него покушаетесь давно! Я говорю вам прямо: я владею этой тайной, но вы никогда ее не узнаете!

— Возможно, что от вас, сеньорита, я не узнаю, — горько улыбаясь, ответил он, — но есть один человек, который обещал мне если не открыть тайну, то, во всяком случае, проводить к лагуне дель Лагарто.

— А-а! — слегка бледнея, ответила она. — А что вы будете делать, когда достигнете лагуны?

— Я буду искать запрятанное сокровище.

— Но вы не найдете его, сеньор! А впрочем, попробуйте, мне это безразлично.

— Я доверяю этому человеку, сеньорита. Я знаю, что он выполнит данное мне обещание.

— Тем лучше для вас, сеньор. Но если это так, зачем же вы утомляете меня своим присутствием и продолжаете этот затянувшийся и бессмысленный разговор?

— А вы не хотите знать, сеньорита, кто этот человек? — саркастически возразил он.

— Повторяю вам, сеньор, меня это не интересует. Этот человек безусловно предатель или подлец. Не сомневаюсь, что вам легко было сговориться с ним.

— Этот человек — индейский вождь, известный столько же своей храбростью, сколько и своей мудростью. Он согласился быть моим проводником, потому что я обещал ему великолепную награду.

— Я не знаю никакого индейского вождя, сеньор.

— Если я скажу вам имя этого...

— Предпочитаю не знать.

— Его зовут Мос-хо-ке, — сказал он, устремив пронизательный взгляд на молодую девушку.

Невероятным напряжением воли донье Линде удалось скрыть волнение, вызванное этим неожиданным разоблачением.

— А! Мос-хо-ке... — сказала она, героически сохраняя внешнее безразличие. — Мне кажется, я слышала уже это имя.

— Да-да, сеньорита, и даже очень часто.

— Возможно! Что же дальше? — холодно спросила она.

— А знаете ли вы, какую награду я обещал ему?

— Великолепную награду, — иронически повторила Линда слова капитана.

— Да, сеньорита, согласитесь сами... Я поклялся ему отдать вас...

— Вы?..

— Я!

Молодая девушка приблизилась к капитану и, надменным жестом руки указав ему на дверь, сказала глухо:

— Уходите!

— Я уйду, но помните, что у вас осталось только одно средство избежать ужасной судьбы, которая вам угрожает, сеньорита! Откройте мне тайну, которую вы упрямо...

— Уходите! — властно повторила она. Невольно подчиняясь тону молодой девушки, капитан

отступил и ушел из палатки, не прибавив больше ни слова. Донья Линда, наклонившись, жадно прислушивалась к шуму удалявшихся шагов капитана; когда наступила полная тишина, она опустилась на колени, сложила руки, подняв к небу полные слез глаза.

— Да будет благословен бог, — горячо воскликнула она, — пути его неисповедимы! Этот человек думал причинить мне смертельное горе, а на самом деле принес мне счастливую весть! Я скоро освобожусь! Я могу надеяться на это! О, теперь я буду сильна и мужественна! Я готова перенести любые страдания...

И, полная неизъяснимой веры, молодая девушка улыбнулась сквозь слезы.

XV. ПЕРЕХОД В ПРЕРИИ

У европейских туристов и путешественников прочно установился обычай покидать ежегодно месяца на три, на четыре свой дом для того, чтобы разъезжать по свету. Цель — забыть деловую суету и хотя бы временно подышать свежим воздухом, предметом столь редким в прекрасных, но очень экономно построенных городах нашей старой, отсталой Европы.

Туристы берут с собой в дорогу несколько тысяч франков, запасаются целой кучей рекомендательных писем ко всем выдающимся людям страны, которую они собираются посетить, покупают себе дорожные сумки для платья, пледы, для того чтобы держать ноги в тепле, и наконец усаживаются в скорый поезд любого направления. И вот, расположившись уютно в уголке купе, они уже мчатся на всех парах, разговаривая, дремля или читая, но, так или иначе, поглощая пространство с бешеной скоростью.

Они пересекают долины, потоки, реки, горы, города и селения, не видя их и даже не думая о них. Они останавливаются только в тех городах, слава которых прочно установлена с давних пор. Там они живут в лучших отелях и прогуливаются по улицам с сигарой в руке, без всякого стеснения зевая на глазах у туземных жителей. После более или менее длительного времени, истраченного для такого интересного путешествия за границей, они возвращаются, обыкновенно очень утомленные, в лоно своей семьи. И долгие, долгие годы живут воспоминаниями, рассказывая близким свои впечатления о поездке. При этом привирают с легкостью, делающей большую честь их изобретательности.

Так в девяносто девяти случаях из ста происходит дело в Европе.

Каждый слушатель превосходно знает, как нужно относиться к разукрашенным приключениями рассказам этих так называемых путешественников. Но поскольку все в таких случаях мастера прихвастнуть, вымыслы проходят благополучно, не встречая недоверия.

Кто решится бросить в рассказчика первый камень!

В Америке дело обстоит не так. Там путешествие — даже если говорить о путешествии для туземных жителей, людей суровых и сильных, — всегда составляет вопрос очень важный и требующий большого обсуждения. Речь идет, разумеется, о путешествиях в глубь страны, то есть, на еще не обследованные земли и на земли у индейской границы.

Здесь нет, как в Европе, железных дорог, пароходов, даже простого экипажа для удобства туристов.

Нужно ехать верхом, чаще всего в одиночестве, на свой страх и риск; пересекать местности, где нет дорог и даже тропинок; с наступлением вечера останавливаться в первом попавшемся месте, спать на земле; подвергать себя холоду, ветру, дождю, граду или снегу и оставаться чаще всего без ужина; бодрствовать, хотя вы околели и ноги у вас отнялись от неудобного положения, в страхе быть захваченным врасплох либо дикими зверями, либо независимыми индейцами, либо вообще бандитами всех рас и всех цветов кожи, опустошающими своими разбойничьими набегами эти благословенные земли, — бандитами, в тысячу раз более жестокими, чем все дикие животные и индейцы, вместе взятые.

Вам посчастливится, если вы не утонете в потоке, если вас не поглотит лавина снега, если вас не застанет в пути ураган или, что хуже всего, если вы не заблудитесь в девственном лесу!

Продельвать такой путь, далеко не устанный розами, — как можно судить по нашему короткому описанию, — часто приходится в продолжение нескольких месяцев.

Как не похожи эти странствия на путешествия наших доблестных туристов!

Нам приходилось видеть людей необычайной силы, отваги и беспечности, людей, испытанных в опасности, — и тем не менее поседевших после трехмесячного путешествия в глубь пустыни.

Что бы ни говорили некоторые романисты, нелегкое дело — сражаться в одиночку, бороться один на один с почти непреодолимыми препятствиями дикой природы, как будто прячущей свои тайны и запрещающей дерзким авантюристам проникать на ее девственную почву. Поэтому в необъятных прериях и в высоких саваннах даже самый неопытный взор может легко заметить путь, проходимый караванами. Это — длинная белая линия зловещего вида, образовавшаяся из неосязаемой на ощупь пыли миллионов развеянных скелетов людей и животных. Эта линия, подобная змее в высоких травах саванны, так глубоко врезана в землю, что ничто не может ее стереть.

Вот именно по такой дороге с необычайными трудностями продвигался вперед отряд дерзкого капитана Горацио де Бальбоа через день после его разговора с доньей Линдой, описанного нами выше.

Исчезли деревья и травы, уступив место черноватому песку, простиравшемуся далеко во всех направлениях — пока видит глаз.

Небо цвета раскаленного железа, без единого облачка, излучало

удушающий жар на истомленную землю. В воздухе не было ни малейшего движения ветерка. Свинцовая тишина висела над пустыней. Лошади, казавшиеся призраками, бесшумно скользили по устланной трупами земле, поднимаясь на дыбы и храпя от ужаса.

Напоенная горькими, отвратительными запахами, тончайшая пыль проникала всадникам в глаза, ноздри и горло, вызывая жгучую боль, подобную боли от ожога.

Только накануне на рассвете отряд вошел в пустыню, и уже сегодня, через несколько часов, все изнемогали от ужасных страданий.

Несколько лошадей пали от усталости. Брошенные своими хозяевами, еще трепещущие, они стали добычей целой стаи гнусных хищных птиц — урубубу²¹, которые с резким клекотом кружили над ними и затем бросались на их трупы.

Трое или четверо солдат, шатавшиеся в своих седлах, смотрели вокруг мутными, невидящими глазами; это были первые симптомы сильнейшего прилива крови к голове от палящих лучей солнца — симптомы, указывающие на верную смерть к концу дня, если только не произойдет чуда.

Мрачные, безмолвные, с опущенными головами и дикими взорами, всадники машинально ехали вперед, не очень ясно отдавая себе отчет в окружающем.

Один только Горацио де Бальбоа с гордо поднятой головой, прямо, уверенно державшийся в седле, казалось, вызывал на бой неукротимую пустыню. Он, как разведчик, ехал на сто шагов впереди всего отряда, а вслед за ним ехали воины-команчи, которых Мос-хо-ке прислал ему в качестве проводников.

Команчи, бесстрастные и холодные, нечувствительные к раскаленным солнечным лучам, смертельно опасным для сопровождаемых ими белых, внимательно следили за приближающимся отрядом индейских всадников, маневрировавших примерно на расстоянии одного лье от отряда Бальбоа.

— Что это значит? — гневно вскричал дон Горацио. — Эти черти собираются атаковать нас?

— Весьма вероятно, — лаконично ответил всадник, ехавший рядом с капитаном.

— Антилопа — умный воин, — вкрадчиво сказал дон Горацио. — Он, наверно, знает этих всадников?

— Почему Антилопа должен их знать? — холодно ответил индеец. — Прерии принадлежат всем краснокожим, кто бы они ни были — команчи, сиу, апачи или пауни.

— Но это воины-команчи?

— Бледнолицый ошибается. Пусть он посмотрит на их щиты, бичи и опахала. Это — апачи Колорадо.

— Но если это правда, начальник, то ведь они наши непримиримые враги?

— В прериях все люди — враги, — саркастически заметил индеец. — Впрочем, чего же боится мой бледнолицый брат? Апачей не более ста человек, а у моего брата в отряде людей в четыре раза больше.

— Это так, — раздраженно пробормотал Горацио, — но они изнурены палящей жарой, падают от усталости и не способны воевать.

Антилопа услышал или, вернее, догадался об ответе Горацио; насмешливая улыбка тронула его губы, но он хранил молчание.

— Что делать? — повторил дон Горацио озадаченно. Апачи тем временем продолжали свое наступление на фланги каравана, потрясая оружием и испуская крики, заставлявшие дрожать от страха испанцев. Испанцы понимали, что схватка с этими страшными врагами становится неизбежной. Тем более, что апачи, производя свои воинственные маневры, все ближе подъезжали к белым и вскоре должны были приблизиться на расстояние ружейного выстрела.

Угроза надвигавшейся опасности заставила солдат выйти из состояния угрюмой апатии, в которую они были погружены. Они гордо выпрямились в седлах, взяли за свое оружие и с живостью и энергией, на которую капитан никак не мог рассчитывать, приготовились храбро выполнить свой воинский долг и дорого продать свою жизнь.

Еще несколько минут — и схватка должна была начаться.

Уже множество длинных коричневых стрел, брошенных апачами, упало почти под ноги лошадей испанцев. Дон Горацио не выдержал.

— Клянусь богом, — закричал он, — эти проклятые язычники думают преградить нам дорогу! Чего ждать? Вперед, друзья!

Антилопа хладнокровно остановил капитана, положив ему руку на плечо.

— Что вы хотите, вождь? — спросил дон Горацио.

— Что думает делать бледнолицый? — спросил, в свою очередь, индеец.

— Атаковать этих мерзавцев, черт побери! — гневно вскричал Горацио.

Индеец отрицательно покачал головой.

— Мой брат не сделает этого, — сказал он.

— Я сделаю это, видит бог!

— Апачи не будут атаковать белых. Пусть мой брат перестанет обращать на них внимание!

— Вы же видите, что они несутся на нас!

— Я это вижу, но повторяю моему брату: они не будут атаковать.

Капитан хотел его перебить, но индеец сделал такой величественный жест, приказывая ему молчать, что Горацио, помимо своей воли, смолк.

Тогда индеец сказал значительно:

— Антилопа — известный в своем племени вождь, у него не раздвоенный язык, и слова, выходящие из его груди, всегда правдивы. Пусть бледнолицый слушает: то, что он должен слышать, чрезвычайно важно для него.

— Говорите, но коротко, прошу вас, вождь! — сказал дон Горацио.

— Мой брат поверит словам Антилопы?

— Да, я знаю, вы — честный человек. Говорите же откровенно и прямо!

— Хорошо. Громадная опасность угрожает сейчас бледнолицым. Против нее нет средств спасения, так как она исходит от Ваконды. Время торопиться! Не пройдет и часа... быть может, меньше, и эта страшная и неизбежная опасность обрушится на прерии. Пусть бледнолицые обретут быстрые ноги ягуаров и бегут, не оглядываясь. Антилопа их проводит до места, где они будут в безопасности, если, конечно, Ваконда позволит достигнуть этого убежища.

— Что это за опасность, вождь?

— Антилопа сказал. Желает бледнолицый умереть вместе со своими воинами?

— Нет! Конечно, нет, если этого можно избежать!

— Пусть, в таком случае, мой брат поторопится. Он и так потерял уже много времени.

Вождь команчей произнес эти слова с такой силой убеждения, с такой печалью, что капитан невольно взволновался, хотя и не понимал еще всей силы опасности, на которую намекал индеец. Его сердце сжалось от предчувствия, и, не колеблясь больше, он мгновенно решил последовать совету человека, для которого пустыня не была тайной.

В то же мгновение, в подтверждение предсказаний Антилопы, как бы для придания большего веса его словам, апачи, бывшие уже совсем близко от квадрильи, быстро повернули назад, издав ужасающий вопль, на этот раз бывший уже не воинственным кличем, а скорее рычанием, выразившим страх, и унеслись прочь во весь опор.

Испанские солдаты были потрясены: они не могли понять, что

обозначает это паническое бегство.

— Мой брат убедился? — сказал холодно индеец.

— Да, — ответил пораженный дон Горацио. — Едем, вождь.

Он подскакал к паланкину, который конвоировали несколько команчей.

Отдадим справедливость дону Горацио — первая его мысль была о донье Линде. Он решил спасти ее любой ценой.

— Сеньорита, — сказал он, задыхаясь, — нам угрожает неотвратимая опасность! Скорее выходите из паланкина и садитесь ко мне на лошадь! Быть может, с божьей помощью мне удастся спасти вас от верной смерти!

Донья Линда бросила на него взгляд уничтожающего презрения.

— Нет, — ответила она сухо, — я не хочу быть обязанной спасением вам, сеньор. Я предпочитаю смерть такому позору.

Капитан подавил в себе гнев и отчаяние.

— Во имя тех, кого вы любите, я умоляю вас, сеньорита, примите мое предложение! Всякое колебание грозит смертью вам!

— Повторяю вам: я предпочитаю умереть, — холодно ответила она, надменно отвернувшись.

— Проклятье! — в ярости закричал капитан и так вонзил шпоры, что лошадь его взвилась на дыбы от боли. — Клянусь богом, если вы так безрассудны, я употреблю силу, чтобы заставить вас слушаться!

Антилопа, бывший до сих пор немым и безучастным зрителем этой сцены, внезапно вмешался.

— Пусть бледнолицый поручит белую девушку вождю, — сказал он. — Антилопа отвечает за нее.

Капитан пристально посмотрел на индейца, но ничего не мог прочесть на этом неподвижном и холодном лице.

— Вам?.. — пробормотал капитан.

— Да. Пусть бледнолицый поспешит собрать своих воинов. Каждая утерянная секунда — это час похищенной у себя жизни. Антилопа догонит бледнолицых не позже чем через десять минут.

Дон Горацио, подумав секунду, решился. Не сводя глаз с индейца, он сказал ему:

— Хорошо, я доверяю вам эту девушку. Но вы мне ответите за нее жизнью! Поклянитесь, вождь!

— Антилопа обещал, — ответил гордо индеец.

Бросив последний сумрачный взгляд на молодую девушку, сидевшую уверенно и равнодушно в паланкине, капитан пустил лошадь галопом и умчался.

Подъехав к отряду, он сказал несколько внушительных слов солдатам,

взволнованным мрачными предсказаниями Антилопы, после чего квадрилья понеслась во весь дух в обратном направлении.

Тогда вождь команчей быстро приблизился к паланкину и поклонился донье Линде со свойственной краснокожим врожденной вежливостью.

— Согласна ли девушка с голубыми глазами слушать слова вождя? — спросил он спокойным и убеждающим голосом.

— Говорите, вождь, — улыбаясь, ответила Линда. — У меня нет никакого повода быть вашим врагом.

— Прекрасно, моя сестра верно поняла меня. Антилопа — друг Мос-хо-ке.

— Это правда, вождь? — взволнованно воскликнула Линда.

— У Антилопы не раздвоенный язык. Мос-хо-ке — главный вождь племени. Уже давно он оберегает бледную девушку. Он поручил охрану девушки с голубыми глазами Антилопе и его воинам. Антилопа приехал защищать ее от злых происков вождя бледнолицых.

— Кто докажет мне правильность ваших слов, вождь? — спросила она, почти убежденная, но еще колеблясь.

— Пусть девушка с голубыми глазами вспомнит: однажды Мос-хо-ке вошел в лагерь белых и бросил камень в шатер, где помещалась бледнолицая девушка. Это было ожерелье, написанное Седой Головой. На рассвете следующего дня Мос-хо-ке ушел из лагеря, но уже через час туда вошел Антилопа. Его послал Мос-хо-ке. Откуда же вождь мог узнать все эти подробности, если бы Мос-хо-ке не рассказал ему все?

— Теперь я вижу, вождь, что вы действительно друг мне. Говорите, что надо делать. Я согласна повиноваться вам.

— Очень хорошо. Моя сестра хорошо сказала. Пусть она сядет на лошадь Антилопы — и она будет спасена.

Молодая девушка тотчас же вышла из паланкина. Но вдруг она остановилась...

— Что случилось с моей сестрой? — спросил Антилопа.

— Я не одна, вождь, со мной две несчастные молодые девушки, я их не могу оставить.

— У моей сестры доброе сердце. Но пусть она успокоится: Антилопа спасет и этих девушек.

Антилопа сказал шепотом несколько слов сопровождавшим его воинам. Двое из них спешили и подошли к молодым девушкам, которые ни живы ни мертвы стояли, не понимая, что происходит вокруг них.

Индейцы мгновенно посадили их на своих лошадей.

Успокоившись, донья Линда взяла руку Антилопы и одним прыжком

вскочила на его лошадь.

— Теперь, — сказал Антилопа, убедившись, что молодая девушка крепко держится за его пояс, — да спасет нас Ваконда! Мы потеряли очень много времени!

Краснокожие засвистели, и лошади, услышав свист, понеслись с головокружительной быстротой.

Не прошло и десяти минут, как эти современные кентавры догнали квадрилью и даже немного опередили ее.

— Пришпоривайте лошадей! Пришпоривайте лошадей! — крикнул Антилопа, проносясь мимо дона Горацио. — И что бы ни случилось, не уменьшайте скорости! Не теряйте Антилопу из виду!

Небо стало медно-желтым, жара была удушающей, птицы кружились в воздухе, испуская резкие, нестройные крики. Внезапно небо потемнело, издали послышался удар грома. И почти в ту же секунду вдали показался громадный песчаный смерч, приближавшийся с невероятной скоростью.

— Тревога! — пронзительно закричал Антилопа. — Все вслед за вождем, если дорожите жизнью!

И, сделав резкий крюк, он понесся в направлении, противоположном смерчу.

Слова индейца вернули воинам энергию, и они как замороженные бросились за ним, поручив свою жизнь богу.

Теперь они поняли, какая угроза нависла над их головами. Даже лошади инстинктивно почувствовали, что им угрожает смертельная опасность, и помчались так быстро, что, казалось, у них выросли крылья за спиной.

Нет страшнее бедствия в пустынях Дальнего Запада, чем ураган. С ним нельзя сравнивать даже ужасы африканского самума.

Песок, поднятый бурей, приняв форму огромного столба, мчится во всех направлениях по прерии, уничтожая, сметая все и всех на своем пути, будь то деревья, люди или животные.

Этот невиданный по величине песчаный столб, доходящий почти до облаков, закрывает солнечный свет, вырывает, кружась, целые почвенные слои, притягивает и всасывает в себя любые тяжелые предметы — и за несколько часов меняет внешний вид прерии.

Дон Горацио и его солдаты закрыли себе лица до глаз мокрыми платками: предосторожность, которой их научили индейцы и без которой они неизбежно бы задохнулись.

Два часа неослабевающего, неистового бегства протекли в мучительной тревоге.

Изредка, на какой-то миг, тьму прорезали свинцовые отблески света и тут же исчезали. И тогда наступившая непроницаемая мгла казалась еще страшнее.

Донья Линда почти не понимала, что происходит вокруг: уцепившись инстинктивно с отчаянной силой за пояс индейца, почти теряя сознание, она думала, что все это — кошмарный сон.

Бегство продолжалось. Иногда слышался крик, потом проклятие. Это означало, что один из всадников упал. А другие неслись, перескакивая через него, через его лошадь, даже не замечая этого.

Наконец стало светлеть, наступила тишина.

Антилопа испустил пронзительный крик и остановился.

Да и время было: если бы такая бешеная скачка продолжалась еще хоть четверть часа, белые погибли бы от усталости и ужаса.

Квадрилья была уже вне пределов прерии.

Примерно в полулье от них громадный девственный лес обещал тенистое убежище, так необходимое им в данный момент.

Дон Горацио поглядел на свой отряд, и вздох отчаяния невольно вырвался из его груди.

Больше половины его всадников было поглощено песками.

Только чудо спасло остальных.

— Благодарю вас, вождь! — горячо сказал он индейцу. — Мы вам обязаны жизнью. Если бы не ваша великодушная преданность, мы все остались бы в этой ужасной пустыне.

— Антилопа исполнил свой долг, — ответил индеец, спокойный, холодный и бесстрастный, как будто ничего необычного не произошло. — Ведь Мос-хо-ке поручил ему быть проводником бледнолицых.

Он спрыгнул с лошади, осторожно взял на руки Линду и тихо положил ее на траву.

— Ах, зачем вы спасли меня, вождь! — сказала ему донья Линда с глубокой печалью.

— Затем, что отец девушки с голубыми глазами умер бы от горя, если бы команчи не вернули ему дочери! — шепотом сказал Антилопа, наклонившись к уху молодой девушки. — Пусть моя сестра не теряет мужества — ее друзья близко.

И, поклонившись низко молодой девушке, прелестное лицо которой осветилось лучом надежды, вождь удалился, оставив ее на попечение служанок, которые едва оправились от перенесенного страха.

XVI. РАЗВАЛИНЫ НА РИО ХИЛА

Нам придется на время расстаться с доном Горацио де Бальбоа и вернуться к другим, тоже очень важным персонажам этой повести. Мы их очень давно не вспоминали.

Просим читателя последовать за нами в одно из самых живописных мест западных прерий, которым скваттеры²² и лесные охотники дали название Дальнего Запада. Это характерное название двумя словами определяет легендарную страну, истоптанную почти исключительно одними легкими мокасинами непокоренных индейцев — ожесточенных врагов белой расы...

Прошло десять дней после отъезда каравана, которым командовал дон Хосе Морено.

По тропинке, еле отмеченной следами диких животных, ехали трое вооруженных до зубов всадников в костюмах лесных охотников.

Было около трех часов пополудни; жара, нестерпимо палящая в первой половине дня, начинала понемногу спадать.

Не обращая внимания на жару, всадники ехали, не прибавляя шагу.

Наверно, для этого у них были серьезные причины, так как они не могли пожаловаться ни на усталость, ни на слабость своих лошадей.

Спутники достигли вершины пологого холма; вид с него расстился на довольно далекое расстояние; на этом холме всадники остановились.

Один из них обратился к своим товарищам:

— Ну, друзья мои, — весело сказал он, — я должен сказать: мне чертовски везет! Мы на правильном пути, причем я могу объяснить это только чудом. Как это случилось, что мы не свернули с дороги, не понимаю!

— Право, дорогой Энкарнасион, — ответил второй всадник, который был не кем иным, как доном Луисом Мореном, — мне судить трудно, признаюсь вам честно... Прошу, дон Кристобаль, взгляните вы и скажете ваше мнение!

— Гм... сказать правду, кабальерос, я тоже не больше вас могу судить об этой местности, — ответил дон Кристобаль.

— Да вы смеетесь, сеньоры! — сказал Энкарнасион Ортис. — Поглядите вперед! Эти кусты хлопчатника указывают на присутствие воды, не так ли? А эта вода — ведь не что иное, как Рио Салинас, а немного направо, впереди, Сиерра Бланка, еще дальше — Сиерра Могойон и прямо

перед нами, не далее, чем в двух лье отсюда, те самые развалины, которые составляют в данное время цель нашего путешествия. Мы доедем до них, если вам будет угодно, через полчаса, даже раньше!

Дон Луис и дон Крестобаль внимательно проверяли взглядом все сведения и объяснения дона Энкарнасиона Ортиса и очень обрадовались, убедившись, что он совершенно прав, о чем они ему и сообщили с большой готовностью.

— Ну, дорогой Энкарнасион, вам действительно везет! — смеясь, сказал дон Луис. — Ведь, по-моему, вы знаете эту страну не лучше, чем мы.

— Мос-хо-ке так точно описал дорогу, что заблудиться было трудно.

— Хорошо. Но что же нам делать теперь, кабальерос?

— Сейчас больше четырех часов, не так ли?

— Да, приблизительно так, — ответил дон Крестобаль, поглядев на солнце, стоявшее почти на уровне деревьев.

— Так вот: я считаю, что мы должны, не останавливаясь, ехать дальше, к развалинам, и прибыть туда, когда наступит назначенный для встречи час.

— Прекрасно! Тогда — вперед! — ответили остальные и, прищпорив лошадей, помчались во весь дух вслед за Энкарнасионом.

Бешеная скачка продолжалась около пятнадцати минут. Выехав из леса, довольно густо поросшего хлопчатником, всадники очутились не более чем в ста шагах от развалин.

Бывают писатели, которые, не выходя, по-видимому, из своего кабинета, серьезно утверждают, что в Америке не осталось почти следов вымерших рас. Отсюда они выводят заключение, что Новый Свет до его завоевания не имел никакой истории.

Но, к сожалению для авторов такой теории, действительность доказывает ошибочность этих рассуждений и, наоборот, утверждает существование очень передовой цивилизации еще задолго до завоевания. Не говоря уже о великолепных руинах Паленке на Юкатане, Теокалис в Чолула и о гигантских развалинах, обнаруженных недавно в центре Скалистых гор, имеются опубликованные работы, утверждающие, что при великом переселении чичимеков последние, во время многократных остановок в пути, обычно основывали величественные города, и их сохранившиеся следы восхищают тех редких исследователей, которым посчастливилось увидеть эти руины.

В доказательство мы опишем развалины, расположенные между Сиерра Могойон и де Лос Пахарос, на берегу Рио Хила или Салинас,

поскольку события нашего рассказа привели нас именно к этим местам.

Эти развалины известны в стране под названием «Большой Дом Рио Хила» или под еще более характерным именем — «Большой Дом Монтесумы».

Это — равнина. Развалины зданий, составлявших когда-то город, тянутся более чем на пять километров на восток. В других направлениях земля усеяна черепками глиняной посуды, отделка которой поражает совершенством.

Упомянутый Большой Дом образует длинный четырехугольник, открытый ветрам со всех четырех сторон. Вокруг всего дома возвышаются стены — следы вала, окружавшего и этот дом и другие здания; некоторые из этих зданий были похожи на средневековые башни.

На юго-западе виднеются бесформенные остатки каких-то построек, среди которых сохранилось лишь одноэтажное здание, разделенное на несколько частей.

Внутренняя стена этого дома имеет двести семь метров с севера на юг и сто пятьдесят восемь метров — с востока на запад.

Дом состоит из пяти больших помещений, из которых три, одинакового размера, расположены посередине, а два, большего размера, — по сторонам. Три центральных зала имеют девять метров с севера на юг и три метра — с востока на запад; два боковых зала имеют четыре метра с севера на юг и тринадцать метров с востока на запад. Все они имеют четыре метра в высоту. Все двери между залами одинаковы — два метра на девяносто сантиметров. Четыре входные двери примерно в два раза шире.

Снаружи дом имеет с севера на юг двадцать три метра и с востока на запад — семнадцать метров. Стены дома снаружи спускаются отлого.

Перед дверью, выходящей на восток и отделенной от дома, находится еще одна комната.

В ней, если не считать толщины стен, — девять метров с севера на юг и шесть метров — с востока на запад. По всей вероятности, комната была срублена из сосны и мескита, так как в окрестности примерно на двадцать километров имеется только сосновый лес.

Все здание построено из глины, смешанной с резаной соломой, — способ строительства, сохранившийся и сейчас в Мексике.

По каналу, в настоящее время высохшему, притекала сюда вода.

В здании было три этажа, или, если считать превосходно сохранившееся подвальное помещение, — четыре.

Свет в комнаты проникал только через двери и через круглые стенные

отверстия, выходящие на восток и запад.

Именно сквозь эти отверстия, говорят индейцы, Монтесума, прозванный «hombre amargo», что значит «сумрачный» или «неприятный человек», приветствовал солнце при восходе и закате его.

Не осталось никаких следов от лестниц и потолков — возможно, что апачи их разрушили, употребив на топливо во время своих частых набегов.

Франсиско Васкес Коронадо в 1542 году, во время своей экспедиции в фантастическую страну Сибола, видел эти развалины и оставил описание, приближающееся к нашему.

Единственное различие в том, что в его время существовали еще полы в верхних этажах. Сейчас их нет. Именно с его описанием в руках мы осматривали эти развалины и не нашли никаких следов деревянных частей.

Итак, наши всадники, как мы уже говорили, подъехали к развалинам. Они были поражены, увидев, что эти развалины вовсе не безлюдны, как они предполагали, а, наоборот, заполнены людьми и что в них полным ходом идут какие-то исследования.

На песчаной равнине возвышались тут и там шалаши из зелени.

Люди рыли в песке глубокие ямы; лошади и мулы вращали наскоро сделанные шестерни; тяжелые вагонетки перевозили на берег реки песок; сидевшие на корточках люди тщательно промывали его в реке и просеивали.

К счастью, всадники могли хорошо укрыться за несколькими мескитовыми кустами, разбросанными кое-где на равнине. А работа возле развалин шла с такой энергией и усердием, что люди ничего не видели и не слышали. Таким образом, всадники остались незамеченными.

Но все же дон Энкарнасион и его спутники, из боязни быть обнаруженными, сочли лучшим не оставаться здесь и повернули назад, чтобы укрыться в лесу.

Найдя невдалеке открытую лужайку, они остановились. При умелом использовании просветов между деревьями им было удобно наблюдать за движением своих таинственных соседей. Спешившись, они уселись на землю, закурили сигары и сигареты и устроили, по обычаю прерий, индейский совет.

Положение было очень серьезным. Присутствие незнакомцев в том месте, куда они должны были проникнуть, заставило их очень задуматься.

— Что это может обозначать? — спросил дон Луис у своих товарищей. — Что могут делать здесь эти люди?

— Это легко угадать, — ответил дон Кристобаль. — Очевидно, в эти развалины, необитаемые с давних пор, вторглись гамбусинос. Кто-то из них

открыл, или, вернее, думает, что открыл, здесь золотые залежи и предложил заняться этим делом сообща. Их привела сюда жажда золота.

— Да, но почему эти чертовы мошенники выбрали именно это место для своих раскопок? — вскричал Энкарнасион. — Вот чего я не могу понять!

— Тем более, — прибавил дон Крестобаль, — что с незапамятных времен каждый знает, что это — развалины старого города чичимеков и, следовательно, здесь не может быть залежей золота.

— Ну конечно! Если здесь когда-нибудь и были золотые россыпи, то уже давно должны были бы иссякнуть.

— Даже признака золота нет — ни здесь, ни в окрестностях, — живо сказал дон Крестобаль. — По-моему, Здесь совсем другое дело! Мне кажется, что здесь производится какая-то таинственная работа...

— Но какая? — нетерпеливо перебил его дон Луис.

— К несчастью, я знаю не больше вас. И все же стоило мне бросить только взгляд на этих злополучных рабочих, как мне пришло в голову, что они имеют какое-то отношение к Бальбоа. Я готов держать пари, что это так!

— О черт! Если вы правы, дон Крестобаль, это очень сильно меняет данные нам инструкции. Даже не понимаю, что нам тогда делать?

— Быть может, благоразумнее повернуть назад? — сказал Энкарнасион Ортис.

— Я не согласен с вами, дорогой мой, — ответил дон Луис. — Вот что я предлагаю: один из нас вернется к каравану и сообщит дону Хосе Морено о нашем открытии. Второй останется спрятанным в этом лесу. А третий спокойно направится к развалинам и представится этим искателям золота как авантюрист, бродящий в поисках счастья.

— Хорошо, но что будет потом? — заметил дон Крестобаль.

— Как — потом? — воскликнул дон Луис.

— Но поймите! Предположим, он пойдет и представится как авантюрист. Допускаю. Но к чему это приведет? Какую выгоду мы извлечем из этого для нашей экспедиции?

— Колоссальную!.. Этот человек не возбудит никаких подозрений; он сможет свободно ходить повсюду, наблюдая за всем. Одним словом, у него будет полная возможность разгадать загадку, которая так нас смущает. А когда ему станет ясной причина их пребывания в этих местах, когда он узнает, кто они и что им нужно здесь, он уйдет и расскажет нам все свои наблюдения. Тогда мы и поступим соответственно. Мне кажется, все это очень легко сделать. Риска нет никакого, а выгода от этого может быть

громадной! Если вы согласны со мной, то именно я попытаюсь это сделать.

— Но ведь по вашему акценту они моментально догадаются, что вы европеец?

— Я надеюсь, именно этот акцент уничтожит все подозрения и даст мне возможность очень естественно играть роль авантюриста. Что вы думаете о моем предложении?

— Что касается меня, то, подумав, я нахожу его приемлемым. Помоему, у вас много шансов на успех и, может быть, именно из-за дерзости этого плана... А ваше мнение, дон Кристобаль?

— Я вполне разделяю точку зрения дона Луиса Морена, кабальерос. Если кто-нибудь действительно может выполнить это задание, то только дон Луис, и никто больше. Он — иностранец, поэтому неизвестен им. В то время как вы, дон Энкарнасион, и я — в случае, если этот лагерь разбит доном Горацио де Бальбоа — мы будем разоблачены в первое же мгновение. Не будем скрывать: этот достойный кабальеро знает нас отлично.

— И к тому — с давних пор, — улыбаясь, прибавил дон Луис.

Трое всадников весело засмеялись этой шутке товарища.

— Даю слово, прекрасный план! Я принимаю его с закрытыми глазами, — сказал дон Энкарнасион. — Но теперь надо решить, кто из нас останется в засаде.

— Вы, если ничего не имеете против, — сказал дон Кристобаль. — Я лучше вас знаю страну и смогу скорей найти дона Хосе Морено, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло.

— Хорошо. Решения приняты. Теперь, сеньоры, нам осталось только привести их в исполнение.

Совет был окончен, и молодые заговорщики тут же вскочили на своих лошадей, так как нельзя было терять времени.

Они обменялись последними словами, сердечно пожали друг другу руки на прощание: дон Луис и дон Кристобаль разъехались в разные стороны, а Энкарнасион остался на страже в лесу.

XVII. ГОСТЕПРИИМСТВО

Было около пяти часов вечера. Красноватые лучи заходящего солнца окрасили равнину в теплые тона и придали ей характер необыкновенного величия

Дон Луис Морен, еще не привыкший к грандиозным видам американской природы, невольно поддался очарованию великолепного пейзажа, расстилавшегося перед его глазами. Но его мечтательное настроение вскоре было нарушено: навстречу ему во весь опор мчался какой-то всадник.

Приблизившись к дону Луису, всадник угрожающе спросил:

— Эй, сеньор, вы глухой или заснули на вашей лошади?

— Я не глухой и не заснул, кабальеро, — ответил дон Луис, выпрямляясь в седле. — Я просто очень устал.

— Вот как! — сказал незнакомец, украдкой бросив подозрительный взгляд на лошадь дона Луиса. — А между тем ваше животное, по-моему, в прекрасном состоянии и может, если понадобится, проделать длинное путешествие.

— Возможно, кабальеро, — сухо ответил француз. — Но если моя лошадь чувствует себя хорошо, я, наоборот, чувствую себя плохо.

— Ну-ну... — насмешливо ответил незнакомец. — Если вы прибыли сюда с целью лечиться, у вас на это мало шансов! Должен вас предупредить — врачей здесь нет.

— Слава бога, я болен не серьезно. Мне кажется, что вы поймете: я умираю с голоду.

— С голоду?

— Увы, да.

— Вот как?! — вскричал удивленный незнакомец. — Клянусь, вы — живая загадка! Страна кишит самой разнообразной дичью, человек вооружен до зубов и жалуется на голод! Но если только эта болезнь вас мучает, ваши муки кончатся: я займусь вашим излечением! Следуйте за мной и примите мое гостеприимство.

— Благодарю вас от всего сердца, кабальеро! — улыбаясь, ответил дон Луис.

— Ба! Не стоит! Гостеприимство в пустыне — долг, от которого никто не может уклониться.

— Не будет ли нескромно, кабальеро, спросить, я кем я имею честь

говорить? — спросил француз, кланяясь своему собеседнику.

— Пожалуйста, сеньор! — ответил тот с изысканной вежливостью. — Я — дон Горацио Нуньес де Бальбоа, к вашим услугам, капитан на службе его величества короля Испании и Индии. А могу ли я, кабальеро, в свою очередь, спросить, кого имею честь принимать в качестве гостя?

Слушая имена и титулы, перечисленные капитаном, француз вздрогнул: предположения дона Кристобалья оказались верными. Но его волнение промелькнуло, как молния, и прошло незамеченным для собеседника.

— Я — иностранец, кабальеро, — сказал дон Луис, — недавно прибыл в Америку. Мое имя вам ничего не скажет... Но если...

— О, это все равно, сеньор! — прервал его дон Горацио. — Мы находимся в стране, где каждый свободен поступать по своему желанию и сохранять, если ему нравится, самое строгое инкогнито. Такая сдержанность здесь никого не удивляет. Я спрашиваю ваше имя только для того, чтобы знать, как обратиться к вам, когда представится случай.

— Меня зовут дон Луис, сеньор, к вашим услугам.

— Вполне достаточно! — живо сказал капитан. — Теперь, сеньор дон Луис, поскольку мы уже немного знакомы с вами, я буду иметь честь проводить вас в мое бедное жилище. Прошу вас с этого момента смотреть на него, как на свое.

— Тысяча благодарностей, сеньор! — кланяясь, ответил француз.

И оба всадника галопом помчались к Большому Дому Монтесумы.

Как и предвидел дон Кристобаль, таинственные обитатели руин оказались гамбусинос, занимавшимися разработкой золотых россыпей. Но что это за россыпи, которые роют по приказанию дона Горацио де Бальбоа, — вот что дон Луис очень хотел бы знать.

Среди хакаль²³, покрытых листвой, копошилась куча оборванцев, худых, болезненных, с мрачными, свирепыми лицами, с отталкивающей и грубой внешностью.

Это была шайка разбойников, отбросы цивилизации, люди, проклятые обществом, оттолкнувшим их навек. Этот сброд, одержимый, без сомнения, ужасной болезнью, которую американцы метко назвали золотой лихорадкой, собрался здесь, в неведомом для него пристанище, чтобы вновь неизбежно потерпеть крушение.

Все люди, мимо которых проезжали дон Горацио и дон Луис, бросали на них, шепчась между собой, подозрительные, подчас угрожающие взгляды. Однако все они, или почти все, приветствовали дона Горацио с особой почтительностью.

Тут и там перед наскоро сколоченными пулькерия²⁴ дрались пьяницы и текла кровь.

Толпа, жадная до крови и зрелищ, образовывала круг, но не для того, чтобы помешать или остановить драку, а для того, чтобы обсуждать удары, заключать пари и приветствовать победителя.

Повсюду были видны следы громадных и очень глубоких ям. Следы эти перекрещивались и перепутывались между собой во всех направлениях. Но дон Луис заметил, что нет даже признаков золота.

Однако почему же эти необыкновенные гамбусинос без усталости и без отказа занимались рытьем огромных траншей?

Какую таинственную работу выполняли они?

Такие вопросы задавал себе мысленно дон Луис. Эта непонятная работа интересовала и беспокоила его все больше и больше, что не мешало ему, однако, с совершенно равнодушным видом следовать за доном Горацио по извилистым путям лагеря.

Меньше чем за двадцать минут всадники очутились у руин и остановились у входа в дом.

Капитан свистнул. Появился пеон.

— Вот мы и прибыли, кабальеро! — сказал испанский офицер дону Луису. — Бросьте поводья этому плуту, он позаботится о лошади, а также отнесет ваш плащ в комнату. Прошу вас за мной!

Молодой человек выполнил все это с видом крайней усталости. Он, конечно, не ощущал никакого утомления, но приходилось играть взятую на себя роль. Дон Луис уже готов был войти в дом, как вдруг дон Горацио положил ему руку на плечо, наклонился к его уху и сказал с некоторым замешательством:

— Одну минуту, кабальеро! Мне нужно сказать вам несколько слов. У каждого в этом мире бывают дела, которые касаются только его одного. Вы это знаете так же хорошо, как и я, поскольку вы сами хотите остаться неизвестным. Что бы вы ни увидели и ни услышали у меня, обещайте не вмешиваться.

Дон Луис отступил.

— Позвольте, капитан! — сказал он. — В таком случае, я должен поставить вам условие.

— Условие? — удивленно произнес испанец. — Ну хорошо. Какое? Говорите!

— Я ничего не увижу и не услышу, если только не будет затронута моя честь.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что говорю. Ничего другого. Прошу вас, не придавайте моим словам смысла, который я не придаю сам.

Капитан очень серьезно и внимательно посмотрел на своего гостя — лицо молодого человека было холодно и бесстрастно.

Тогда испанец, пожав плечами, пренебрежительно улыбнулся и, приняв прежний тон, сказал:

— Войдите и действуйте по своему усмотрению. Вы — мой гость и, следовательно, полностью свободны. Кроме того, мне все безразлично.

Они вошли.

Если внешний вид развалин оставался неизменным, то внутри стены, побеленные известью и украшенные картинами кричащих тонов, пол, покрытый узкими циновками и очищенный от веками скопившегося ссора, разрозненная мебель в виде гамака, открытого буфета, стола, шкафиков, — все это свидетельствовало об усиленных попытках хотя немного придать комнате жилой вид.

На дворе была ночь.

Дымящиеся светильники на столе и несколько факелов, прикрепленных к стене железными кольцами, освещали эту большую комнату неверным, дрожащим светом.

Скромное угощение состояло из нескольких блюд с овощами и дичью, расставленных со строгой симметрией, так любимой испанцами. Кроме блюд с яствами, на столе стояли глиняные кувшины с водой и неполная бутылка водки.

— Прошу вас, будьте гостем! — любезно сказал капитан, указывая молодому человеку на кресло. — Раз уж вас мучает такой зверский голод, садитесь и принимайтесь скорей за еду.

Они сели друг против друга. Но в тот момент, когда капитан протянул руку к блюду с мясом, желая радушно предложить его своему голодному гостю, дверь открылась, и в комнату вошла молодая метиска.

— Сеньора донья Линда Морено! — доложила она и отошла в сторону, давая дорогу хозяйке.

Вошла донья Линда; у нее был очень серьезный и даже величественный вид.

Мужчины встали.

Дон Луис вежливо поклонился молодой девушке, подал ей руку и проводил к столу.

Что же касается капитана, то неожиданное появление доньи Линды и смутило его, и вызвало досаду, очень заметную, несмотря на усилия ее скрыть.

Донья Линда была бледна; ее глаза, покрасневшие от слез, свидетельствовали о глубоких, но мужественно переносимых страданиях.

Она поблагодарила молодого человека легким кивком головы и села к столу.

— Вы так редко доставляете мне радость своим присутствием, сеньорита, — сказал капитан, — что я не смел надеяться на счастье увидеть вас сегодня за обедом.

Молодая девушка ничего не ответила на эту вычурную любезность; она сделала вид, что ничего не слышала, и обратилась к дону Луису:

— Какой несчастный случай, кабальеро, привел вас в этот притон бандитов?

— Я благословляю этот случай, доставивший мне честь встретиться с вами и предложить вам мои услуги, сеньорита! — вежливо поклонившись, ответил дон Луис.

— Поскольку донья Линда нашла уместным украсить наш обед своим присутствием, — с холодной иронией сказал капитан, — мне следует представить вас сеньорите, мой дорогой гость.

— Мне вовсе не нужно, чтобы вас представляли, сеньор!

— горячо сказала молодая девушка. — Хотя я не знаю вашего имени, но у вас вид настоящего кабальеро и честного человека, поэтому я убеждена, что могу совершенно спокойно довериться вам.

— Я имел честь сказать вам, сеньорита, что я полностью в вашем распоряжении. Я сделаю все, что вам угодно будет приказать мне.

— Однако! — со сдержанной яростью сказал капитан.

— Мне кажется, мой дорогой гость, что вы ведете себя слишком непринужденно и, как ни странно, спешите предлагать свои услуги незнакомой особе, с которой вы в первый раз встречаетесь у меня!

— Я делаю то, что диктует мне честь, кабальеро, — спокойно ответил дон Луис. Я — француз, а в моей стране ни один благородный человек не откажет в помощи даме, когда она об этом просит.

— Я запомню ваши слова, сеньор! — живо ответила молодая девушка.

— Простите, сеньорита, — прервал ее капитан, вскочив со своего места, — я считаю, что шутка зашла слишком далеко.

— Напротив, — холодно ответил дон Луис, — я считаю все это очень серьезным и прошу вас, кабальеро, не мешать сеньорите объясниться.

Эти слова были произнесены так решительно и с таким достоинством, что дон Горацио, привыкший к уверткам мексиканского лицемерия и не ожидавший в своем госте такого честного противодействия, несколько секунд был в оцепенении и не находил слов для ответа; но очень быстро

его свирепая натура взяла верх, и он, ударив в гнев кулаком по столу, вскричал:

— Зачем вы вмешиваетесь?

— Вспомните о словах, сказанных мною, когда я переступил порог этого дома, сеньор. Моя честь поставлена сейчас на карту, и даю вам честное слово: что бы ни случилось, ни одно пятно не замазает ее, — так же спокойно ответил дон Луис.

— Благодарю вас, кабальеро! — взволнованно воскликнула молодая девушка. — Благодарю вас за то, что вы готовы защитить меня, совершенно незнакомую вам девушку, от этого человека! Будьте благословенны за вашу героическую самоотверженность!

— Хвала богу! — воскликнул, нервно расхохотавшись, капитан. — Вот уж не думал, что буду присутствовать при такой забавной сценке, хотя и сам ее подготовил!

— Что вы хотите сказать этим, кабальеро? — надменно спросил француз.

— Я хочу сказать, сеньор, — ответил капитан, усаживаясь и небрежно откидываясь на спинку кресла, — что вы замечательно попали в ловушку, которую я вам подстроил, клянусь богом!

— Ловушку?

— Да-да! — с деланным добродушием ответил капитан. — Вы знаете индейскую поговорку: «Деревья имеют глаза, а листья — уши?» Карай! Вот уже давно я иду по вашим следам, а также по следам дона Энкарнасиона и еще одного бездельника из его друзей. Не случайно, как вы, вероятно, догадываетесь, мы встретились с вами в саванне! И тем более не случай привел вас сюда! Но разрешите мне сказать, сударь мой, что, притворяясь столь щепетильным в вопросах чести, вы прибегли к такому предательству, какому вас не мог бы научить самый ловкий бандит!

— Сеньор, эти слова...

— Черт побери! Хотел бы я знать, как иначе назвать ваше сегодняшнее поведение, сеньор капитан дон Луис Морен? Вы видите, что я вас знаю, не правда ли?

— Довольно оскорблений, сеньор! — возмущенно вскричал молодой человек, хотя про себя он должен был признать, что слова капитана не лишены основания.

— Я вас не оскорбляю, я говорю только то, что есть. Никто не имеет права обсуждать мое поведение. Это касается только меня и моей совести. Я похитил молодую девушку? Но разве вас это касается? Вы ее родственник или жених? Нет! К тому же, если бы я был бандитом, как

считает сеньорита, ничто не помешало бы мне жестоко отомстить вам!

— Что вас останавливает? — спокойно сказал дон Луис.

— Неужели вы полагаете, что, отправляясь сюда, я не знал, какой опасности я подвергаюсь! Я поклялся пожертвовать жизнью, чтобы возвратить донью Линду ее отцу!

— Вы сошли с ума! — сказал капитан голосом, придушенным от гнева. — Вы сошли с ума, осмеливаясь обратиться с подобными речами ко мне, в моем лагере! Ко мне, окруженному людьми преданными и готовыми повиноваться моему малейшему знаку! Мне достаточно произнести одно слова, сделать один жест — и вы умрете! А вы один, и помочь вам никто не может!

— Это верно, — сказал француз, — но со мной бог, бог, который нас видит, нас судит и который не оставит меня, зная, что у меня нет человеческой помощи.

— Зовите же его, — ответил, усмехаясь, капитан, — потому что, черт возьми, наступило время, когда он должен вам помочь!

— Кабальеро! — вскрикнула донья Линда дрожащим от волнения голосом. — Забудьте, умоляю вас, все, что я вам сказала! Отчаяние меня ослепило! Предоставьте меня моей печальной судьбе и не вступайте, заклинаю вас, в борьбу, из которой вы не выйдете победителем! Не прибавляйте к моему горю вечных угрызений совести, что я стала причиной вашей гибели!

— Сеньорита, — сдержанно сказал француз, обнажая шпагу и вытаскивая пистолет из-за пояса, — благодарю вас за сочувствие, которым вы удостоили меня, но, простите меня, я не подчинюсь вашим приказаниям. Никогда не представится мне лучший случай защищать благородную цель! Я сам себе поклялся спасти вас или умереть за вас. Я вас спасу или умру!

И он нежным и благородным жестом отстранил молодую девушку. Донья Линда испытывала невыразимое отчаяние, но понимала, что не имеет больше права вмешиваться в происходящее.

— Пусть будет так, как вы хотите! — вскричал капитан, оскаливаясь, как хищный зверь.

Уже готова была начаться страшная, беспощадная битва, уже дон Горацио высоко занес шпагу над своим противником, а тот, со своей стороны, приготовился к отпору, как вдруг дверь бесшумно открылась и кто-то вошел.

Это был Мос-хо-ке, великий вождь команчей.

Он был в своем военном костюме; важным, медленным шагом

приблизился он к молодым людям и пристально посмотрел на них; потом опустил их шпаги жестом, полным невыразимого величия.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Неужели бледнолицый начальник поссорился с человеком, которому он предложил гостеприимство?

После этих слов в комнате воцарилось мрачное молчание.

XVIII. ВОЖДЬ

Итак, дон Энкарнасион Ортис остался в лесу, граничившем с деревней, или, вернее, с лагерем гамбусинос.

Выбрав удобное убежище, он сошел с лошади, сел у подножия какого-то дерева и, опустив голову, задумался.

Это были невеселые мысли. Дон Энкарнасион понимал, что находится в данный момент в очень опасном положении: без дружеской помощи, один, в засаде. Если бы обитателям лагеря пришла мысль (а это было весьма вероятно) устроить в лесу облаву для поисков шпионов, они, конечно, обнаружили бы его и убили.

И все же не это предположение, как бы мало приятно оно ни было, тревожило молодого человека; другие мысли мучили его и заставляли проклинать свое вынужденное бездействие.

Сейчас, оставшись в одиночестве и трезво взвесив все происшедшее, он горько пожалел, что согласился отпустить своего друга к гамбусинос. Ведь дону Луису, храброму и умному человеку, были почти неизвестны мексиканские нравы. Сумеет ли он обмануть врагов? Сможет ли достаточно убедительно сыграть свою роль? И была еще одна мысль, терзавшая его больше всего. Как мог он, жених доньи Линды, он, которого она любила и считала своим защитником, — как мог он уступить свое место другому! Другому — хотя бы это был такой верный друг, как дон Луис! Не пренебрег ли он своим долгом, не нарушил ли клятву, передав другому право отомстить за оскорбление своей невесты?..

И много других столь же мучительных мыслей вскоре так разбередили молодого человека, что его охватила бешеная ярость.

Он вскочил, решив любой ценой проникнуть в лагерь гамбусинос, не думая о последствиях этого смелого, но необдуманного поступка.

В тот момент, когда дон Энкарнасион вложил уже ногу в стремя, в кустах послышался легкий шум. Не успел он инстинктивно повернуть голову, как несколько человек с быстротой молнии бросились на него, схватили и лишили возможности защищаться.

Дон Энкарнасион понял, что борьба бессмысленна, поэтому решил хладнокровно принять свое поражение.

— Чего вы хотите от меня? Почему вы бросились на меня, как взбесившиеся волки? — высокомерно спросил он.

— Э! — послышался насмешливый голос. — Кажется, мы ошиблись и,

охотясь за лисицей, поймали случайно льва?

— Кто вы и что вам от меня нужно?

— Сейчас вы это узнаете, сударь мой! Зажгите факелы, друзья!.. Нам надо посмотреть друг на друга.

Этот приказ был немедленно выполнен.

Молодой человек воспользовался несколькими секундами свободы и выхватил свой меч. Он решил дорого продать свою жизнь.

— А! — вскричал он. — Если мне суждено умереть, я все же оставлю кое-кому из вас свои метки! Чего же вы ждете, приятели?

В этот момент лужайка осветилась факелами.

Дон Энкарнасион бросил взгляд вокруг себя — его окружало не меньше сотни человек. Кроме того, за деревьями были видны чьи-то черные силуэты.

«Ого! — прошептал про себя Энкарнасион. — Их много! Тем лучше! Если суждено умереть, умру с честью!»

— Вот так так! — послышался тот же насмешливый голос. — Долой оружие! Я же говорил вам, что мы ошиблись! Мы имеем дело с другом!

— Где, черт возьми, я слышал этот голос?.. — пробормотал дон Энкарнасион.

Ряды незнакомых людей раздвинулись, и на середину лужайки быстро вышли два человека.

Дон Энкарнасион издал крик удивления и радости и, кинув на землю свой нож, бросился к ним навстречу.

Один из этих мужчин был дон Рамон Очоа, другой — Великий Бобр, вождь команчей.

— Ах! Вот это встреча! Будь благословен бог за случай, который вас привел! — возбужденно сказал молодой человек.

— Это не случай, мой мужественный друг! — смеясь, возразил бывший алькальд. — Наоборот, я явился сюда по приглашению Мос-хо-ке, чтобы присоединить мою кавалерию к отряду дон-Хосе Морено.

— Клянусь честью, вождь, вы действительно неоценимый человек! — весело произнес Энкарнасион, сердечно пожимая руку Мос-хо-ке. — Дон Хосе Морено знает о подкреплении, которое вы ему так кстати привели?

— Два дня назад Мос-хо-ке оставил бледнолицего начальника. Мос-хо-ке не говорил ему о своих планах. Белые говорят, а краснокожие действуют. Мой отец Седая Голова будет доволен, когда увидит, что число его воинов удвоилось, и узнает, что это сделал его сын-команч.

— Послушайте-ка, мой друг, а что же вы делали тут, с одной ногой в стремени, а другой — на земле? — спросил дон Рамон.

— В тот момент, когда вы так неожиданно напали на меня, — ответил дон Энкарнасион, — я садился на лошадь, чтобы на свой страх и риск ехать в лагерь этих бандитов.

— У белый людей нет разума, — серьезно сказал Мос-хо-ке. — Что стоит один человек против ста?

— Вы правы — ничего! Но я хотел спасти донью Линду даже ценою своей жизни!

— Пусть так! — сказал индеец. — Спасти ее нужно. Но и жить нужно.

— Это, конечно, лучше всего! — ответил молодой человек, невольно улыбнувшись, несмотря на свою печаль. — Но как это сделать?

— Пусть мой бледнолицый брат подождет. Сейчас глубокая ночь; ничто не заставляет нас спешить. Завтра надо начать действовать.

— Как — ничто не заставляет спешить?.. Ах да, ведь вы ничего еще не знаете, вождь!

— Что случилось? — спросил дон Рамон.

— Пусть мой брат говорит, — добавил индеец, — уши вождя открыты.

По знаку Мос-хо-ке факелы были потушены сразу же после того, как в пленнике узнали дона Энкарнасиона Ортиса. Мос-хо-ке опасался, что гамбусинос могут обнаружить в лесу отряд. Ранчерос, уставшие от длительной езды, растянулись на траве, не выпуская из рук поводьев, готовые вскочить на лошадей при первом же сигнале.

Дон Энкарнасион в нескольких словах рассказал о том, что произошло с ним и с его друзьями: как дон Кристоаль Нава повернул обратно, чтобы поторопить прибытие каравана дона Хосе Морено; как дон Луис Морен отправился вперед, надеясь разузнать что-либо о донье Линде; как, наконец, он сам, измученный тревогой, решил ехать в лагерь и разыскать своего друга, а в этот момент ранчерос внезапно набросились на него.

— О! — сказал вождь. — Бледнолицый брат говорит, как мудрый человек, а действует как ребенок. Но пусть он не приходит в отчаяние, Ваконда велик, он ему поможет. Бледнолицей девушке с голубыми глазами не угрожает никакая опасность. Вождь точно знает, что белый начальник — гачупин относится к ней с уважением. Сейчас не надо опасаться за нее. Пламенный Глаз не нуждается в помощи, ему ничего не угрожает. Мос-хо-ке пойдет в деревню бледнолицых.

— Вождь пойдет один?

— Мос-хо-ке — могучий воин. Гачупины боятся его.

— Хорошо, пусть будет так, — решительно сказал молодой человек. — Но при одном условии: я пойду с моим братом.

Индеец окинул его проницательным взглядом, подумал

мгновение, потом ответил:

— Мой брат пойдет.

— Едем же! — вскричал дон Энкарнасион.

— Молодость нетерпелива, — нравоучительно произнес индеец. — Воины моего отца Седой Головы в сопровождении двух воинов моего народа придут сюда, прежде чем луна успеет пробежать половину своего пути в небе. Белый начальник со своим отрядом должен ожидать здесь своих братьев и не уходить отсюда в деревню, пока Мос-хо-ке не вернется. А молодой бледнолицый брат мой пусть приготовится следовать за краснокожими воинами, которые пойдут в лагерь гачупинов.

При этом вождь два раза подряд громко крикнул, как кричат собаки прерий.

Немедленно двадцать пять воинов-команчей появились на лужайке и выстроились позади своего вождя.

Дон Энкарнасион был уже на лошади и с нетерпением ждал сигнала к отъезду.

Но вождь, холодный и бесстрастный, как все люди его расы, несколько не спешил. Он внимательно оглядывал воинов-команчей, желая убедиться, что их оружие в порядке. Потом, вложив ногу в стремя, вскочил на лошадь и сказал, обращаясь к дону Рамону:

— Мой брат хорошо меня понял, не правда ли? Прежде чем покинуть этот лагерь, он должен ждать возвращения Великого Бобра столько времени, сколько продлится его отсутствие. А главное, ни один из воинов бледнолицего начальника не должен показываться на равнине.

— Поезжайте спокойно, вождь, — сказал дон Рамон Очоа и добавил, сердечно пожимая руку дону Энкарнасиону: — Да поможет вам бог, мой друг!

— Спасибо! — ответил Энкарнасион, горячо пожав ему руку.

— Вперед! — скомандовал вождь.

И воины-команчи, пришпорив коней, галопом помчались по равнине.

Деревня гамбусинос была темна, улицы пустынные; только иногда тьму прорезал красный свет и слышались нестройные крики. Это были ночные кабачки. Какие-то подозрительные тени быстро и бесшумно скользили во тьме.

Команчи пересекли деревню и появились у развалин, не привлекая ничьего внимания. Гамбусинос знали, что часть племени расположилась лагерем на равнине, поэтому они предполагали, что проезжая группа была отрядом воинов, вернувшихся в деревню с охоты.

Прибыв к Большому Дому Монтесумы, вождь дал приказ

остановиться, а сам спешился; то же сделал и Энкарнасион; краснокожие остались в седлах, с ружьями в руках, готовые каждую минуту к бою.

Мы уже сказали, что появление команчей не привлекло внимания; однако Великий Бобр, осторожный, как все краснокожие, принял на всякий случай меры предосторожности.

По его распоряжению два воина отправились в находившийся за несколько сот шагов от деревни лагерь краснокожих, с приказом немедленно всем вооружиться и прибыть к Большому Дому.

Шесть воинов окружили развалины. Им было точно приказано загородить проход всякому, кто попытается войти в дом или выйти из него.

Как только приказания были отданы и выполнены, вождь подошел к дону Энкарнасиону и сказал ему на ухо:

— Мой брат видит, что я делаю для него? Он доволен?

— Да, вождь, — тихо ответил молодой человек.

— Хорошо. Мой брат не произнесет ни одного слова, не сделает ни одного жеста без разрешения Великого Бобра. Пусть он поклянется Вакондой!

— Я вам клянусь честным словом, вождь! Но и вы поклянитесь мне, что вы спасете моего друга, дона Луиса!

— Великий Бобр его спасет, или мы все погибнем! — ответил индеец.

Приблизившись к самой двери дома, они стали слушать.

В доме горячо спорили; гневные, судя по интонациям, фразы сталкивались с такой быстротой, что их невозможно было понять.

Дон Энкарнасион, несмотря на свое обещание, чувствовал, что в груди у него клокочет буря; если бы вождь не удерживал его железной рукой, он бы бросился в дом. При последнем донесшемся слове, произнесенном капитаном, индеец был вынужден резко оттолкнуть Энкарнасиона от двери.

— Брат мой хочет погубить себя и своего друга? — сказал он.

— Что же делать? — воскликнул дон Энкарнасион.

— Держать свое слово, ждать и предоставить действовать вождю. Пусть мой брат помнит, что при малейшей неосторожности перебьют всех индейских воинов. Брат мой отвечает за них вождю, а вождь отвечает за его друга. Пусть мой брат ждет. Вождь войдет.

И Великий Бобр открыл дверь и вошел в комнату.

Мы уже рассказали в конце предыдущей главы, как присутствующих поразило непредвиденное появление вождя команчей. Великий Бобр почтительно поклонился молодой девушке и обратился к капитану:

— Великий Бобр долго был в пути и устал; он голоден и хочет пить; не может ли его брат, бледнолицый начальник, предложить ему

прохладительные напитки? Или он предпочитает сначала закончить дело, которое привело сюда вождя?

— О каком деле хочет говорить вождь? — хмуря брови, спросил дон Горацио. — Я не знаю, чего может требовать от меня Мос-хо-ке. Нас всегда соединяют дружеские отношения.

— У моего брата короткая память. Он забыл, что земля, которую здесь роют по его приказанию, принадлежит воинам индейского племени. Он забыл, что по приказанию Великого Бобра эти воины служили начальнику проводниками и привели сюда. Он забыл, что Великий Бобр разрешил ему разбить лагерь при одном условии...

— Й вы пришли требовать выполнения этого условия? — побледнев, вскричал капитан.

— Да, Великий Бобр пришел сюда для этого, — ответил индеец. — Разве бледнолицый начальник не ждал его?

Молния, упавшая к ногам капитана, не могла бы более ужаснуть его, чем эти спокойно произнесенные слова, подчеркнутые насмешливой улыбкой.

Индеец продолжал:

— Уже прошло три дня, как бледнолицый начальник завладел развалинами и Домом Монтесумы. Доверяя начальнику, вождь позволил ему разбить лагерь на этой равнине. Бледнолицый начальник помнит, какие условия поставил ему вождь?

— Я обязался, — холодно ответил капитан, положив незаметно руку на саблю, — передать донью Линду в ваши руки, если вы мне дадите право в течение трех дней производить работы по моему усмотрению.

— Вождь выполнил эти условия?

— Да.

— Вождь ждет пленницу, которую бледнолицый ему продал, — она принадлежит вождю.

— Боже!.. — в бешенстве закричал капитан. Индеец жестом прервал его и, рванув дверь, сказал:

— Пусть бледнолицый одумается. Пленницу требует не только вождь, но и все племя вождя!

Капитан оцепенел от ужаса. Он понял, что побежден.

Через открытую дверь, при бледном свете луны, он увидел индейских воинов, мрачных и угрожающих, тесными рядами окруживших дом.

— Пусть она уезжает! — произнес он задыхающимся от гнева голосом. — Она свободна.

Потом, через мгновение, добавил угрожающе:

— Хорошо сыграно, вождь, но я возьму реванш! Индеец, не отвечая, подошел к молодой девушке и взял ее за руку.

— Мы еще увидимся, сеньор француз! — Со сдержанным бешенством сказал капитан уходившему дону Луису.

— Надеюсь, кабальеро, — просто ответил тот.

— Да, мы увидимся, несчастный, и, клянусь богом, скоро! — вскричал дон Энкарнасион, стремительно ворвавшись в комнату.

Но взгляд вождя удержал его. Зачем начинать ссору теперь, когда донья Линда спасена!

— А-а! Это заговор! — прошептал дон Горацио, взбешенный от сознания своего поражения, но вынужденный склониться перед явной силой.

Молодые люди презрительно пожали плечами и, даже не удостоив его словом, вышли из комнаты.

А через несколько мгновений отряд уже мчался во весь опор прочь из лагеря.

XIX. РЕКОГНОСЦИРОВКА

Капитан дон Горацио де Бальбоа бесспорно был мужественным человеком; в его натуре были и пороки, и очень крупные — например, омерзительная жадность и отсутствие порядочности в поступках; но бывали в его жизни моменты, когда он проявлял безрассудную отвагу и смело рисковал своей жизнью; этим он заслужил среди своих людей репутацию отличного солдата.

Если на этот раз он сравнительно легко уступил требованиям Мос-хоке, то произошло это в силу очень серьезных причин: во-первых, его захватили врасплох; во-вторых, его окружили враги; он был один, их — много. Поняв, что борьба безрассудна, он, подобно лисице, преследуемой охотниками, схитрил, сделал вид, что уступает добровольно, но в душе поклялся, что возьмет у них, так или иначе, блестящий реванш.

Горацио де Бальбоа не скрывал от себя, что понесенное им поражение весьма серьезно и что отъезд, или, вернее, освобождение доньи Линды лишает его последнего шанса на успех в задуманном деле.

Дон Горацио похитил донью Линду с целью добиться от нее, добровольно или силой, разоблачения тайны императоров инков. Он не побоялся ей в этом признаться с грубой, почти циничной откровенностью.

Теперь, когда молодая девушка была возвращена отцу, всякая надежда когда-нибудь завладеть сокровищем ускользнула от капитана. Совершенный им бесчестный поступок не принес ему никакой пользы. А хуже всего было то, что его, как ребенка, обвел вокруг пальца индеец, которого он почти не считал человеком.

Но дон Горацио был наделен незаурядной энергией и железной волей.

Такие люди, к сожалению, часто встречаются в жизни: они одинаково расположены к добру и злу, и, если вступают на какую-нибудь дорогу — будь она хороша или плоха, не колеблются, никогда не возвращаются назад, а продолжают упорно свой путь, фатально ведущий в пропасть.

Капитан недолго находился в угнетенном состоянии; наступила реакция, и он поднялся со своего места — еще более уверенный и решительный, чем всегда.

Камеристка доньи Линды, забытая всеми участниками предыдущей сцены, испуганная и дрожащая, сидела, съежившись в углу комнаты.

Когда капитан поднялся, его первый взгляд случайно упал на нее; дьявольская мысль прорезала его мозг и злая улыбка искривила губы.

— Что вы там делаете? — с иронической вежливостью спросил он. — Вы забыли, что можете понадобиться вашей госпоже? Убирайтесь отсюда, да поживей!

Бедная молодая девушка смотрела на него испуганными глазами.

— Что я должна делать, сеньор? — еле слышно прошептала она.

— Догоняйте ее, черт возьми!..

— Одна, ночью в темноте... не зная даже, в каком направлении ее искать... ваша милость?..

— Не желаете ли, принцесса, чтобы я предоставил вам конвой?

Молодая девушка залилась слезами.

Наступило молчание.

Вдруг капитан ударил себя по лбу.

— Хвала богу! — прошептал он. — Это идея! Кто бы ни послал мне ее, небо или ад, — безразлично!

И он быстро обратился к молодой девушке:

— Осушите ваши слезы, красавица, и приготовьтесь следовать за мной.

— Следовать за вами, ваша милость? — спросила она. — Куда же, бог мой?

— К вашей госпоже, — усмехнувшись, сказал дон Горацио.

И, оставив бедную девушку в полном смятении, он вышел из дому и направился в кораль.

В корале, расположенном позади дома, за деревянной изгородью помещалось около двухсот пятидесяти лошадей, принадлежавших гамбусинос.

Дон Горацио накинул лассо на ближайшую к двери лошадь, оседлал ее, обмотал копыта бараньими шкурками, чтобы заглушить шум ее шагов, вывел из коралья и привел к дому.

— Вы готовы, мое милое дитя? — спросил он, открывая дверь.

Молодая девушка отшатнулась, вся дрожа.

— Чего вы боитесь? Подойдите, говорю же я вам! Не бойтесь, я хочу проводить вас к вашей госпоже, черт возьми! — с усмешкой добавил он. — Ведь я обязан оказать любезность этой благородной сеньорите.

Молодая девушка поняла: сопротивление бесполезно, она должна повиноваться. Завернувшись в плащ, она вышла из дома, мысленно моля бога о помощи, — она была уверена, что идет на смерть.

Капитан вскочил на лошадь.

— Поставьте вашу ногу на мой сапог. Дайте мне руку... Садитесь позади меня... Вот так. Теперь зацепитесь за мой пояс и крепко держитесь,

потому что — клянусь богом! — это будет такая прогулка, которую вы, моя милая, запомните на всю жизнь!

Молодая девушка все выполнила с послушанием ребенка, даже не пытаясь понять, чего от нее требуют.

— Хорошо, — сказал он. — Вы готовы?

— Да, — еле слышно прошептала она.

— Тогда в путь! — воскликнул дон Горацио и вонзил шпоры так сильно, что лошадь поднялась на дыбы от боли, а затем помчалась, как стрела.

Ночь была темна, в небе не мерцало ни одной звезды. Быстро плывущие облака беспрестанно закрывали собою луну, бледный, непостоянный свет которой только подчеркивал тьму.

Отчаянный ветер мрачно завывал, он поднимал в воздухе вихри пыли, ослеплявшие лошадь и ее всадника.

Издали, на востоке, слышалось хриплое мяуканье ягуаров и пантер, на которое, как зловещее эхо, отвечал прерывистый лай койотов и красных волков.

В деревне прекратился шум, все огни погасли; гамбусинос, большей частью пьяные, спали крепким сном.

Был слышен лишь вой бродячих собак, попадавших на пути дона Горацио.

Через несколько минут капитан оставил далеко позади себя хижины искателей золота и очутился на равнине.

Тут он на несколько секунд остановился. Ему нужно было собраться с мыслями. В пустыне, где нет проложенных дорог, легко заблудиться. Капитан хотел сразу же найти верную дорогу. Только мгновение длилось его колебание. С проницательностью людей, привычных к жизни в прериях, он быстро уяснил положение и решительно направился к лесу, где действительно был разбит лагерь ранчерос.

Мы не станем уверять читателя, что в душе дона Горацио пробудилось чувство человечности, когда он решил отвезти молодую девушку к ее госпоже, — нет, дон Горацио в своем роде был человек необыкновенный, он не мог руководствоваться такими мелкими соображениями. Ему просто хотелось узнать, где находятся его враги и сколько их. Если же он увез с собой молодую девушку, то лишь потому, что надеялся сделать ее своей невольной сообщницей в предпринятой рекогносцировке.

В течение следующих десяти минут капитан продвигался очень осторожно, шагом; он почти достиг границы лагеря. Наклонившись вперед, прислушиваясь к каждому звуку, который доносился к нему мимолетным

ветерком, он настороженно вглядывался в темноту.

И наконец сквозь густой кустарник, немного вправо от него, мелькнул красноватый свет, сверкнувший, как падающая звезда.

Капитан продвинулся еще немного вперед, с еще большей осторожностью; огонь усилился, и вскоре стало очевидно, что это горит костер.

— Я знал, что выслежу их, — прошептал испанец. Доехав до песчаного холмика, он остановился, сошел с лошади и сказал девушке:

— Мы приехали, сойдите с лошади. Молодая девушка покорно повиновалась.

— Слушайте меня хорошо, дитя, — продолжал дон Горацио, крепко схватив ее за руку. — Не вздумайте забыть то, что я вам сейчас скажу! Речь идет о вашей жизни!

— Приказывайте, я все исполню, — придушенным от ужаса голосом ответила несчастная девушка.

— Хорошо. Видите вы этот свет? Там, перед вами, в лесу?.

— Вижу.

— Это лагерный костер. В лагере укрылись ваши друзья. Там же находится и ваша госпожа. Не более ста шагов отделяют вас от нее. Без страха идите вперед и смело отвечайте тем, кто вас будет спрашивать.

— Что я должна ответить?

— Правду. Скажите, что я сам проводил вас к лагерю. Вы меня хорошо понимаете, не правда ли? Помните: никаких уловок!

— Хорошо, я скажу.

— Слушайте дальше: поднимайте шум, кричите, зовите на помощь! Я вам разрешаю это. Пусть часовые вас заметят и поднимут тревогу... Мне нужно еще раз повторить или нет? Подумайте, прежде чем ответите. Поняли вы меня?

— Да, сеньор.

— Хорошо. Я честно выполнил обещание. Теперь идите, и да поможет вам бог или дьявол! Что касается меня, я не намерен больше здесь оставаться. Мое дело сделано, я возвращаюсь в деревню.

Молодая девушка боязливо и нерешительно пошла по направлению к лагерю.

Следивший за ней капитан мгновенно бросился к ней.

— Вы пойдете быстрее, лентяйка?! Или хотите, чтобы я вам пустил пулю в голову?! — угрожающе закричал дон Горацио, поднимая пистолет.

Бедная девушка, крича от ужаса, бросилась бежать.

— Так-то лучше! Теперь они ее услышат, если не оглохли! — смеясь,

произнес капитан.

Спрятав револьвер за пояс, он вскочил на лошадь и укрылся за песчаным холмиком.

Его хитрость увенчалась успехом.

Лагерь был окружен тройной цепью часовых; при первом же крике молодой девушки, как из-под земли, появились два человека; подскочив к бегущей девушке, они остановили ее.

Почти обезумев от страха, бедняжка упала на колени, прося пощады.

В тот же миг сбежались люди, зажглись факелы, и эта часть равнины, такая пустынная и темная еще мгновение назад, оказалась освещенной, как днем, и заполненной людьми.

Молодую девушку подняли и повели в лес; огни исчезли, снова наступили мрак и безмолвие.

— Черт возьми! — усмехаясь, произнес капитан. — Моя хитрость удалась: эти глупцы показались мне, как на параде. Теперь нельзя терять ни минуты! Я хочу устроить им достойный прием, они такого, пожалуй, и не ожидают. Хвала богу, я еще не побежден!

И, пригнувшись в седле, он поскакал во весь опор. Сзади раздались ружейные выстрелы и послышался свист пуль.

— Опоздали, господа! Теряете напрасно порох — птичка улетела! — насмешливо вскричал испанец.

Через двадцать минут он был уже в своем лагере и соскочил с лошади у Дома Монтесумы.

Поставив лошадь в кораль, не теряя ни одной минуты, он поспешно разбудил двенадцать преданных ему гамбусинос, живших в нескольких шагах от его дома.

Когда они собрались в той комнате, где еще недавно был сервирован обед, он обратился к ним без вступления:

— Друзья! Время дорого! Выслушайте меня: нас предали. Нам казалось, что тайной клада владеем только мы. Кому-то она стала известна. Кто эти люди, не знаю, но уверен, что они намерены на нас напасть и воспользоваться нашими трудами. А между тем успех, который должен увенчать наши усилия, так близок!

Гневный ропот пробежал по рядам гамбусинос.

Капитан продолжал:

— Вы знаете, мои друзья, что мы ищем здесь. Вам я без колебаний доверил мою тайну. Я был уверен, что могу положиться на вас. Ответьте же мне: отдадите ли вы без борьбы это сокровище, которое, быть может, завтра будет в наших руках, или вы станете защищать его, как настоящие

мужчины?

— Прежде всего, капитан, мы хотим знать, существует ли вообще это сокровище? — заметил старик гамбусино. — Подумайте, вот уже три дня мы роем землю, как кроты, но вы сами видите, что до сих пор, несмотря на все наши усилия, нет никакого признака, что мы на верном пути.

— Сокровище существует! — горячо воскликнул капитан. — Я в этом уверен. Оно огромно, неисчислимо! Я жду вашего решения. Колебание невозможно, отвечайте!

— Сокровище принадлежит тому, кто открыл его, это закон пустыни, — сказал тот же самый гамбусино. — Во имя бога, оно будет нашим, потому что мы первые начали его искать.

— Значит, друзья, вы решили защищаться, если посмеют напасть на вас? — радостно вскричал капитан.

— Конечно, — ответили они, — и, черт возьми, мы будем биться насмерть!

— Хорошо, друзья! Благодарю вас! Я вижу, что не ошибался в вас, и вы мне преданы.

— О! Разрешите, сеньор дон Горацио де Бальбоа, — снова поднял голос тот же старый гамбусино. — Здесь дело не в преданности. Давайте договоримся, чтобы избежать всякого недоразумения в будущем. Речь идет только о том, чтобы мы должны найти то огромное богатство, которое было потеряно для мира в течение ряда веков.

— Да, — насмешливо улыбнувшись, сказал испанец, — найти то богатство, которое всех вас обогатит при дележе. Старый гамбусино презрительно пожал плечами.

— Полноте, капитан! — сказал он. — Видно, вы совершенно не знаете искателей золота, настоящих гамбусинов! Научитесь нас понимать и прежде всего знайте, что бог создал нас, именно нас, чтобы открывать богатства, зарытые в недрах земли, и заставлять их блестеть на солнце! Золото проходит через наши руки, но не остается в них. Настоящий гамбусино должен жить и умереть бедным. Его назначение — обогащать мир, ничего не сохраняя для себя.

Капитан был поражен, услышав такое необыкновенное заявление. А между тем это была совершенная правда. Гамбусинов действительно таковы. Всю свою жизнь они с лихорадочной горячностью ищут золото, но стоит им обнаружить его, как тотчас оно теряет всякую ценность в их глазах, и они равнодушно покидают открытый ими тайник, чтобы приняться за поиски следующего.

Этот факт наблюдался тысячи раз.

После небольшой паузы капитан заговорил:

— Мне безразлично, почему вы решили драться. Мне важно одно: вы будете бороться?

— Да, насмерть!

— Вот и все, что мне нужно. Идите разбудите скорей товарищей и приступайте к делу. Мы должны с восходом солнца быть готовыми отразить атаку врагов.

— Будет так! — ответили они. — Рассчитывайте на нас, капитан.

И они вышли.

— Черт возьми! — воскликнул капитан, со скверной улыбкой потирая руки. — Если эти безумцы так презирают богатство, тем лучше! В таком случае, сокровище целиком достанется мне одному. Черт возьми, мне это нравится!

После этого дон Горацио де Бальбоа наспех поел — обед оставался нетронутым на столе — и быстро покинул дом. Он хотел поторопить людей и убедиться в том, что все отданные им приказания исполнены.

Капитан испытал уже на себе решительность и смелость своих врагов и не хотел быть вторично захваченным врасплох, особенно сейчас, когда благодаря занятой им выгодной позиции у него были все шансы на успех.

Через час чрезвычайное оживление царило в лагере гамбусинос.

Воодушевленные общим интересом, обитатели деревни работали с большим подъемом. Они хотели так укрепить лагерь, чтобы он стал неприступным даже в случае нападения на него еще более значительных сил, чем те, которые им угрожали в данный момент.

XX. СОВЕТ

Никакими словами нельзя передать радость дона Энкарнасиона Ортиса, когда он наконец опять увидел свою невесту.

И донья Линда, еще недавно такая несчастная, а теперь свободная и окруженная друзьями, боялась поверить в эту внезапную и счастливую перемену. Из ее глаз катились слезы радости. Она не находила слов, чтобы поблагодарить своих спасителей и сказать им, что она испытывает, находясь под их защитой.

Даже дон Луис Морен, удивленный неожиданным исходом своего отважного поступка, смотрел на всех вопросительно, как бы не понимая, что произошло.

Только вождь команчей сохранял полное спокойствие духа и ясность ума. Он понимал, что далеко еще не все кончено. Достаточно было одного слова дона Горацио, чтобы сбежались послушные ему бандиты, а в этом случае счастливый результат смелой попытки ставился под угрозу.

Не теряя ни одной минуты, Мос-хо-ке отдал приказ, и весь отряд с невероятной быстротой пронесся через деревню и бешено помчался к лесу, служившему ранчерос убежищем.

Там дон Рамон со слезами на глазах обнял молодую девушку. Он усадил ее рядом с собой около костра и заставил рассказать до мельчайших подробностей все, что произошло с момента похищения ее капитаном Горацио де Бальбоа.

Дон Энкарнасион, слушая рассказ Линды о перенесенных ею жестоких страданиях, не мог удержаться от яростных клятв отомстить дону Горацио.

Сидевшие у костра вдруг услышали резкие крики со стороны равнины. В первую минуту все подумали, что это атака бандитов.

Но при появлении служанки, приведенной, или, вернее, принесенной в полубоморочном состоянии, все разъяснилось.

Когда бедная девушка, благодаря умелым заботам доньи Линды пришла в себя, она стала отвечать на все обращенные к ней вопросы.

Сейчас было уже поздно преследовать капитана. Удивляясь дерзости капитана де Бальбоа, все понимали в то же время, что против такого противника необходимо удвоить меры предосторожности, а не надеяться на счастливый случай.

Что касается доньи Линды, еле стоявшей на ногах от усталости и

пережитых волнений, она удалилась со своей служанкой в приготовленный для нее шалаш.

Когда девушки скрылись, дон Энкарнасион и дон Луис, не сговариваясь, молча поднялись и легли у входа в шалаш, завернувшись в свои плащи.

Дон Рамон Очоа и вождь команчей остались одни у костра.

Вскоре лагерь затих; индейцы и ранчерос погрузились в глубокий сон.

Только двое мужчин, не смыкая глаз, как бдительные часовые, охраняли этот спящий лагерь.

Прошло несколько часов; дон Рамон и Мос-хо-ке не обменялись ни одним словом.

Наступил рассвет.

Горизонт стал окрашиваться в опаловый цвет.

Медленно поднялся густой туман и сгустился над Рио Хила в сероватые облака.

Вдруг, как бы из-под земли, в двух шагах от Мос-хо-ке появился воин и молча стал перед ним.

Вождь поднял голову и, устремив свой орлиный взгляд на индейца, сказал:

— Хорошо! Мой сын Антилопа возвратился! Где находятся белые, которых вождь поручил ему охранять?

— Бледнолицые слепы ночью. У них медленный шаг, — ответил воин. — Антилопа их обогнал, чтобы предупредить вождя. Они придут сюда немного позднее восхода солнца.

— Начальник Седая Голова с ними?

— Да. Один бледнолицый воин, который присоединился к отряду до захода солнца, сообщил ему, без сомнения, важные новости, потому что начальник Седая Голова немедленно ускорил движение вперед.

— Лошадь моего сына устала?

— Нет. Если мой отец хочет, она еще может сделать большой путь.

— Мой сын осмотрел лагерь; он должен вернуться и рассказать Седой Голове о том, что он видел.

Воин молча поклонился и тотчас исчез. Мос-хо-ке легко коснулся руки дона Рамона, от усталости заснувшего на несколько минут.

— Что случилось? — спросил дон Рамон, открывая глаза.

— Ничего, — спокойно ответил вождь, — в лагере все в порядке. Один из воинов Мос-хо-ке известил его, что начальник Седая Голова скоро придет. Нет ли каких-нибудь распоряжений у моего брата по этому поводу?

— Никаких. Мне неизвестны намерения дона Хосе, поэтому я ничего не могу брать на себя. Ведь он один имеет право давать приказания, нам лучше послать разведчика к развалинам — пусть он разузнает, каковы намерения капитана Бальбоа и какие предосторожности принял он в ожидании атаки.

— Мой брат дал мудрый совет. Этим разведчиком будет Мос-хо-ке.

— Вы, вождь? Мне кажется, что для этой разведки было бы достаточно одного из ваших воинов.

— Мой брат понимает, что в серьезных обстоятельствах вождь должен все видеть своими глазами. Мос-хо-ке пойдет сам.

— Хорошо. Так, конечно, будет лучше. Вчерашняя ночная разведка меня беспокоит. Капитан Бальбоа — храбрый солдат и находчивый человек, этого отрицать нельзя. Он готовит нам в этот момент какую-нибудь штуку в его духе! Тем более что он знает — пощады от нас ему не ждать!

— Хорошо. Пусть мой брат будет спокоен — вождь увидит все.

Мрак к этому времени рассеялся. На горизонте горела утренняя заря. Несколько раз подряд раздалось грустное уханье совы.

Не прибавив больше ни слова, вождь поднялся, стянул на себе покрепче пояс, дружески попрощался с доном Рамо-ном, подошел к лошади, вскочил на нее и галопом помчался с лужайки.

Этот звук разбудил молодых людей. Подбежав к дону Рамону, они стали расспрашивать его о причине внезапного отъезда индейца.

Дон Рамон в нескольких словах рассказал им о том, что произошло. И только начал говорить о скором прибытии дона Хосе Морено, как вдруг послышался стук копыт, и на лужайке показался сам дон Хосе, сопровождаемый многочисленным отрядом всадников.

Друзья радостно бросились к нему навстречу.

— Где же моя дочь, сеньоры?! — дрожащим голосом воскликнул дон Хосе.

— Я здесь, отец! — раздался голос доньи Линды, и она выбежала из шалаша.

— Ты снова со мной, дитя мое! Моя дорогая дочь! — вскричал дон Хосе, соскочив с лошади и горячо обнимая Линду.

На какое-то мгновение дон Хосе забыл все свои горести.

— О! Это ты! — повторял он с неизъяснимым восторгом. — Это ты! Наконец ты со мной!

— Да, отец, благодаря этим преданным друзьям! — Она ласково указала на молодых людей, смотревших на нее с нежной улыбкой.

— Да вознаградит их бог! — воскликнул старик, не в силах удержать слез. — Увы! Только с его помощью я смогу отблагодарить их за то, что они для меня сделали!.. Простите, сеньоры! — сказал он, обращаясь к растроганным свидетелям этой сцены. — Простите мне мою слабость, но мое дорогое дитя, мою дочь похитили, а теперь я вновь нашел ее! Ведь я думал, что она потеряна для меня навсегда! Дайте мне выплакаться, я должен излить свои чувства. Сейчас я только отец, и я прошу у вас несколько минут. Потом, клянусь вам, я снова стану воином!

Офицеры молча поклонились и ушли, чтобы отец и дочь могли свободно отдаться своей радости.

Между тем наступил день. Пылающее солнце поднялось на горизонте.

Ранчерос и индейские воины занялись чисткой лошадей и приготовлением завтрака; в лагере царило крайнее оживление: все понимали, что с минуты на минуту должны произойти важные события.

Во время этих приготовлений на лужайке появился вождь команчей; индеец был так же спокоен и холоден, как и до своего отъезда. Между тем его костюм был забрызган пятнами крови и два еще дымящихся скальпа висели у его пояса.

— О! — воскликнул Энкарнасион. — Мне кажется, вождь, что вам удалось близко видеть наших врагов!

— Испанцы — псы, они не умеют беречься! — холодно ответил индеец. — Мос-хо-ке захватил врасплох двух испанских часовых.

Индеец соскочил с лошади и, отстранив рукой собравшихся вокруг него индейцев и ранчерос, отошел в сторону с двумя молодыми офицерами и доном Рамоном.

— У вас есть новости, вождь? — спросил бывший алькальд.

— Да, — лаконично ответил индеец.

— Важные?

— Да... Однако начальник Седая Голова уже давно должен быть здесь. Очень странно, что его нет.

— Он прибыл более получаса назад.

— Тогда почему его нет на собрании начальников?

— Потому... — ответил дон Хосе, подходя к ним, — потому, что я — отец, и счастье вновь найти свою дочь заставило меня на несколько минут обо всем забыть. Теперь я готов вас слушать и действовать как воин.

— Начальник мудр, — сказал индеец. И все они сели вокруг костра.

Мос-хо-ке вытащил из-за пояса трубку, набил табаком и, взяв уголек из костра, зажег ее; затем в течение нескольких минут он молча курил.

Потом Мос-хо-ке вынул трубку изо рта и предложил ее дону Рамону.

От дона Рамона трубка перешла по очереди ко всем другим. Все курили, не произнося ни одного слова, пока весь табак не был сожжен. Тогда вождь вытряхнул пепел в огонь, спрятал трубку за пояс и, сложив руки на груди, стал ждать, чтобы к нему обратились.

Дон Хосе Морено, индеец по происхождению, уважал все обычаи краснокожих. Взглядом он дал понять своим друзьям, что нельзя выказывать никакого удивления, — наоборот, надо отнестись к этой церемонии очень просто.

Дон Хосе в течение нескольких минут тоже не нарушал молчания; казалось, он задумался. Затем он поднял голову и торжественно обратился к индейцу:

— Теперь, вождь, скажите, какие новости вы принесли нам об испанском капитане?

— Эти новости и хороши и плохи, смотря по тому, как посмотрит мой отец, — поклонившись, ответил индеец. — Воины испанца рыли всю ночь рвы и окопы вокруг лагеря, в середине которого стоит Большой Дом. Человек двадцать лучших стрелков — в засаде; они спрятались на крыше за связками прутьев и за корзинами с землей. Около сорока всадников готовы к вылазке. Кроме того, у испанца есть по крайней мере месячный запас провианта и боевых припасов. Он не только не боится нашей атаки, он ее ждет. Он уверен, что сможет легко разбить ваш отряд.

— Значит, у него целая армия, — насмешливо заметил дон Хосе, — если он задумал такие смелые планы!

— Испанец потерял больше половины своих солдат во время урагана в пустыне. Но теперь у него гамбусинос — сто двадцать пять человек. Испанский капитан случайно встретил их здесь при поисках клада. Значит, у гачупинов сейчас триста воинов. Они вооружены огнестрельным оружием и умеют с ним обращаться. Испанец заключил союз с племенем ягуаров. Это воинственное и могущественное племя грозного народа апачей. Ягуары стоят лагерем в горах, в двух часах отсюда. Они придут в Большой Дом до захода солнца.

— Гм! Все это очень серьезно! — сказал дон Рамон.

— Очень серьезно, — холодно подтвердил дон Хосе. — Итак, это все силы, которыми располагает капитан? — спросил он у вождя.

— Да, все, — ответил тот. Наступило молчание.

Четыре человека выжидающе смотрели на старика. Наконец он заговорил.

— Приготовьтесь внимательно слушать то, что я вам скажу, — торжественно сказал он, — потому что от исполнения моих приказаний

зависит успех нашей экспедиции!

— Говорите.

— Капитан дон Горацио де Бальбоа стоит во главе двухсот пятидесяти бандитов, гамбусинос и испанцев. Если присоединить сюда три сотни воинов из племени ягуаров, это составит пятьсот пятьдесят человек. Нас — и белых и краснокожих — только двести двадцать человек. Но зато мы все полны решимости и самоотверженности. Капитан же может довериться только небольшому количеству воинов. Большая часть их убежит, когда увидит, что дело становится опасным. Я понимаю, что человек восемьдесят или сто из этих висельников храбры, но только тогда, когда они надеются на богатую добычу. Сражаться во имя славы они не любят. С этими вы легко справитесь. Остаются воины-апачи. Прежде всего неизвестно, придут ли они. Если они и придут, то в последний момент, как хищники, чтобы схватить часть добычи и прикончить побежденного, кто бы он ни был. Итак, по-моему, вот что нужно делать: вы, дон Рамон Очоа, во главе шестидесяти воинов нападете на окопы с фронта. Вы завяжете с гамбусинос ружейную перестрелку и довольно длительную, чтобы они поверили в серьезность атаки. Вы, дон Луис Морен, и вы, дон Энкарнасион Ортис, каждый с двадцатью воинами, будете производить такие же ложные атаки с флангов, но не продвигаясь, однако, настолько, чтобы ввязаться в бой. Вождь оставит здесь десять своих воинов, чтобы охранять и защищать мою дочь.

Сорок индейцев под водительством Антилопы будут следить за движением апачей. Шестидесят воинов под командой дона Кристобалья Нава образуют резерв, который сможет броситься туда, где только будет в этом нужда. Но помните: прежде чем вы все не увидите на крыше Большого Дома знамени независимости Мексики, не идите в наступление! А, увидев знамя, бросайтесь вперед, — и победа будет за нами!

— Но вы, дон Хосе... каковы ваши намерения? — спросил дон Энкарнасион Ортис.

— Пусть это не беспокоит вас, мой друг, — уклончиво ответил старик. — Я буду на развалинах прежде всех вас.

— А Мос-хо-ке? — спросил индеец. — Разве моему отцу Седой Голове нечего приказать своему сыну?

— Вы останетесь со мной, вождь, — ответил дон Хосе, сердечно протягивая ему руку.

— Мос-хо-ке благодарит своего отца! — с радостной улыбкой ответил индеец.

— Я сохранил для вас и для себя, вождь, наиболее трудную и опасную

задачу.

— Мой отец добр. Мос-хо-ке его благодарит, — повторил вождь.

— Теперь, сеньоры, — добавил дон Хосе, обращаясь к молодым людям, — за дело! Да поможет нам бог!

Три офицера немедленно поднялись, чтобы стать во главе назначенных им отрядов.

Дон Хосе Морено и вождь команчей остались одни.

Через несколько минут краснокожие и ранчерос под командой своих начальников покинули лужайку и галопом поскакали в прерию.

И только десять воинов-команчей в полном вооружении и военной одежде стояли неподвижно, подобно бронзовым статуям, ожидая повелений дона Хосе Морено и вождя Мос-хо-ке.

XXI. РАЗВЯЗКА

Когда лужайка опустела, дон Хосе Морено, оглянувшись вокруг, убедился, что все ранчерос уже далеко. Тогда он наклонился к уху вождя и сказал голосом слабым, как дуновение ветерка, несколько слов; потом поднялся, медленно направился к шатру и скрылся за серапе, заменявшим дверь.

Мос-хо-ке знаком подозвал одного из команчей, который тотчас же приблизился и почтительно остановился перед ним.

— Пусть мои воины оставят здесь, под охраной часового, своих лошадей! — приказал Мос-хо-ке. — Они им не понадобятся.

Индеец передал этот приказ своим товарищам; все быстро спешили и привязали лошадей к стволам деревьев. Один воин с ружьем в руке остался сторожить лошадей.

Из шатра вышел дон Хосе.

Глаза старика были влажны, лицо бледно. Он только что простился со своей дочерью. Донья Линда, не выдержав, выбежала вслед за ним из шатра и, зарыдав, бросилась опять в его объятия.

Дон Хосе Морено, поддавшись чувству отцовской любви, прижал дочь к груди; но через мгновение ласково отстранил ее и сказал задрожавшим от волнения голосом:

— Мужайтесь, дитя мое! Бог видит мои мысли! Молитесь обо мне, он услышит вашу молитву!

В этот момент воздух огласился ружейными выстрелами.

Битва между ранчерос и гамбусинос началась.

Дон Хосе быстро подошел к вождю команчей и тихо сказал ему:

— Вождь, наступил наконец час, когда я должен вам все сказать. Выслушайте меня: я удержал вас подле себя, потому что люблю вас, хочу доказать мое доверие и вознаградить вас за искреннюю преданность моей семье. Я посвящу вас в тайну, известную лишь мне одному.

Мос-хо-ке не сказал ни слова; на его лице, всегда спокойном, отразилось необычайное волнение; нервная дрожь потрясла его, две слезы медленно скатились по щекам.

— Во имя неба, что с вами, вождь? — вскричал дон Хосе Морено. Он был удивлен и даже испуган, увидев Мос-хо-ке, всегда спокойного и хладнокровного, в таком взволнованном состоянии.

— Мос-хо-ке видит... — ответил индеец задышающимся голосом,

преклонив колено и целуя руку старика, — Мос-хо-ке видит, что его отец Седая Голова — настоящий потомок сыновей Солнца! Слова, которые он произнес, для Мос-хо-ке — самая большая награда за его преданность! А теперь пусть отец мой выслушает одно признание.

— Говорите, вождь. Что вы хотели сказать?

— Тайну, которую отец мой считает никому не известной, знает еще один человек.

— Это правда? — побледнев, вскричал старик. — А вы знаете этого человека?

— Да, вождь его знает, отец мой! Этот человек — Мос-хо-ке!

— Вы! — с нескрываемой радостью вскричал дон Хосе.

— Эта тайна сохранена в вампуме²⁵, и вожди племени владели ею поочередно. Но пусть мой отец успокоится: он найдет сокровище неприкосновенным. Команчи знают, что оно не принадлежит им, что оно только доверено им. Они бережно охраняли его.

— Вождь, вы мудрый человек и верный друг! Вот вам моя рука! Вы не только мой друг, вы мой брат! — А теперь пойдём, мы не можем терять ни одной минуты.

— Куда хочет направиться мой отец?

— К озеру дель Лагарто, в подземелье, которое так давно таит сокровище императоров инков.

— Мос-хо-ке идет вслед за отцом.

И они быстро удалились в сопровождении девяти воинов-команчей.

С равнины непрерывно доносилась ружейная пальба; время от времени к ней примешивались крики страдания и гнева.

— Вождь, — сказал дон Хосе, — я предоставляю вам честь быть нашим проводником.

Довольная улыбка промелькнула на строгом лице вождя; вместо ответа он стал во главе группы.

Оставив за собой лужайку, они пошли по индейскому способу, то есть гуськом, и, став спиной к саванне, повернули направо. Они углубились в часть леса, такую густую, что могли продвигаться, и то с большими трудностями, только при помощи топоров и ножей.

Внезапно перед ними возникла громадная расщелина — два километра в длину и триста метров в ширину; в глубине ее была видна гниющая зеленая вода, на поверхности которой, греясь на солнце, плавали безобразные кайманы, похожие на высохшие стволы деревьев.

Это и было озеро дель Лагарто, или Кайман.

Индейцы довольно долго шли по берегу озера вслед за вождем.

Уверенность и быстрота, с какой подвигался вперед Мос-хо-ке, показывали, что эти пустынные края ему хорошо знакомы.

Все индейцы и даже дон Хосе Морено были вооружены длинными гибкими прутьями. Ими они обшаривали кусты вокруг себя и убивали злобно шипящих змей, поминутно выскакивающих из чащи, служившей им пристанищем.

Приблизительно через полчаса они дошли до пригорка, покрытого густой травой, с несколькими мощными деревьями.

— Вот и теокали²⁶, — сказал дон Хосе.

— Да, — подтвердил вождь.

Мос-хо-ке наклонился и быстро нашел почти невидимую пружину, нажал ее — огромный камень бесшумно повернулся кругом и раскрыл вход в подземелье.

По знаку вождя индейцы без колебания вошли в зияющее отверстие; потом вождь привел в действие внутреннюю пружину, и камень стал на свое место.

Подземелье шло слегка отлого вглубь на громадное расстояние под землей; оно было настолько широко, что шесть человек могли шагать в ряд, и настолько высоко, что везде можно было стоять во весь рост; искусно расположенные отверстия давали возможность воздуху и свету проникать в подземелье.

Снова впереди стали Мос-хо-ке и дон Хосе, и все пошли тем ускоренным шагом, каким обычно ходят краснокожие и с которым трудно соперничать идущей рысью лошади.

Через пятнадцать минут этого быстрого хода они вошли в большую круглую комнату, вдоль стен которой стояло шестнадцать сундуков. Они были из красного дерева; это род дерева, которое даже время, этот великий разрушитель всего существующего, оставляет нетленным.

Вождь остановился и стал поднимать одну за другой крышки сундуков. Дон Хосе Морено увидел, что каждый из них доверху наполнен бледно-желтой пылью, тусклой и землистой, напоминающей высохшую размельченную смолу гуммигутового дерева.

Это было золото.

Его было не менее чем на шестьдесят миллионов пиастров, то есть приблизительно на триста миллионов франков.

Дон Хосе и индейцы равнодушно смотрели на этот металл, хотя он обладает гибельным могуществом сводить с ума даже очень мудрых людей.

Несколько минут дон Хосе Морено стоял, скрестив на груди руки и пристально глядя на лежащие перед ним огромные богатства, слабо

блестевшие в сумерках подземелья. Потом он снял шляпу и низко поклонился воинам-команчам.

— Благодарю вас, братья мои! — сказал он. — Благодарю за непоколебимую верность, с которой в течение столетий ваши отцы хранили сокровище императоров инков! Настал наконец тот день, о котором говорил последний из сынов Солнца! Эта масса золота, лежавшая во тьме, даст свободу расе, так долго бывшей под игом победителей. Господство наших тиранов окончено! Благодаря вашей преданности родине тираны будут навсегда изгнаны с этой земли, на которой в течение трех веков проливалась, как вода, кровь наших отцов! Слава вам, вождь Мос-хо-ке и воины-команчи! Когда все рушилось вокруг вас, когда наша национальность не существовала более, когда наша раса была под угрозой полного уничтожения, вы верили в предсказания ваших отцов и не теряли надежду возродить нашу родину!

— Ваша милость, — с достоинством ответил вождь, — команчи — потомки инков, они сыновья Кактуса и Грифа. Разве они могут отречься от своего происхождения?

— Это верно. Команчи — благородный и великий народ! Им одним будет принадлежать честь освобождения нашей родины.

Дон Хосе взял на ладонь несколько зерен золота, посмотрел на них с выражением горькой печали и выпустил их. Они проскользнули между пальцами и упали в сундук.

— Пути господни неисповедимы! — со слезами в голосе прошептал он. — Ведь именно для того, чтобы завладеть этим металлом, тираны давили нас своим неумолимым игом, избивали, как диких зверей. И этот же самый металл, которого они так хищно добивались, каждая частица которого запятнана кровью, будет единственной причиной их гибели!

— Так хотел Ваконда — он справедлив, — глухо ответил вождь. — Это страшный закон возмездия.

На несколько минут воцарилось молчание; наконец дон Хосе поднял голову и решительно сказал неподвижно стоявшему подле него Мос-хо-ке:

— Мы должны идти. Нас призывает другая забота. Вождь небрежно опустил крышку сундука, и смелые исследователи вышли из круглой комнаты.

Подземелье, которое до сих пор опускалось отлого по бесконечным извилинам и поворотам, вдруг приняло другое направление и стало подниматься к поверхности земли.

Галереи скрещивались, переплетались; однако вождь нигде не останавливался и не замедлял шага. Можно было подумать, что невидимая

нить ведет его через лабиринт, безвыходный для любого другого.

Шум сражения отчетливо доносился до слуха индейцев и дона Хосе Морено. Над головой у них раздавался страшный грохот мчавшихся галопом лошадей, крики и ружейные выстрелы.

Внезапно Мос-хо-ке остановился. Дону Хосе показалось, что они подошли к концу подземелья и выхода из него нет. Но индеец наклонился, соскреб своим ножом землю с выступавшего в виде бугорка камня и сильно надавил на него каблуком; стена над камнем, сделав полный поворот, открыла широкий проход; теперь все они очутились в небольшом, низком и сыром подвале.

Мос-хо-ке открыл источенную червями дверь. Вся группа, неожиданно для нее, вошла в ту комнату, где происходила сцена, рассказанная нами в одной из предыдущих глав.

В комнате царил страшный беспорядок, и она была пуста.

Дон Хосе Морено и Мос-хо-ке, тихо обменявшись несколькими словами, расстались.

Мос-хо-ке, взяв с собой двух воинов, спрятался в засаду позади двери, ведущей в соседнюю комнату.

Дон Хосе Морено, в сопровождении остальных индейцев, пройдя через всю комнату, взобрался по приставленной лестнице и неожиданно появился на асоте²⁷, где человек двенадцать гамбусинос, стоя на коленях за бруствером, яростно стреляли в ранчерос.

Ударом ноги дон Хосе Морено отбросил лестницу в комнату и, став во главе индейцев, с боевым криком бросился на гамбусинос.

Внезапно атакованные с тыла, впавшие в ужас при виде чудом появившихся новых врагов, гамбусинос сдались почти без сопротивления.

Дон Хосе Морено, став на краю крыши, развернул хранившееся у него за поясом мексиканское знамя, привязал его к своему ружью и поднял вверх.

При виде флага ранчерос и команчи, нетерпеливо ожидавшие этого сигнала, в могучем порыве бросились на укрепления, желая ворваться со всех сторон одновременно. Тогда началась настоящая битва.

Дон Горацио де Бальбоа с момента атаки все время находился рядом со своими солдатами, подавая им пример мужества. Внезапно он заметил, что ружейный огонь с крыши прекратился. Заподозрив измену, он побежал в дом. Но не успел он переступить порог двери, как три человека разом набросились на него.

Капитан обладал богатырской силой, поэтому, даже захваченный врасплох, он стал отчаянно защищаться. Было мгновение, когда ему

показалось, что он может считать себя победителем.

Ударом шпаги убив одного индейца, почти задушив второго, он набросился на Мос-хо-ке. В борьбе они оба упали на землю. И тут капитан внезапно почувствовал, что кто-то отрывает его от Мос-хо-ке и валит на пол.

Это был второй индеец, почти удушенный капитаном; придя немного в себя, он яростно бросился на дона Горацио.

Мос-хо-ке поднялся и поспешил на помощь индейцу. После долгой борьбы им удалось вдвоем преодолеть отчаянное сопротивление испанца и связать ему ноги и руки.

Наконец тигр был укрощен.

Мос-хо-ке с помощью воина поднял по приставной лестнице пленника на асотею.

В это время ранчерос и краснокожие воины, на помощь которым пришел резерв дона Кристобая Нава, энергично штурмовали укрепления. В нескольких местах им даже удалось вскарабкаться на стены и вторгнуться внутрь дома. К тому же непонятное отсутствие капитана в момент самой ожесточенной битвы нанесло роковой удар защищавшимся гамбусинос.

Увидев развевающееся мексиканское знамя, гамбусинос — мексиканцы по происхождению и патриоты в душе — почувствовали, что их мужество ослабевает. Соединившись вместе и единодушно подняв свое оружие, с криками: «Да здравствует родина!» — они примкнули к ранчерос, став против своих прежних соратников — солдат капитана.

Испанские солдаты, в большинстве своем бандиты, отверженные людьми, понимали, что они не могут надеяться на милость своих противников. Поэтому они стали драться с еще большей силой не для того, чтобы победить, — они знали, что сражение уже проиграно, — но чтобы продать свою жизнь за дорогую цену.

Национальная ненависть еще яростнее разжигала гнев сражающихся, делала битву ужасной, обращала ее в бойню, в резню...

Упавший человек не успевал подняться — его тут же безжалостно добивали.

Воины-апачи показались на опушке саванны, но, как и предвидел дон Хосе Морено, они сразу поняли, что вторжение для них невыгодно; промчавшись во весь дух по равнине, они исчезли в лесу, даже не попытавшись принести помощь своим союзникам.

В это же время сражавшиеся солдаты дона Горацио увидели на асотею своего начальника, взятого в плен мексиканцами, связанного по рукам и

ногам.

Оружие выпало из их рук, они стали умолять о пощаде своих противников.

Последние, упоенные битвой, оставались глухи к их мольбам и перебили всех до одного. Больше сражаться было не с кем, живым остался только один капитан.

По окончании битвы дон Хосе Морено разрешил гамбусинос уйти. Они искупили свою вину, отделившись от испанцев и помогая ранчерос победить. Отпущенные на свободу, гамбусинос исчезли в направлении Рио Браво.

Тогда, согласно страшному закону возмездия, существующему в пустыне, в Большом Доме Монтесумы собрался совет для суда над доном Горацио де Бальбоа.

В совете участвовали: дон Хосе Морено как председатель совета, дон Энкарнасион Ортис, дон Луис Морен, дон Рамон Очоа, дон Кристоаль Нава, вождь Мос-хо-ке и вождь Антилопа.

С капитана сняли веревки. Под охраной двух ранчерос он подошел к судьям.

В тот момент, когда дон Хосе Морено хотел начать допрос, дверь открылась и появилась донья Линда.

Ее приход изумил всех присутствующих.

Молодая девушка приблизилась к трибуналу и, дрожа от волнения, обратилась к отцу:

— Отец мой, я пришла просить вас об этом человеке! Вы не можете быть судьей в деле, которое так близко касается вас. Я верю, что ваше сердце слишком великодушно, чтобы вы решились мстить за личную обиду. Перед вами офицер короля. Он в ваших руках, вы его победили. Прошу вас, смотрите на него не как на преступника, а как на несчастного противника! Предоставьте богу наказать его!

— Дочь моя... — сурово начал дон Хосе. Но капитан жестом прервал его.

С той секунды, когда дон Горацио осознал себя пленником, он почувствовал, что в нем происходит нечто совершенно новое для него. Нельзя сказать, чтобы он стал менее мужественным или что он ощутил страх смерти. Нет, наоборот! Но испытанное им поражение, гибель всех надежд и мечтаний, с которыми он так сжился, сломили энергию этого могучего организма. Он понял ужас совершенных им преступлений для достижения цели, ускользнувшей от него навсегда. Понял свою чудовищную неблагодарность по отношению к человеку, которому был

всем обязан. Он признал справедливость обрушившихся на него ужасных ударов! Сейчас смерть ему казалась искуплением, он хотел умереть.

— Сеньоры, — с достоинством сказал он, — я благодарю вас за то, что вы не откладываете суда надо мной! Каков бы ни был ваш приговор, я признаю его заранее справедливым, потому что вы являетесь орудием божьей мести. Это не вы меня караете, а бог!

Обернувшись к донье Линде, он почтительно поклонился ей и сказал:

— Сеньорита, ваши слова — мой смертный приговор. Человек, который виновен в таком преступлении, какое я совершил против вас, недостоин жить! Простите меня! Да благословит вас бог!

И прежде чем могли угадать его намерение и помешать ему, он быстрым движением выхватил кинжал у ранчero, вонзил себе в грудь и мертвый упал к ногам доньи Линды.

Он сам себе вынес смертный приговор.

Через два месяца после этих событий шестьдесят миллионов пиастров золоте были внесены доном Хосе Морено в кассу мексиканского конгресса. Через восемь дней полковник Итурбиде²⁸, до этих пор один из самых ожесточенных противников мексиканской революции, поднял против Испании знамя независимости и утвердил окончательную победу мексиканцев по Игуальскому договору.

Сбылось предсмертное предсказание императора инков: благодаря его сокровищам испанцы были изгнаны из страны, которую они так тяжело угнетали в продолжение трех столетий.

В тот день, когда генерал Итурбиде вступал в Мехико, будущую столицу республики, праздновали свадьбу доньи Линды и дона Энкарнасиона Ортиса.

Дон Луис Морен, дон Рамон и дон Крестобаль Нава были свидетелями при заключении брачного договора.

Мос-хо-ке присутствовал при свадебной церемонии рядом с доном Хосе Морено, который в один и тот же день отпраздновал победу родины и счастье дочери.

Выйдя из церкви, дон Луис стал прощаться с друзьями.

Напрасно они пытались его удержать подле себя: все их уговоры терпели неудачу.

— Но что же вы хотите делать, наконец? — спросил Энкарнасион. — Куда вы уезжаете?

— Мой дорогой Энкарнасион, — с обаятельной улыбкой ответил дон Луис, — Мексика свободна, вы счастливы, не правда ли?

— Конечно! — воскликнул Энкарнасион.

— А я — нет, признаюсь в этом. С тех пор как я увидел пустыню, вдохнул в себя запах саванн, жизнь в городе давит меня, а цивилизация утомляет.

— Вы безумец!

— Нет, я мудр. По крайней мере, я так считаю.

— Итак, вы хотите...

— Я хочу, — перебил дон Луис, — пожить теперь для себя, после того как я столько времени жил для других. Мина умер, вы женаты, я остался один. Наш друг Мос-хо-ке сегодня же вечером возвращается в прерии. Я предложил сопровождать его. Мы отправимся вместе. Мы будем говорить о вас, мой друг. Кроме того, я оставляю вам мое сердце, вы для меня — все, что я люблю. Если когда-нибудь я вам понадобится, вы меня немедленно увидите подле себя. Не старайтесь меня удерживать — это бесполезно: мое решение принято окончательно.

В тот же день дон Луис Морен покинул Мексику и отправился в прерии с Мос-хо-ке, великим вождем команчей.

Быть может, когда-нибудь мы его снова встретим в пустыне!..

Примечания

1

Печатается без первой, обзорной главы.
(обратно)

Инсургент — мятежник, участник вооруженного восстания против правительства.
(обратно)

3

Брыжжи — нагрудник, спускающийся из-под воротника.
(обратно)

4

Чикоте (исп.) — хлыст.
(обратно)

5

Тамариндо — тропическое дерево с желтыми цветами.
(обратно)

Альфальфа (и сп.) — испанский клевер, люцерна.
(обратно)

Асиендадо — владелец асиенды. крупного поместья.
(обратно)

Франсиско Хавьер Мина — испанский либерал; возглавлял борьбу против деспотизма в Новом Свете, оказал помощь мексиканцам в их борьбе за независимость. Был расстрелян испанцами в 1817 году.
(обратно)

Ранчero — мелкий фермер.
(обратно)

Сагуан (исп.) — сени.
(обратно)

Патио (исп.) — внутренний дворик.
(обратно)

Чимборасо — одна из величайших вершин южно-американских Кордильер; верхняя часть Чимборасо покрыта вечным снегом.
(обратно)

Имеется в виду революция 1810—1821 годов.
(обратно)

Франсиско Эспос— и— Мина — испанский генерал (1782— 1836). Отважно сражался всю жизнь на стороне испанских либералов против короля Фердинанда VII, стремившегося к восстановлению абсолютизма. (обратно)

Нориас (исп.) — колодцы.
(обратно)

Амиго де ла индепенденсия (исп.) — друг независимости.
(обратно)

Обычно в Мексике этим именем называют индейцев мансос.
(обратно)

Окоте (исп.) — мексиканская сосна.
(обратно)

Йорри (исп.) — неперево́димая презрительная кличка, данная испанцам индейцами.
(обратно)

Альфорха (исп.) — род полотняной сумки с двойным карманом, в котором держат воду и продукты.
(обратно)

Урубу (исп.) — южноамериканский ястреб.
(обратно)

Скваттеры — колонисты, поселившиеся в Америке.
(обратно)

Хакаль (исп.) — хижина, крытая пальмовыми листьями.
(обратно)

Пулькерия (исп.) — кабачок, где продается пульке, алкогольный напиток из сока агавы.
(обратно)

Вампум (инд.) — ожерелья, пояса и различные украшения из раковин и бус. Индейцы пользуются ими в качестве писем.
(обратно)

Теокали — постройки древних месиканцев.
(обратно)

Асотея (исп.) — плоская крыша.
(обратно)

Август ин де Итурбиде (1783—1824) из корыстных и честолюбивых целей помог борцам за независимость Мексики (1819), добился провозглашения его императором (1821). Когда конгресс убедился в реакционных намерениях Итурбиде, последний был расстрелян в 1824 году.

(обратно)

/9j/4QDmRXhpZgAASUkqAAgAAAAFABIBAwABAAAAAQAAADEBAgAc